

№ 1(5)'2021

научный рецензируемый журнал

КАНТ

SOCIAL
SCIENCES
& HUMANITIES
SERIES

10.00.00 PHILOLOGICAL SCIENCES
17.00.00 ART STUDIES
22.00.00 SOCIAL SCIENCES
23.00.00 POLITICAL SCIENCE
24.00.00 CULTURAL STUDIES

ISSN 2305-8757

"НАШИ УШИ ЖИЛИ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ". СЛУХОВЫЕ
ПЕРЕЖИВАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ БРЕСЛАУ ВРЕМЕН ТРЕТЬЕГО РЕЙХА •
ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ •
ДОРОГА К ЦИФРОВОЙ НЕСВОБОДЕ: КАК
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МЕНЯЕТ РЕПРЕССИЯ
• АНТИЧНЫЙ КОСМОЦЕНТРИЗМ, СМЕРТЬ И
ДВИЖЕНИЕ БЫТИЯ-СУЩЕГО • КАРНАВАЛЬНОСТЬ
ПАРОДИЙНЫХ РЕЛИГИЙ В КОНТЕКСТЕ
ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ • К ИСТОРИИ
СТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СОСТАВНОГО
ЭЛЕМЕНТА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Научный рецензируемый журнал открытого доступа, выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований за счет средств издательства по следующим отраслям наук:

10.00.00 Филологические науки, 17.00.00 Искусствознание, 22.00.00
Социологические науки, 23.00.00 Политические науки, 24.00.00 Культурология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО "Издательство

СТАВРОЛИТ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьев Анатолий Федорович, д-р культурологии, профессор

Абдуллаева Рена Габиб кызы, д-р искусствознания, профессор, Институт архитектуры и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку)

Боташева Асият Казиевна, д-р полит. н., доцент, Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Грачев Сергей Иванович, д-р полит. н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. н., проф., Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Костина Анна Владимировна, д-р культурологии, д-р филос. н., проф., Московский гуманитарный университет (Москва)

Лёш фон Хельмут, д-р музыковедения, Государственный институт музыкальных исследований (Берлин)

Лю Сюянь, д-р филолог. н., проф., Полиция академия при Министерстве общественной безопасности КНР (Пекин)

Маслова Татьяна Федоровна, д-р социолог. н., проф., Северо-Кавказский социальный институт (Ставрополь)

Праххакара Джатъяло Рао, профессор лингвистики, Центральный университет Хайдерабада (Хайберабат)

Рахаев Анатолий Измаилович, д-р искусствознания, профессор, этномызовед, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств (Нальчик)

Саламзаде Эртегин Абдулвагаб оглы, д-р искусствознания, профессор, Национальной академии наук Азербайджана, член-кор. Национальной академии наук Азербайджана (Баку)

ИЗДАТЕЛЬ: ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"

ИНН/КПП 2635120079/263501001

Адрес: 355044, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44; Тел.: 8(962 4) 52-84-02

E-mail: info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru; Сайт: stavrolit.ru

© "KANT: social science & humanities", 2021, № 1(5), 1-108 с.

Главный редактор А.Д. Григорьева

Дизайн обложки М.А. Мирошниченко

Техническое редактирование и верстка П.В. Арсентьева

Корректура К.Д. Ковтун

Подписано в печать 05.01.2021. Формат 70 x 100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура MyriadPro. Печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 20,52. Тираж 100 экз. Заказ № 554.

Уважаемые читатели!

KANT: Social science & Humanities фокусируется на специальных и общих теоретико-методологических подходах, характерных для социально-гуманитарных исследований.

Журнал поощряет междисциплинарный подход, связывающий музыку, архитектуру, изобразительное искусство, литературу и социальную и интеллектуальную историю, а также симптоматично отражающиеся изменения в обществе и культурные последствия.

Широкая сфера охвата журнала способствует диалогу о научных проблемах, затрагивающих в различной степени эти области. Каждый выпуск содержит подборку исследований, а также рецензии на недавно вышедшие книги и фильмы.

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, отвечающие общим академическим требованиям (аргументированность, структурированность, оригинальность, логичность, согласованность), а кроме того должны быть написаны ясным, живым академическим языком, доступным для понимания в том числе неспециалистом.

*Шеф-редактор журнала,
к.полит.н. М.А. Григорьева*

Содержание

Августинс А. "Наши уши жили своей жизнью". Слуховые переживания в автобиографической литературе Бреслау времен Третьего рейха -----	5
Тагиева Т.М. Особенности адаптации вынужденных переселенцев к новой социальной среде -----	24
Новрузов Н.А. Неформальная экономика в мире и в Азербайджане ---	30
Фельдштейн С. Дорога к цифровой несвободе: как искусственный интеллект меняет репрессия -----	39
Гинзбург Б.Л., Гришин В.В., Шиловская Н.С. Античный космоцентризм, смерть и движение бытия-сущего -----	52
Соколов С.С. Карнавальность пародийных религий в контексте популярной культуры -----	61
Ильдырымлы Ф.Р. Проблемы вариативности музыкального жанра ренг в мугамном исполнительном искусстве молодежи -----	68
Григорьев А.Ф. Эволюция баянного исполнительства в исторической ретроспективе: от импровизации к академизации -----	75
Мехдиева М.А. К истории становления толерантности как составного элемента современного образа жизни -----	90
Боташева А.К. Международные организации: дискурс и диссонанс восприятия ЛГБТ в международных отношениях -----	99

Contents

Augustyns A. "Our Ears Lived Their Own Lives". The Auditory Experience in Breslau Autobiographical Literature during the Third Reich -----	5
Tagiyeva T.M. Features of the adaptation of internally displaced persons to the new social environment -----	24
Novruzov N.A. Informal economy in the world and in Azerbaijan -----	30
Feldstein S. The road to digital unfreedom: how artificial intelligence is reshaping repression -----	39
Ginzburg B.L., Grishin V.V., Shilovskaya N.S. Antique cosmocentrism, dearth and development of being-existence -----	52
Sokovikov S.S. Carnivalism of parody religions in the context of popular culture -----	61
Ildyrymly F.R. Problems of variability of the musical genre reng in the mugham performing arts of youth -----	68
Grigoriev A.F. Evolution of bayan performance in historical retrospective: from improvisation to academization -----	75
Mehdieva M.A. To the history of tolerance formation as an integral element of the modern way of life -----	90
Botasheva A.K. International relations: discourse and dissonance of LGBT perception -----	99

НОВЫЕ ТИПЫ ГЕРОЕВ В ФИЛЬМАХ "АНТОЛОГИЯ ГОРОДА-ПРИЗРАКА" И "ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА"

Перед нами фильмы, которые изобретают новый тип героя – «несуществующий человек». Его нет в классических типизациях персонажей. Раньше нельзя было вообразить, что он может быть главным героем фильма.

Согласно теории Жоржа Польти, любое произведение можно отнести к одному из тридцати шести драматических ситуаций. Новую ситуацию придумать практически невозможно, но новый тип героя может объявиться благодаря изменению окружающего мира. Современный мир готов принимать условности, а значит «несуществующий человек» может фигурировать в действии наравне с существующими. Подобные герои встречались и раньше в фантастических произведениях, но данные герои выходят за рамки фантастики и существуют вне жанра, при этом не разговаривая и совершая минимум действий.

В представленных фильмах «Антология города-призрака» Дени Коте (2019) и «История призрака» Дэвида Лоури (2017) призраки существуют на самом деле. То есть их образ поражает буквальной простотой – накинутая простыня, тряпочные маски или просто обычные человеческие фигуры. Самое подходящее оп-

**Антология
города-призрака**
Repertoire des villes,

2019, Канада

режиссер Дени Коте

сценарий Дени Коте

Лоуренс Оливер

оператор Франсуа Мессье-Рео

монтаж Николас Рой

ределение жанра для рассматриваемых фильмов – магический реализм, так как фантастические элементы включены в реалистическую картину мира. Призраков не существует в настоящей жизни, но уникальность реальностей такого кино берет истоки из древнего мира, где сначала поверили в магию, а потом открыли для себя искусство.

Перед нами фильмы о невидимой жизни, в существование которой мы не можем поверить. В обычном мире ничего не поменялось, но совсем рядом существует другая реальность. Потусторонний мир больше ничем не разделен с нашим. Это мир,

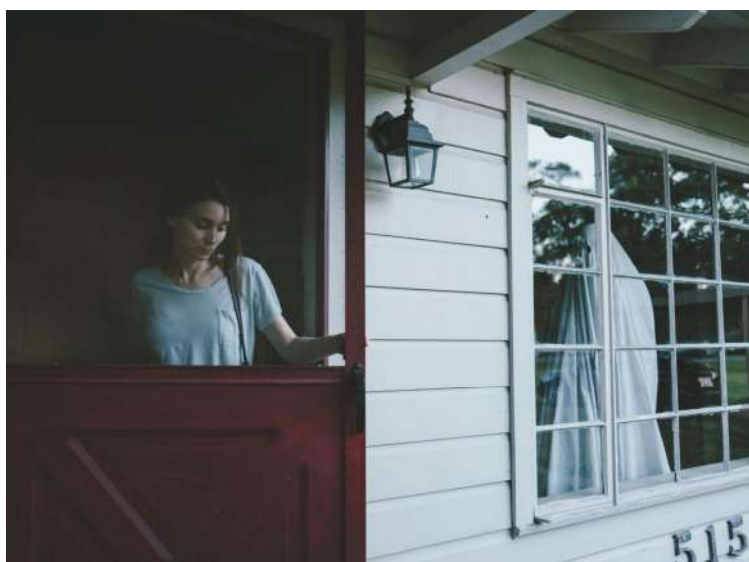
где мертвые существуют наравне с живыми, вводя в ступор зрителя и нагнетая дух вечности, у которой нет конца.

Внешние границы разрушаются и смешиваются. Все становятся наблюдателями: мертвые за живыми, а живые за мертвыми. Для того, чтобы разобраться в глубине и масштабности идейного мира фильмов, обратимся к кратким аннотациям:

В фильме «Антология города призрака» умирает молодой человек. Брат встречается его призрака и тщетно пытается с ним разговаривать. Постепенно каждый житель города встречается призраков, а на общегородском собрании приблизительно в сорок человек пытаются свести на нет все беспокойства. Возникает паника. Иногда жители видят играющих детей в тряпочных масках с пугающими гримасами. Девушка из города парит над землей, подавая знак, что все происходит в реальности.

В фильме «История призрака» в доме живет призрак одного из жильцов. Его жена съехала, новые владельцы быстро сменяются, а на руинах дома строятся новые здания. Меняется все, кроме меланхоличности и молчания призрака.

Для первого случая картины Коте характерна замкнутая в одном городе история. Границы – территории домов, за их пределами угроза безопасности, пустоты и снег. Бессильна власть и здравый смысл, отсутствует логика и какие-либо выходы из положения. Влияние неведомых сил сильнее воображимых исходов. Выход видится только в том, чтобы навсегда покинуть эту местность, простирающуюся за таможню неизвестности. Вырваться – значит превратиться в точку, исчезнувшую с радаров: в такой жизни нет ничего отличного от призраков.

В случае фильма Лоури время призрака тянется веками и не сопровождается паникой людей – они не видят его. Время мира бежит, а время призрака тяжело растягивается в каждом его медленном тяжелом движении. Он привязан в своему дому и не переходит границы. Мир вокруг условен, в нем нет ни имен, ни названий.

В первом случае сама история определяет исход, во втором случае исход определяет историю, потому что отсчет начат с «конца». В двух фильмах повествовательная завязка

История призрака

A Ghost Story,

2017, США

режиссер Дэвид Лоури

сценарий Дэвид Лоури

оператор Эндрю Дроз

Палермо

композитор Дэниэл Харт

монтаж Дэвид Лоури

– момент смерти героя, превращение в призрака.

Но дискурсивные стратегии авторов имеют разные воплощения описанных выше идей. Несмотря на то, что фильмы имеют расширенный квант длительности и герои принадлежат одному типу «несуществующий человек», они имеют разный характер поведения и психологию, вглубь которой следует погрузиться.

«История призрака» Лоури вызывает вопрос: от какого лица и в каком времени происходит действие? Действие происходит в существующем мире от лица несуществующего человека – не потому что он придуман, а потому что он мертв, но до этого знал, что такое существовать, как все. Поменялось только то, что он лишился смысла существования уже после своей смерти.

Автор выбирает стратегию молчания и невидимого присутствия. Это создает тайну, которую невозможно озвучить. При этом внешнее напряжение фильма минимально, основную динамику создают внутренние конфликты.

Лоури доказывает, что в центре фильма может быть симулякр – простыня, за которой есть только призрак жизни. А зритель будет верить простыне и идентифицировать

себя с ней в ситуации, где царит буквельность и действие происходит уже после смерти. И все это без ноты паники, в реальности медитации под мелодичный саунд-рек.

«Антологии города призрака» снята на пленку. Сам факт наличия призрака на пленке создает мистическую атмосферу и связывает фильм с прошлой эпохой. Режиссер создает неконтрастный холодный мир, где не происходит ничего хорошего. Главный герой так же отсутствует – он уже умер, стал «несуществующим человеком», но его история все равно продолжается, и он влияет на судьбы других. Название указывает на то, что призрак – и сам город, который является симулякром жизни. Пустота становится центром истории, что выражает парящая над землей Адель, которая находится буквально «нигде» и это будоражит воображение остальных.

В представленных фильмах смерть – это условность, которая осмысливается через метафоры призраков: чтобы было, если бы герои были живы? В кино появляются новые образы и герои, которые показывают зрителю взгляд с нестандартных сторон и выстраивают подходящие для этого системы повествования.

Валерия Чуйкова

"OUR EARS LIVED THEIR OWN LIVES". THE AUDITORY EXPERIENCE IN BRESLAU AUTOBIOGRAPHICAL LITERATURE DURING THE THIRD REICH

Augustyns Annelies, doctoral researcher in literary studies, University of Antwerp, Vrije Universiteit Brussel, Brussel, Belgium

With Adolf Hitler coming to power in January 1933, the National Socialists staged their dominance in the city center of Breslau by using various visual and auditory elements - including swastikas, singing, marching, dispersing rumors - to spread their influence and keep the people under control. How were these changes in the city soundscape used for social exclusion and territory-marking? How were they experienced by the Jewish population and how can they be related to questions of identity and (non-)belonging? Addressing these questions with the corpus of autobiographical writings - both diaries and autobiographies - from Jewish victims from the city of Breslau will be the main aim of this article. This study of literary testimonies will focus on the constant and changing sounds of propaganda in Breslau, sound technologies such as radio and loudspeakers used for propaganda, and the relation between sound, identity, and trauma.

Keywords: city soundscape; Breslau; 'Third Reich'; autobiographies; diaries; identity; trauma.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.1

"НАШИ УШИ ЖИЛИ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ". СЛУХОВЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БРЕСЛАУ ВРЕМЕН ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

УДК 82-94
БАК 10.01.08

© Аннелис А., 2021
© Григорьева М.А.,
перевод, 2021

С приходом к власти Адольфа Гитлера в январе 1933 года национал-социалисты установили свое господство в центре города Бреслау, используя различные визуальные и слуховые элементы, включая свастику, пение, марширование, распространение слухов, чтобы распространить свое влияние и удержать людей под контролем. Как эти изменения в звуковом ландшафте города использовались для социальной изоляции и обозначения территорий? Как их пережило еврейское население и как они могут быть связаны с вопросами идентичности и (не) принадлежности? Ответ на эти вопросы с помощью корпуса автобиографических писаний – как дневников, так и автобиографий – еврейских жертв из города Бреслау будет основной целью данной статьи. Это исследование литературных свидетельств будет сосредоточено на постоянных и меняющихся звуках пропаганды в Бреслау.

Ключевые слова: городской звуковой пейзаж; Бреслау; Третий рейх; автобиографии; дневники; личность; травма.

Augustyns A. "Our Ears Lived Their Own Lives". The Auditory Experience in Breslau Autobiographical Literature during the Third Reich // Avant, Vol. XI, No. 3 doi: 10.26913/avant.2020.03.32

Перевод кандидата полит.
н. М.А. Григорьевой

1. Введение

Различные элементы, такие как здания и ландшафты, использование письменности, запахи, звуки уличного движения, знакомые и незнакомые голоса, всегда вносят свой вклад в среду обитания индивида. Большую часть времени люди не осознают воздействия этих элементов окружающей среды, как указала Энн Баттимер (Buttimer, 1980, p. 167): "осознание ценностей, связанных с пространством, не приходит, пока им не угрожает опасность: обычно они являются частью ткани повседневной жизни [...]". Когда эти привычные элементы городского пространства перестают существовать или внезапно меняются, это приводит к определенной дезориентации и вызывает вопросы идентичности и принадлежности. Это отчетливо проявляется в дневниках и автобиографиях, написанных в период и/или после "Третьего Рейха" – момент разрыва в истории, когда среда

АВГУСТИНС

Аннелис, докторант-литературовед, Антверпенский университет, Брюссельский свободный университет, Брюссель, Бельгия
ORCID 0000-0002-5320-4838

обитания потеряла свой фасад нейтралитета и стала сценой для проявления национальной власти.

В этом контексте часто упоминаются визуальные элементы, такие как вездесущие свастики, солдаты и эсэсовцы в форме, таблички с текстом "запрещено для евреев", плакаты антисемитского журнала "*Дер Штюрмер*" и листовки. Это может быть связано с утверждением Гюстава Ле Бона (Le Bon, 2002, p. 35), который еще в 1895 году утверждал, что толпы людей могут мыслить и поддаваться влиянию только через образы, поскольку "только образы пугают их, привлекают или становятся мотивами действий". Кэролин Бердсолл (Birdsall, 2012, p. 35) пишет, что, следовательно, "визуальные формы часто являются предпочтительными культурными объектами для анализа национал-социализма". То же самое можно сказать и о свидетелях этого периода, которых называют "**очевидцами**" – фраза, подчеркивающая визуальное наблюдение. Однако публичная постановка национал-социалистической власти была не только визуальной, но и в значительной степени слуховой. В этом контексте следует упомянуть "гудение" песни Хорста Весселя в воздухе, пение и аплодисменты молодежных движений, стихи, клеймящие евреев, широко распространенные слухи, громкоговорители, используемые для общественной идеологической обработки, рев марширующей музыки, самолеты в воздухе. Министр пропаганды Йозеф Геббельс подчеркивал, что устное слово оказывает большее влияние, чем письменное. По этой причине особое внимание уделялось речам и звукам в целом, поскольку он разделял мнение о том, что звук может вызвать энтузиазм в партии (см. Birdsall, 2012, p. 42). Более того, именно сам Адольф Гитлер заявил в марте 1933 года: "на мой взгляд, звук более внушаем, чем образ", и подчеркнул "магическую силу произнесенного слова" (цитируется по Birdsall, 2012, p. 36).

Именно звуки и слуховые переживания "Третьего Рейха" будут центральными в

этой статье, которая будет посвящена звуку в городском пространстве и повседневной жизни. Такие публикации, как "Звуки войны и мира: Звуковые ландшафты европейских городов в 1945 году" Ренаты Танчук и Славомира Вичорека (Tanczuk & Wiczorek, 2018); "Нацистские звуковые ландшафты: звук, технологии и городское пространство в Германии, 1933-1945" Каролин Бердсолл (Birdsall, 2012); "Саундскейпы городского прошлого: постановочный звук как опосредованное культурное наследие" Карин Бийстервельд (2013) – это лишь несколько примеров недавнего возросшего интереса к звуку.¹ Однако в этом контексте бросается в глаза, что основное внимание было уделено роли музыки как "повышения морального духа и формирования культурного опыта" (Birdsall, 2016, p. 112) и, в частности, военным годам с акцентом на звуки сирен, воздушных налетов и бомбардировок (Birdsall, 2012, p. 119)².

В качестве контрапункта мой вклад направлен на исследование слуховых измерений изменяющейся среды жизни в Бреслау, переживаемой еврейскими жертвами в пе-

¹ Для получения дополнительной информации о некоторых ключевых работах по звуковым ландшафтам я хотел бы упомянуть Кэролин Бердсолл (2012, p. 27), которая ссылается на некоторые важные пионерские работы, такие как работа Алена Корбина (1994/1998), который "проанализировал дебаты о церковных колоколах во французской сельской местности и их структурировании времени, силы, значения и идентичности в начале XIX века" (Birdsall, 2012, p. 27).

² В этом контексте Аннелис Джейкобс (Annelies Jacobs, 2018, pp. 12-13) отметила, что еще предстоит проделать большую работу: "хотя наука о Второй мировой войне охватила почти все ее аспекты, звуковой ландшафт, которому подвергались городские жители в те трудные и опасные годы войны, в значительной степени игнорировался. [...] До сих пор было проведено мало исследований звуков в военное время". Питер Бейли (1998, p. 211) также подчеркивал необходимость дальнейших исследований невизуальной культуры, поскольку историки "обычно ссылаются на "образы и звуки" той или иной эпохи как на необходимые объекты своего исследования, но последние редко получают больше, чем на словах".

риод "Третьего Рейха" до конца так называемого "Фёстунг Бреслау"³ в мае 1945 года, как описано в дневниках и автобиографиях еврейских жителей. Авторы дневников и автобиографы в данном случае рассматриваются не только как **очевидцы**, но и как **"слуховидцы"**.⁴ Для экономии места, я не буду останавливаться на звуках и их значении во время войны, так как уже было много упоминаний о них.⁵ Вместо этого я уделю особое внимание звукам, которые стали частью повседневной жизни при национал-социализме, начиная с того момента, когда Гитлер захватил власть в январе 1933 года.

Цель этой статьи будет тройной: во-первых, я сосредоточусь на технологии и на том, как различные звуки были рассеяны по всему городу с помощью радио и громкоговорителей. Во-вторых, я рассмотрю изменение звукового измерения в городе Бреслау в период "Третьего Рейха". Отдельное внимание мне хотелось бы уделить тому, что слышат авторы, как они относятся к меняющемуся звуковому ландшафту вокруг них и как это влияет на их самооценку. В-третьих, я тщательно изучу, как звук может быть связан с травмой и как автобиографы обращаются к этой теме в своих работах.

2. Основная часть: дневники и автобиографии Бреслау

Берлину всегда уделяется больше внимания, чем другим городам; это неудивительно, "учитывая символическое, политическое и культурное значение, приписываемое столице Германии" (Birdsall, 2012, p. 13). Тем не менее, я ограничу свое исследование постановки городского звука и аурикулярного опыта городом Бреслау, представленным в двух дневниках и двух автобиографиях. Есть целый ряд причин, чтобы сосредоточиться на автобиографической литературе. В Бреслау проживала третья по величине еврейская община Германии (после Берлина и

Франкфурта). Евреи были относительно хорошо интегрированы в экономическую, политическую и культурную жизнь

города. Однако в январе 1933 года эта благоприятная ситуация резко ухудшилась. Некоторым удалось бежать, в то время как другие остались в Бреслау и записали свой повседневный опыт. Поскольку Бреслау стал польским Вроцлавом после 1945 года, впоследствии он больше не был объектом Управления прошлым (нем.: *Vergangenheitsbewältigung*) в немецких исследованиях. В шести статьях о звуковом ландшафте во Вроцлаве, содержащихся в приведенной выше книге "Звуки войны и мира", удивительно, что основное внимание уделяется исключительно немцам и полякам, но не евреям, которые будут занимать здесь центральное место. В контексте настоящего исследования интересно отметить, что Бреслау был первым городом, где национал-социалисты установили общественные громкоговорители (нем.: *Reichslautsprechersäulen*) (Примечание Норберта Конрадса в Cohn, 2006, p. 764). Кроме того, существует целый корпус автобиографий и дневников, связанных с этим городом, который до сих пор оставался неисследованным, но будет в центре внимания этой

³ Более подробную информацию о том, что Бреслау был одним из последних городов, служивших буфером против Красной Армии, см., в частности: Richard Hargreaves (2014), последняя крепость Гитлера: Бреслау 1945). Хорст Глейсс также собрал мемуары, документы и фотографии в 10-серийной серии "Апокалипсис Бреслауэра 1945" (1987).

⁴ В этом контексте сравним Бердсолл (Birdsall, 2012, p. 11), которая связывает происхождение концепции "слуховидчества" в 1970-х годах с Элиасом Канетти и Р. Мюрреем Шафером.

⁵ См., например, Birdsall (2012, стр. 103-180); а также книгу Tanczuk and Wiczorek (2018) о звуках войны и мира.

статьи. Авторы Вилли Кон, Уолтер Тауск, Карла Вольф и Кеннет Джеймс Аркрайт⁶ ссылаются на различные и меняющиеся сенсорные переживания в городе в период 1933-1945 годов, которые повлияли на самооценку еврейских жителей.

Хотя может показаться странным фокусироваться на письменных текстах вместо кассет или записанных документов в контексте звукового ландшафта⁷, я отдаю предпочтение письменным источникам не из-за недостатка⁸ слуховых материалов или эфемерности звука. Я выбираю письменные тексты по трем основным причинам. Во-первых, радиоведущая Джозефина Долан подчеркивает, что текстовые источники необходимы для того, чтобы "внимательнее слушать" (Zuydervelt, 2009), поскольку "слушающий субъект конституируется по отношению к целому ряду культурных компетенций, которые вырабатываются на стыке письменных, фотографических и слуховых текстов" (Dolan, 2003, p. 70). Во-вторых, и это связано с предыдущим пунктом, историк Марк М. Смит и архитектор и социолог Аннели Джейкобс (Jacobs, 2018, p. 12) обратили внимание, что значение звука и способы прослушивания связаны с пространством и временем и что письменные документы дают "значительное большинство важных прозре-

ний" (Birdsall, 2012, p. 13; Smith, Snay, Smith, 2004, pp. 394-405) о значении и ценности звуков, которые не могут обеспечить оригинальные звуковые записи. В письменных текстах читатель осознает, как писатель воспринимал, интерпретировал и оценивал окружающие его звуки (см. также Bijsterveld, 2013, p. 14, 21). Звуки, которые исчезли, можно вернуть – через субъективность свидетелей – при чтении (см. Zimpel, 2018, p. 88-89). Вот почему Р. Мюррей Шафер, исследующий отношения между людьми и (изменяющимися) звуками в их окружении в своей книге "Настройка мира" (Schäfer, 1977/1994, p. 6), рассматривает идеальную слуховую восприимчивость как "автора, который жил в прошлом и которому можно доверять, когда он пишет о звуках, непосредственно переживаемых и глубоко изученных им". Ссылки на воспринимаемые звуки воссоздают в тексте атмосферу города (см. Zimpel, 2018, p. 87), поэтому литературу можно считать "архивом утраченных звуков" (см. Tańczuk & Wieczorek, 2018, p. 9). Более того, как литературоведа, меня интересует прежде всего литература и репрезентация – в данном случае – различных звуков в текстах. В-третьих, как выразился Стэн Пульц Мослунд:

"подобно тому, как место неизбежно входит в главного героя через его тело, нос, уши, глаза и сердце, место неизбежно входит в язык книги, испуская запахи этого места, его вкусы и звуки, его тепло, его цвета, его формы и его временные измерения". (Moslund, 2011, p. 36)

Другими словами, воспринимаемые звуки и другие сенсорные переживания отображаются в письменном тексте, поскольку этот носитель "предлагает понимание сенсорного воплощенного опыта города" (Tańczuk & Wieczorek, 2018, p. 10), что делает его подходящим носителем для изучения звукового ландшафта Бреслау.

Хотя мой выбор дневников и автобиографий не отражает настроения всего населения Бреслау, авторы, приведенные в исследовании, представляют различные

⁶ Его настоящее имя было Клаус Ауфрихтиг. Все английские цитаты переведены автором. Курсив был добавлен для акцента.

⁷ Я ссылаюсь на определение Дориана Ланге (2018, стр. 248-249): "звуковой ландшафт понимается как сумма или совокупность всех слышимых элементов, то есть воспринимаемых акустических проявлений, в течение данного времени в данном месте".

⁸ Карин Бийстервельд (2013, с. 14) отмечает следующее об этом недостатке: "однако у нас обычно нет прямого доступа к этим прошлым звукам. Существует очень мало записей повседневной западной жизни до 1900 года, отчасти потому, что ранние антропологи сосредоточились на записи незападных обществ. И в течение многих лет вплоть до Второй мировой войны большинство записей повседневной звуковой среды были фактически сделаны для радиопостановок и фильмов".

социальные классы, убеждения и возрастные категории, благодаря чему мы обнаруживаем в них описания самых разных звуков. Поскольку источники ранее не изучались, данная статья призвана открыть диалог, который может вдохновить на дальнейшие исследования такого рода.

3. Звук, технология и городской ландшафт Бреслау

Уже с началом "Третьего Рейха" городской пейзаж Бреслау претерпел радикальные изменения. Вальтер Тауск упоминал о том, как новый режим действовал ежедневно: "о нацистском правительственном искусстве: начиная с 23 февраля, каждый день в половине девятого нацисты с большими флагами, газетными плакатами и, прежде всего, звоном "монетных ящиков" движутся по открытым углам и площадям города [...]" (Tausk, February 24, 1933, p. 28). Вилли Кон также записывает изменения, которые он видит и слышит:

"Сегодня день рождения Гитлера! Флаги, трамваи с маленькими флажками, всегда один со свастикой, а другой с черно-бело-красным флагом. Песня Хорста Весселя⁹ доносилась из открытых окон дома. Один из них напоминал о дне рождения Вильгельма II. Есть пища для размышления!!" (Cohn, April 20, 1933, p. 33)

Здесь становится ясно, что нацисты считали как визуальные ("большие флаги", "газетные плакаты", трамваи с флагами), так и слуховые элементы ("звон монетных ящиков", песня Хорста Весселя), чтобы "достичь пространственной и слуховой обитаемости", "озвучить город" (Birdsall, 2012, p. 139) и доминировать над окружающей средой. Звук рассматривался как превосходная среда, с помощью которой можно установить

ощущение присутствия¹⁰, поскольку он выходит за пределы поля зрения и поэтому не соблюдает границ между общественной и частной жизнью (Birdsall, 2012, p. 36)¹¹.

Для достижения этого визуального и слухового доминирования¹² нацисты даже рассматривали возможность пере-устроительства городов. Каролина Джара (Jacobs, 2018) ссылается на планы перестройки города в своей статье "Звуковой ландшафт общественного пространства в Бреслау в период национал-социализма". Эти планы были созданы в соответствии с Законом о перестройке немецких городов (нем.: *Gesetz über die Neugestaltung deutscher Städte*), которые должны были начаться в Бреслау в 1939 году (см. Jacobs, 2018, p. 156). Планы показывают политические стратегии слухового присутствия и фокусируются на архитектуре, способствующей повышению качества акустики, чтобы перепроектировать центр города, потому что, как объясняет Джара, "городская ткань, как материальный и визуальный фактор, внутренне связана со звуковым ландшафтом места" (Jacobs, 2018, p. 144). Поэтому она подчеркивает важность взаимодействия зрения и слуха, размышляет о

¹⁰ См., например, следующие отрывки: Cohn, May 28, 1933, p. 49; Cohn, September 10, 1933, p. 76; Cohn, September 14, 1935, p. 275.

¹¹ Жак Аттали (1985, p. 6) утверждает в этом контексте: "больше, чем цвета и формы, именно звуки и их расположение формируют общества. [...] В шуме можно прочесть коды жизни, отношения между людьми. Шум, мелодия, диссонанс, гармония. Повсюду коды анализируют, маркируют, сдерживают, тренируют, подавляют и направляют примитивные звуки языка, тела, инструментов, предметов, отношений к себе и другим. Вся музыка, любая организация звуков – это инструмент для создания или консолидации сообщества, тотальности. Это то, что связывает центр власти с ее субъектами, и, таким образом, в более общем смысле, это атрибут власти во всех ее формах".

¹² Именно поэтому Бердсолл (2012, p. 32) пишет о "двойственных принципах звуковой вездесущности и пространственной мономентальности, лежащих в основе эмерджентных нацистских памятных практик".

⁹ Хорст Вессель был убит коммунистами в своем доме в 1930 году, и его песни были использованы в качестве второго национального гимна после 1933 года. Это означало, что в течение 1930-х годов его неоднократно поминали песнями и воспоминаниями, и поэтому ему было обеспечено священное место в каноне "нацистских мучеников" (см. Birdsall, 2012, pp. 37-38).

том, как перестройка изменила бы звуковую среду, и демонстрирует, как национал-социалисты хотели увеличить свое присутствие в Бреслау, преобразив город, чтобы показать его величие и нерушимость.¹³ Планы выражают идеи о том, "каким должен быть характер города" (Bijsterveld, 2013, p. 14).

Хотя эти проекты не были выполнены, можно утверждать, что нацисты доминировали в городском пространстве как визуально, так и на слух и, следовательно, контролировали социальный порядок самого города. Звуки марширующих войск, а также пение и аплодисменты, упомянутые выше, – все это привело к "празднеству повседневности". Это понятие, по мнению Бердсолл (Birdsall, 2012, p. 65), ссылается на многочисленные события, которые происходили ежедневно и были направлены на то, чтобы продемонстрировать силу и единство новой власти и ее доминирование над остальной частью общества (см. Jacobs, 2018, pp. 154-155). Эти вечеринки, фестивали и грандиозные парады по всей стране были "в значительной степени заняты монополизацией пространства, через которое конкретное представление сообщества может быть введено в действие и спроецировано на более широкую аудиторию" (Marston, 2002/2003, p. 383). Они обеспечивали как развлечения для масс, так и служили целям пропаганды. Можно сказать, что эти фестивали, марши и песни стали "акустическими сигнатурами" (Schmidt, 2018, p. 46) городского звукового ландшафта или его "звуковыми метками" (термин, введенный Р. Мюрреем Шафером – Bijsterveld, 2013, p. 15). Более того, считалось, что музыка и пение вместе выражают единство в звуке.¹⁴

¹³ Согласно Винфриду Зюссу и Мальте Тиссену (Winfried Süß and Malte Thießen, 2017, p. 15), огромные разрушения, вызванные Второй мировой войной, появились как уникальная возможность перестроить немецкие города с нуля.

¹⁴ Еще одна характеристика музыки появляется в автобиографии *Ihr sollt die Wahrheit erben. Breslau – Auschwitz – Bergen Belsen* (1997) Аниты Ласкер-Вальфиш, также известной как "виолончелистка

Однако это единство относилось только к членам партии и "арийцам", поскольку (пространственное) доминирование всегда подразумевает освобождение среды от нежелательных элементов, например, запрет на субверсивный шум и отторжение различных политических и социальных групп от общественной жизни (см. Bijsterveld, 2013, с. 17, 71; Attali, 1985, с. 7).¹⁵ Поэтому фестиваль, устраиваемый почти ежедневно, функционировал как инклюзивно, так и эксклюзивно, поскольку не всем разрешалось участвовать в празднествах, предназначенных для избранной нации. Как утверждают Линн Хант (Hunt, 1984) и Колин Лукас (Lucas, 1988), фестивали и публичные ритуалы часто использовались для духовного развития нации и такого рода динамика исключения-включения была присуща им, по крайней мере, со времен Французской революции. Это было также ясно видно в городском пейзаже, так как евреям и политическим противникам не разрешалось украшать свои дома во время парадов. Вилли Кон и Вальтер Тауск ссылаются на эту социальную изоляцию, приводя в качестве примера тот факт, что евреям даже не разрешалось открывать окна, чтобы случайно не прикоснуться к празднику¹⁶:

"Настроение в обществе умеренное. Среди всего народа! Хватит с нас вечных празднеств! Вместо этого правительство отмечает Первое Мая как Национальный День труда. [...] Это звучит как шутка, когда министр пропаганды Геббельс дует

Освенцима". Для нее музыка играла очень важную роль. Это было хорошим развлечением для нее во время ее пребывания в Бреслау; позже, в Освенциме, это буквально стало ее инструментом выживания.

¹⁵ Все это должно быть реализовано в контексте так называемого *Gleichschaltung*, к которому стремились нацисты, имея в виду цель политического конформизма, однородности и социальной реорганизации. Для получения дополнительной информации см. следующую главу вклада Бердсолла: "Affirmative Resonances in Urban Space" (pp. 31-63).

¹⁶ См. также Cohn, March 23, 1936, p. 315; Tausk, March 22, 1936, pp. 143-144.

в свисток: "в День труда евреи не могут надевать свастики или другие партийные значки национальных партий. Им также не разрешается вывешивать флаги со свастикой или принимать участие в публичных мероприятиях". Я хочу сказать: какой современный человек в действительно трезвом уме вообще станет участвовать в народном гулянии, пусть это называется тем, что называется". (Tausk, April 29, 1933, pp. 67-68)

Поскольку фестивали стали нормой – о чем свидетельствуют многие события, перечисленные в календаре во времена "Третьего Рейха", – Тауск говорит о пресыщенности ими. Тот факт, что Тауск считает, что людям "достаточно" праздников, и что он воспринимает голос Гитлера как "булькающий, хрипящий, глотающий, ревущий, скулящий, молящийся, жалеющий" (September 1, 1939, p. 230), может быть истолкован как "нежелание видеть или общаться с "врагом" (Jacobs, 2018, p. 20). Это также можно рассматривать как риторическую стратегию, через которую воплотилось представление об устроителях шума как о группе, с которой ни Тауск, ни кто-либо похожий на него, не хочет отождествляться (см. Bijsterveld, 2013, p. 13). Из этой цитаты также ясно, что разные слушатели придают звуку разное значение¹⁷, и что звук – это спорный феномен: то, что для одних является шумом, для других считается музыкой. Тауск ведет себя иначе, чем толпа, когда слышит эти звуки: вместо того чтобы радоваться, он молчит и живет своей собственной жизнью. Он не хочет, чтобы его отождествляли с этим преувеличенным празднеством повседневности. Это напоминает отношение Кона, который избегает выходить в такие дни:

"Говорят, что фюрер тоже приезжает в Бреслау. Мы, евреи, избегаем праздничной дороги в такие дни не из страха, а прежде всего, чтобы сохранить естественную дистанцию. Она уже почти не касается нас внутренне. Раньше меня интересовало все, что связано с прогрессом моей родной про-

винции; теперь это изменилось; остается только чувствовать себя просто гостем!" (Cohn, September 27, 1936, p. 359)¹⁸

Это дает понять, что идентичность города во времена "Третьего Рейха" конструируется с помощью звукового и визуального присутствия, которое влияет на идентификацию с местом (см. Tanczuk, 2018, p. 181). Это приводит к тому, что евреи уезжают в другие места или, как утверждает Кон, уходят из общественной жизни (Cohn, December 22, 1938, p. 571). Можно утверждать, что доминирование национал-социалистической партии привело к уменьшению визуального и звукового присутствия евреев (см. Birdsall, 2012, p. 98)¹⁹.

В тех случаях, когда евреи и другие (политические) противники участвовали в парадах, с ними обращались неприятно, открыто выражая свое неприязненное к ним отношение. Тауск описывает день, когда он видел такой парад, когда заключенных гнали в лагерь Дюрргой в Бреслау:

"Я не забуду этого зрелища, оно должно быть сохранено для потомков. Около двенадцати часов я должен был снова отправиться в город и увидеть плотную толпу людей, много полицейских и толпу велосипедистов на Эйхборнштрассе. Все смотрят на здание полиции, [...] поэтому я иду дальше и слышу ужасную жестяную музыку, какую играют на Ярмарочной площади: дикую, бестактную зубрежку и между "жестяными тарелками" голоса труб: шум, но музыки нет, и я слеую за звуками. [...] и пока я стою неподвижно, выходит длинная вереница пленных. Я сразу же замечаю направление марша: Хефхенштрассе. Сначала они ведут бедолаг по левому флангу, по всему полицейскому управлению, чтобы все, кто там работал, включая Мистера Хайнса, могли видеть заключенных: они проходят, так сказать, мимо Хайнса и полиции: это садизм и так называемое унижение в одном лице". (Tausk, late August 1933, p. 107)

В разных случаях Тауск выражает чувство стигматизации шумными парадными. Объе-

¹⁷ Это зависит от обстоятельств, например, от более высокой или более низкой звуковой чувствительности, образования или, в данном случае, идеологических убеждений (см. Rybchynska, 2018, p. 140).

¹⁸ См. также: Cohn, April 20, 1939, p. 633.

¹⁹ Бердсолл (2012, p. 93) пишет, что процесс конструирования евреев как культурного и визуального "другого" базировался как на визуальных, так и на слуховых представлениях.

диняющий аспект участия в парадах и связанного с ними насилия нагнетает чувство принадлежности к Народу и Родине (нем.: *Volk und Heimat*) (Jeggle, 1972, p. 49). Говоря о понятиях "нация", "народ" и "национальное сообщество", я имею в виду термин Бенедикта Андерсона "воображаемое сообщество" (Anderson, 1991). Этим понятием он ссылается на тот факт, что невозможно быть в контакте со всеми членами нации, но можно чувствовать глубокую "привязанность и приверженность к нации, основанную на образе общности" (Anderson, 1991, pp. 4-5). По мнению Андерсона, этот образ сообщества может быть распространен через образование и литературу, которые формируют "национальную общественную сферу" (Birdsall, 2012, p. 106). Он также утверждает, что музыка является важным средством для построения этого образа, поскольку пение вместе может вызвать чувство общности (Jacobs, 2018, p. 26). Тауск знает об этой силе музыки и критикует злоупотребление этим средством:

"Со старыми военными маршами, песнями освободительных войн, дикими криками: "Хайль" и "Дойчланд эрвахе!" под возгласы: "Где коммунисты? В подвале! Что они там делают? Ху, ху" – толпа примерно в двадцать-двадцать пять тысяч двинулась в процессии с факелами. В Потсдаме открылся новый Рейхстаг. Я также слышал некоторые радиопередачи о торжествах. [...] так создается атмосфера. [...] Не ведут ли сегодня людей снова в "великую, славную, ревущую битву" с музыкой?" (Tausk, March 25, 1933, pp. 42-44 – курсив А.А.)

В этой дневниковой заметке Тауск критикует напряжение между звуком как источником силы и удовольствия и нарушением его повседневной жизни – когда слышит процессию, проходящую рядом с его домом (см. Birdsall, 2012, p. 104).

Не только фестивали и музыкальные вечера доминировали в городском звуковом ландшафте, но и новые технологии помогали сеять "звуки (новой) нации". Здесь следует упомянуть о расцвете радио, которое использовалось для пропаганды и госу-

дарственного строительства. Хотя Андерсон не упоминает радио как средство создания этого чувства "воображаемого сообщества", тем не менее использование радио – "относительно нового средства в межвоенный период" (Jara, 2018, p. 150) – было распространено во времена "Третьего Рейха". Оно пропагандировалось как средство "объединения народа" (Birdsall, 2012, p. 110). Поскольку радио распространяет одни и те же сообщения среди слушателей по всей стране, оно создает возможность "вообразить себя слышащим те же звуки, что и другие слушатели" (Birdsall, 2012, p. 106). Радио, таким образом, играет важную роль в создании своего рода эмоциональной связи и даже "самоотверженной любви" к нации (Anderson, 1991, p. 141). Радио также использовалось для распространения информации о различных достопримечательностях и фестивалях и, таким образом, создавало национальную общественную сферу для участия в качестве "непосредственного опыта коллективной идентичности" (Frith, 1996, p. 273). Дэвид Морли (Morley, 2000, p. 107) также отмечает объединяющую силу радио, поскольку звуки связывают периферию с центром, а звуки радио наполняют дом, связывая частную жизнь простых граждан с политическими властями и национальным сообществом, как заявляет Урсула С. В своем интервью в 2004 году: "мы действительно чувствовали, что были частью чего-то со всеми остальными. Когда в радиопрограммах были солдатские запросы на песни из разных регионов, это было похоже на то, что отец каждого воевал на войне: что мы все равны и одинаковы" (как цитируется в Birdsall, 2012, p. 113; см. также Jara, 2018, p. 150; Hilmes, 1990, p. 354; B?aszczak, 2018, p. 223). Это указывает на перформативный аспект звука как на создание связи между различными участниками процесса. Однако евреи – как это было в случае с фестивалями и парадами – не могли участвовать в этом опыте объединения средствами радио, так как они должны были сдать свои радио-

приемники в 1939 году.²⁰ Таким образом, они были исключены из участия в общественной аудиосфере. Таким образом, воображаемая община состояла только из тех, кто был "арийцем". Кон выражает это чувство отчуждения:

"когда я пишу это, улицы пустынные: речь фюрера и заседание Рейхстага. Все магазины пришлось закрыть. Я до сих пор не знаю, что

НЕ ТОЛЬКО ФЕСТИВАЛИ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРИНКИ ДОМИНИРОВАЛИ В ГОРОДСКОМ ЗВУКОВОМ ЛАНДШАФТЕ, НО И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОМОГАЛИ СЕЯТЬ "ЗВУКИ (НОВОЙ) НАЦИИ" – РАДИО.

было сказано, потому что у нас нет радио" (April 28, 1939, p. 637). Хотя у Кона с самого начала не было радио, он развивает тактику²¹ получения доступа к информации, распространяемой по радио: он слушает радио своих соседей, когда их окно открыто (August 25, 1939, p. 678); он пишет: "через стену я слышал что-то из радио наших соседей об оккупации Албании" (April 8, 1939, p. 629). С другой стороны, он также релятивизирует это исключение, заявляя, что "теперь можно жить без телефона, радио, автомобиля, почти без трамвая, совсем неплохо. Это более простая жизнь, можно много ходить и уходить в себя"²² (December 9, 1939, p. 727). Этот взгляд на изменения, происходящие в жизни, проявляется и в других дневниках и автобиографиях.

Однако распространение звуков не ограничивалось только радио. Через некоторое время громкоговорители²³ были введены в

качестве систем громкой связи (см. Stasko-Mazur, 2018, p. 95). Это средство требовало внимания и участия народа и было еще более широко распространенным явлением, чем радио. Более того, Бреслау был пер-

вым городом в германском рейхе, где возможность для публичных слушаний и идеологической обработки была установлена путем установки таких

приспособлений – *Reichslautsprechersäulen*. Кон впервые упоминает о них 10 марта 1940 года (p. 764), когда слышит речь фюрера, исходящую из такой колонны громкоговорителей; его записи показывают, что эти громкоговорители привели граждан в контакт с Гитлером и войной. Однако установка образцовой системы так называемого *Reichslautsprechersäulen* уже произошла двумя годами ранее, 23 июня 1938 года, когда незадолго до начала немецкого фестиваля гимнастики и спорта (нем.: *Deutsches Turn und Sportfest*) в июле 1938 года было установлено 100 громкоговорителей. Они были эффективным средством пропаганды и идеологической обработки людей, поскольку в некоторых городских районах невозможно было избежать их присутствия.²⁴ Кон несколько раз сталкивается с новостями, зву-

построенными фургонами с громкоговорителями, прикрепленными снаружи. Эти фургоны Siemens & Halske сдавались в аренду во время избирательных кампаний как средство привлечения внимания граждан нацистскими речами, песнями и партийными лозунгами" (Birdsall, 2012, p. 39; см. Также Paul, 1992, p. 198). Используя такие фургоны с прикрепленными громкоговорителями, партия уже усилила свое собственное слуховое присутствие и расширила диапазон звуков, которые достигали граждан в их личных пространствах.

²⁴ См. в этой связи: Reichsminister Dr. Goebbels nahm Musteranlage des Reichslautsprechersäulennetzes in seine Obhut. In Schlesien – Volk und Raum. Vierteljahresschrift, July 1938, p. 145; Wagner, Das jüdische Breslau und der Rundfunk in Breslau (1933-1949) (готовится к печати).

²⁰ Кон ссылается на этот факт 23 сентября 1939 года (стр. 696-697), когда его мать должна передать свое радио в Государственную полицию в день Йом Кипура.

²¹ Это может быть связано с понятиями "стратегия" и "тактика" Мишеля де Серто (1984). Французский философ использует термин "тактика" для обозначения практики слабых справляться с навязанными правилами "сильных". Другой пример, см. Cohn, August 11, 1939, p. 672.

²² См. также Cohn, December 14, 1935, p. 307.

²³ До использования этих стационарных громкоговорителей нацисты уже использовали *Lautsprecherwagen* для распространения важной информации. Эти грузовики были "специально

чащими из громкоговорителей, поскольку он довольно часто обращается к ним, например, когда посещает выставки "Зал Столетия" (нем.: *Jahrhunderthalle*) с одной из своих дочерей 25 мая 1941 года (р. 940)²⁵ [26]. Таким образом, город Бреслау, который раньше казался домом для евреев, стал местом непрерывной слуховой бомбардировки, окружающая среда которого всегда была насыщена звуками (см. следующую часть и Chambers, 1985; Chambers, 2017; Farina, 2014; Krause, 2016). Оккупация звукового ландшафта приобрела новые масштабы, чтобы продемонстрировать растущее могущество нацистов с помощью новых звуковых технологий (см. Birdsall, 2012, pp. 39, 61).

Использование парадов, радио и громкоговорителей для распространения звуков и пропаганды по городу иллюстрирует теорию Теодора Адорно о звуке и его политической природе. По его мнению, музыка, шум и тишина являются "культурными конструктами", которые "используются для создания и укрепления социальной системы" (Adorno, 2002, p. 391-436; Rybchynska, 2018, p. 140). Такое политическое давление в повседневной жизни, контроль пропаганды и социальное принуждение характерны для тоталитаристских культур" (см. Rybchynska, 2018, p. 138; Blaszczyk, 2018, p. 228).

4. Текстуализированные звуки в дневниках и автобиографиях

Примечательно, что дневники лишь косвенно упоминают "нормальные" повседневные звуки, такие как грохот проезжающих трамваев или автомобилей. Читатель может только предположить, что они оставались частью звукового ландшафта Бреслау, поскольку авторы ссылаются на объекты, которые их вызвали. Это неудивительно, поскольку Георг Зиммель (1997) и Теодор Лессинг (Lessing, 1909) утверждали, что люди "отключаются" и становятся безраз-

личными к звукам окружающей среды, потому что так называемый современный город производит слишком много вибраций в воздухе. Более того, как объясняет Ута С. Шмидт (Schmidt, 2018, p. 41), "звуки улавливаются ухом только тогда, когда они изменяются, возникают или исчезают радиально" (см. Также Missfelder, 2012, p. 37). Карин Бийстервельд (Bijsterveld, 2013, p. 14) и Танчук (Tanczuk, 2018, p. 186) разделяют мнение, что люди обращают внимание на звуки, когда звуковой ландшафт значительно меняется, когда они осознают опасность и когда они движимы определенными звуками, либо позитивным, либо негативным образом.

Вот почему Бийстервельд (Bijsterveld, 2013, p. 14) пишет о "драматизации звука" в тексте, кино и радио, поскольку внимание в основном уделяется заметным звукам. В этом контексте интересно отметить, что авторы ссылаются не только на большие парады с их оглушительными шумами, но и на мельчайшие изменения в городском звуковом ландшафте. В этот период в Бреслау наблюдалось повышенное слуховое восприятие, поскольку все больше и больше звуков повседневной жизни стали ассоциироваться с тревогой; это привело к отчужденному опыту повседневной жизни для еврейских жителей Бреслау. В дальнейшем я приведу несколько конкретных примеров, начиная от антисемитских стихов и заканчивая молчанием. В этом контексте ежедневные заметки, сделанные Вилли Коном и Уолтером Тауском, будут иметь центральное значение, поскольку их дневники дают уникальное представление о ежедневных изменениях, происходящих в столице Силезии.

4.1. Пропаганда антисемитских стихов и фраз

Празднества и захват радио были не единственными средствами, использованными для исключения евреев. Радио транслировало антисемитские стихи. Кон и Тауск упоминают о враждебных комментариях

²⁵ Другие ссылки на громкоговорители см.: Cohn, April 9, 1940, PP. 778-779; Cohn, May 10, 1940, p. 791; Cohn, June 3, 1940, p. 802.

против евреев. Как пишет Тауск (December 11, 1938, p. 207) в своем дневнике:

"От гнева люди уже не знают, как выразить свою ненависть к евреям, и проявляют ее по-настоящему низко – по радио. Во время перерывов, в основном утром и днем, они декламируют короткие лозунги. Подобный этому:

Крестьянин пашет, еврей лжет. [нем.: *Der Bauer pflügt, der Jude lügt*] или Каменщик строит, еврей крадет. [нем.: *Der Maurer baut, der Jude klaut*]".

Такие обличительные пословицы распространялись не только по радио и громкоговорителям. Кон отмечает, что довольно часто он или его семья вынуждены были выслушивать от проходящих мимо гневное "Еврей!" (нем.: "*Judenpack*"), брошенное явно с целью оскорбить и унижить (September 10, 1939, pp. 688-689). Слышать такие фразы изо дня в день было страшно и угрожающе. Кон указывает, что он жалеет своих детей, которые вынуждены слышать всё это.²⁶ Карин Бийстервельд (Bijsterveld, 2013, p. 13) назвала такие замечания "навязчивыми звуками", поскольку они считаются тревожными, насильственными звуками, которые вторгаются в жизнь людей и неизбежны. Действительно, евреи были настолько подавлены антисемитской проязыческой пропагандой, что начали пересматривать свою идентичность. В этом случае Тауск подчеркивает, что он не чувствует себя евреем и не хочет быть связанным с "ними". Кон, со своей стороны, сравнивает себя с незнакомцем, уходит в себя и заявляет, что было бы лучше жить в другом месте, поскольку "жить среди постоянных оскорблений в долгосрочной перспективе невыносимо" (Cohn, August 19, 1934, p. 149)²⁷. Эти примеры показывают социальную функцию звука и его стигматизирующие эффекты (см. Schmidt, 2018, p. 33), которые были использованы для того, чтобы подчеркнуть разницу между "арийцами" (я) и другими. Эта идеология отразилась в стихах и фразах, которые эхом

прокатились по всему городу (см. Также Naliwajek-Mazurek, 2018, p. 68).

Это не только то, что человек слышит, но и то, как он говорит, что имеет эффект дистанцирования. Например, Кон и Тауск ссылаются на агрессию и враждебность, которые они испытывали, стоя в очередях в магазинах. На них также кричали на улице и во время вызова в гестапо, где на них воздействуют стальные голоса командиров или других должностных лиц.²⁸ В этом контексте крик жертвы поглощается криком угнетателей. Это связано с силой шума со стороны давления, описанной Аттали; одним из его проявлений является способность подавлять звуки, издаваемые его жертвами (Attali, 1985, p. 6). Кон ссылается, например, на субботнее утро, когда всех беспокоил Гитлерюгенд, грохочущий по улицам с барабанами и производящий ужасный шум (June 15, 1935, p. 241), как будто пытаюсь заглушить звуки еженедельных субботних молитв. Когда тон людей на улице или в гестапо становится более умеренным, Кон и Тауск непременно упоминают об этом (как о чем-то нетипичном): "я был в полиции, где меня не спрашивали из-за эмиграции, а также не кричали на меня; следующая отчетная дата только 21 мая" (Cohn, February 27, 1941, p. 908).²⁹ Эти доброжелательные или спокойные допросы кажутся им подозрительными, как и в случае с молчанием вообще, о чем я расскажу в следующем разделе.

Дневники не только записывают типично антисемитские стихи, которые они слышат, но и ссылаются на тексты, выражающие страх, испытываемый гражданами, как это имеет место в следующем отрывке: "в полдень я совершил небольшую прогулку и встретил бывших студентов. Я услышал новую ночную молитву: "дорогой Всевышний,

²⁶ См.: Cohn, November 14, 1938, p. 544; Cohn, November 30, 1938, pp. 557-558.

²⁷ См. также: Cohn, October 22, 1941, pp. 996-997.

²⁸ См. примеры во всех этих случаях в следующих записях: Cohn, March 12, 1933, p. 18; Tausk, April 1, 1933, p. 53; Cohn, August 9, 1940, p. 826; Cohn, March 27, 1940, p. 772; Cohn, February 8, 1940, pp. 750-751.

²⁹ См. также: Cohn, March 29, 1940, pp. 773-774.

сделай меня немым, чтобы я не отправился в Дюрргой" [нем.: *Lieber G'tt, mach' mich stumm, daß ich nicht nach Dürrgoy kumm*] (Cohn, July 7, 1933, p. 58). Тауск (July 3, 1933, p. 87) ссылается на точно такой же стих и добавляет: "Вы должны держать рот на замке – иначе вы окажетесь в концентрационном лагере "Бреслау-Дюрргой", о котором люди говорят".³⁰ Хотя они и не дают никаких дальнейших комментариев, примечательно, что они оба ссылаются на нее в один и тот же период, что указывает на то, что эта молитва должна была резонировать как выражение страха граждан Бреслау, что они будут депортированы в Дюрргой, как напоминание о том, чтобы вести как можно более скрытный образ жизни, не привлекая к себе внимания (см. также: "Зловещее молчание", ниже). Такие стихи показывают, что евреи осознали шаткость своего положения, а также настроения и страхи, которые резонировали в городском пространстве.

Этот страх только усиливается, когда становится ясно, что разразится война. С этого момента Кон и Тауск скрупулезно записывают разговоры и слухи, распространяемые "арийскими" гражданами.³¹ Эти слухи становятся заметной частью звукового ландшафта и могут быть связаны с хаосом, царящим в городе. Даже если они не знают, насколько оправданы эти страхи, они записывают их как "верные летописцы" (Cohn, September 25, 1939, p. 698), чтобы создать впечатление о том, насколько неблагонадежной стала жизнь и насколько агрессивным стал звуковой ландшафт.

³⁰ Похоже, что в городе были распространены шутки и стихи против фюрера и режима, как отмечает Герберт Йешиоро, следующий стих, вероятно, основан на этом: "Дорогой Бог сделай меня немым, чтобы я не отправился в Дюрргой, Дорогой Бог сделай меня глухим, чтобы я верил в фюрера, Дорогой Бог сделай меня немым, глухим и слепым, тогда я любимый ребенок Адольфа Гитлера". (1993, p. 39).

³¹ См.: Cohn, January 14, 1940, p. 742; Cohn, September 25, 1939, pp. 697-698; Cohn, August 15, 1941, p. 968.

В противовес пространству, в котором доминировал национал-социалистический режим, есть некоторые пространства, которые функционировали как убежище, в котором евреи все еще могли идентифицировать себя, такие как синагога и еврейское кладбище: "вдали от другой общины мы образовали остров, окруженный кладбищем, могилами наших предков. [...] [Мы] были далеко от города, не страшаясь поступи сапог, поднимающихся по лестнице, стука в дверь" (Wolff, 2012, p. 85). Кон описывает синагогу как место разнообразия:

"Сегодня утром мы с Рут были в синагоге. Она настояла, чтобы теперь у меня было время пойти с ней. [...] Мы успели только к *Аллилуйе!* Сегодня был *Rausch Haudesch*, теперь, когда редко доводится слышать музыку, это особенно хорошо. Это хоть ненадолго позволяет осознавать себя другими способами, даже если этого, возможно, недостаточно. [...] Сегодня Эрнст принимал участие в гимнастических играх на стадионе и должен был поднять руку на четвертом куплете песни Хорста Весселя!" (Cohn, June 24, 1933, p. 55)³²

В городе, который становится все более странным, эти места дают ощущение знакомого. Эти места представлены противоположностями: реальной музыкой и пением или даже тишиной, противопоставленной песни Хорста Весселя, шуму и крикам, который производит действующий режим, духовностью вместо праздника (см. Rybchynska, 2018, p. 139). Кон замечает, что давно уже не слышал музыки,³³ и впоследствии ссылается на гимн, который, скорее всего, не внушает ничего, кроме отрицательных чувств, и который он не считает музыкой. В синагоге или на кладбище он наслаждался традиционными звуками и старался избегать уличного шума; он умел "забыть все" и ценил еврейские звуки и звуки природы (Cohn, December 16, 1934, p. 190).³⁴ Как буд-

³² См. также: Cohn, November 23, 1933, pp. 105-106.

³³ См. также: Cohn, April 11, 1933, p. 29.

³⁴ Относительная безопасность сельских и региональных районов также подчеркивается в дневнике Кона: когда он идет туда, он замечает тишину и просто естественные звуки, которые

то музыка, звучащая в синагоге, заставила его забыть об ужасах повседневной жизни и о неопределенности будущего (см. Также Naliwajek-Mazurek, 2018, p. 70). Карин Бийстервельд, которая предложила типологию различных звуков³⁵, классифицировала бы это как пример "успокаивающих звуков". Этот звуковой *топос* "выдвигает на первый план переживание людьми безопасности, спокойной атмосферы, чувства защищенности" (Bijsterveld, 2013, p. 13).

4.2. Повседневные звуки становятся источником страха

Когда обычные звуки в Бреслау изменились, евреи начали ассоциировать угрозу и смерть со звуками, на которые раньше не обращали внимания. Даже повседневные звуки, такие как шаги или звонок в дверь, стали ассоциироваться со страхом (см. Jacobs, 2018, p. 24). Уже одного звука шагов на лестнице было достаточно, чтобы вызвать тревогу. Услышав что-то на лестнице, евреи Бреслау боялись услышать стук в дверь, а затем крики, потому что это могло означать, что членов семьи депортируют. Они видели и слышали это во время "Хрустальной ночи":

"Темным и мрачным сентябрьским утром 1941 года, между шестью и семью часами, мы услышали, как в нашу дверь стучат кулаками: "Открывай, гестапо!". Два офицера гестапо выломали ее. "Где евреи, Корнгрюн?" Они без стука ворвались в комнату семьи Корнгрюн, где все еще спали. Нам было приказано оставаться в нашей комнате". (Arkwright, 2011, p. 45)

Аркрайт помнит каждую деталь этого утра в сентябре 1941 года, что говорит о том, что оно произвело на него серьезное впечатление. Карла Вольф также говорит о том, как подобные слуховые переживания оказали глубокое влияние на ее последующую жизнь:

исчезли из города. См., например: Cohn, May 1, 1939, pp. 638-639; Cohn, April 17, 1939, pp. 631-632; Cohn, July 7, 1940, pp. 816-817.

³⁵ См. введение Bijsterveld (2013), где она представляет эти различные звуки в виде сетки (стр. 19).

"С ноября 1941 года из Бреслау непрерывно уходили небольшие транспорты неизвестного назначения. Наши уши жили своей собственной жизнью, они были направлены только на звуки снаружи. Сапоги стучат по лестнице, где они останавливаются? В какую дверь барабанят немецкие кулаки? На втором этаже, у боковой двери, или они все еще проходят мимо нас на этот раз?" (Wolff, 2012, p. 62)

Люди научились очень внимательно прислушиваться к окружающим их звукам, по признанию Вольф: "наши уши жили своей собственной жизнью". Что-то похожее отражают личные записи военного времени, когда очевидец, сидя в бункере, чувствует, как дрожат стены, – ухо является "фокальным органом слуха" (Ihde, 1976, p. 45). Возможно, это и раскрывает причину, по которой Карла Вольф отмечает, что ее уши жили своей собственной жизнью. Более того, звуки – это не просто нечто, воспринимаемое на слух; напротив, они наполнены смыслом (см. Bijsterveld, 2013, p. 16). Привычные звуки приобрели новое значение, и жители Бреслау слышали их иначе. Для евреев, которые жили без всякой защиты, звуки на улице стали "жизненно важным источником для предвидения потенциальных угроз" (Birdsall, 2012, p. 96). Кон (March 16, 1940, p. 767) пишет, что его дочь Сюзанна всегда входила в состояние беспокойства, когда в квартиру входил незнакомый мужчина.

Ссылки во многих свидетельствах на "Хрустальную ночь" 9-10 ноября 1938 года все относятся к слуховым и визуальным сигналам, таким как огонь, сирены и осколки стекол (см. Wildt, 2007, p. 344). Эти осколки занимают центральное место в ссылках на "*Reichskristallnacht*"; однако не только в эту ночь были разбиты окна:

"Сегодня в четыре часа утра я услышал звон разбитого стекла. Утром мы услышали, что г-жа Гертнер, молодая жена солдата рейхсвера, живущего на 1м этаже, выбросилась из окна во двор с 4го этажа, – мертва. У них совсем маленький ребенок. Вероятно, она совершила этот ужасный поступок в состоянии душевного расстройства". (Cohn, April 28, 1935, p. 219)

Разбитое стекло может ассоциироваться не только с "Хрустальной ночью", но и со звуками, издаваемыми людьми, попавшими в беду. Звук разбитого стекла, должно быть, оказал сильное воздействие на воображение Кона, поскольку он не забывает записывать всё, что связано с этим" (см. также Tanczuk, 2018, pp. 197-198).

4.3. Зловещее молчание

Когда город обычно наполнен звуками, можно заметить, когда он внезапно становится тихим. Слова "тишина" и "покой" имеют несколько значений. В военное время они указывают на то, что шум сирен и самолетов утих. После "Хрустальной ночи" молчание становится связанным с улицами и магазинами, которые были разрушены после ареста и депортации людей в Бухенвальд (см. Cohn, November 26, 1938, p. 555). Кон сравнил город после "Reichskristallnacht" с городом-призраком (March 17, 1940, p. 768) (см. также Tausk, November 15, 1938, pp. 194-195). В большинстве случаев ссылка на молчание имеет негативную коннотацию, так как люди исчезли и не ясно, чего ждать теперь. Им казалось, что опасность молча поджидает их за углом: "четыре недели назад было не так тихо, как сегодня, и все же известно, что под этой спокойной поверхностью лежит "тихо движущееся море" (Tausk, December 11, 1938, p. 207).

Другая причина этой негативной коннотации, как объясняет Аннели Джейкобс (Jacobs, 2018, p. 27), заключается в том, что "молчание становится предательским явлением, если вы сами не хотите, чтобы вас слышали". Это ясно проиллюстрировано в автобиографии Кеннета Джеймса Аркрайта, когда он пишет, что евреи были лишены права собраний в середине 1944 года и поэтому их религиозные службы больше не могли проводиться. Этот указ, однако, был стимулом к тайному сопротивлению и продолжению еженедельного субботнего служения:

"Около двадцати человек пришли в маленькую комнату плотника Коростовского, которая была

одновременно кухней, спальней и гостиной. Один за другим, как в эстафете, мы приходили и уходили домой, чтобы не вызывать подозрений. Мы не могли соблюсти традиционное начало субботы, потому что из-за комендантского часа нам не разрешалось оставаться на улице после наступления темноты. Молитвы не пели, а шептали, так что на лестнице их никто не слышал. Кто-то всегда дежурил в коридоре и стучал, как только слышал какой-нибудь шум из маленькой комнаты Коротовского. Эти службы принесли огромное удовлетворение, потому что мы поддерживали еврейскую молитву в городе, где евреи молились более тысячи лет. Мы проводили собрания до тех пор, пока последний из нас не был депортирован". (Arkwright, 2011, p. 63)

Теперь важно было то, что ни соседи, ни люди, марширующие по улице, не могли слышать, как группа заговорщиков издает какие-либо звуки. Возникший в результате этого "самосохранения" – термин, придуманный Мишелем Фуко, – был вызван идеей постоянного контроля нацистского режима, который был "не только всевидящим, но и всеслышащим" (Birdsall, 2012, p. 131). Тот факт, что даже дом не мог обеспечить необходимую защиту, показывает уязвимость еврейских домов в Бреслау, поскольку звуки могли выходить за пределы стен и подвергать жителей потенциальной опасности. Ричард Сеннетт, таким образом, правильно заметил в 1978 году (Sennett, p. 15), что когда "все имеют друг друга под наблюдением, общительность уменьшается, и молчание является единственной формой защиты".

4.4. Изменение города и его звукового ландшафта ³⁶

Авторы дневников Кон и Тауск не смогли засвидетельствовать окончание войны, поскольку уже в ноябре 1941 года их перевезли в литовский Каунас. Вольф и Аркрайт, однако, были свидетелями превращения Бреслау во Вроцлав, прежде чем они переехали в Палестину (Вольф) и Австралию (Аркрайт). Они испытали то, что Зориана

³⁶ Я не буду углубляться в этот аспект звукового ландшафта, как это было описано в Wiczorek (2018, p. 203-230).

Рыбчинская (Rybchynska, 2018, p. 132) объясняет как:

"период серьезных политических, социальных и культурных преобразований, меняющих облик всей Европы, затрагивающих не только борьбу с великими державами и борьбу за государственность, но и жизнь городов и их жителей, брошенных в водоворот политических игр".

Это, безусловно, относится к Бреслау и его преобразованному звуковому ландшафту: после капитуляции 6 мая 1945 года до 80% города – ныне Вроцлава – было превращено в руины. Однако в окружении руин и пустых пространств можно было услышать и тишину, и шум. В первые месяцы после капитуляции Вроцлав был опасным городом, в котором убивали и насиловали людей. Славомир Вечорек (Wieczorek, 2018, pp. 203–230) относит к кастрюле-постукиванию, которое периодически раздавалось на фоне городского полуразрушенного пейзажа, в качестве тактики, чтобы держать злоумышленников и насильников подальше и для оказания помощи пострадавшим. Чтобы помочь представить себе звуковой ландшафт Вроцлава после Фестунга Бреслау, рассмотрим следующий пример свидетельства Урсулы Вааге:

"Когда польские мародеры обыскивают здания в поисках наживы, люди издают неземной шум крышками от кастрюль и прочей кухонной утвари, выкрикивая в ночную тьму названия и номера разграбляемых зданий. [...] 16 сентября 1945 года только в жилом районе Зимпель (ныне Семпольно) было совершено 67 дневных и ночных грабежей. Перед окнами нашего подвала громоздятся кучи пустых бутылок, так что каждый звон стекла обостряет наши чувства в ожидании нежеланного визита. Затем мы с облегчением узнаем, что шум вызвала всего лишь крыса". (Waage, 2004, p. 64)

Вааге не знает, кто стучал по кастрюлям, но ясно, что эти звуки снова вызваны страхом и следствием насилия. Независимо от того, грабили людей или нет, они были захвачены в заложники этим звуком.³⁷

³⁷ Для получения дополнительной информации об этом см.: Wieczorek (2018, pp. 203–230). Суще-

Когда Кеннет Джеймс Аркрайт вернулся в свой бывший Бреслау после депортации и скрывался под чужим именем на ферме в Нойдорфе, он не понимал нового польского языка, на котором говорили во Вроцлаве. Это заставляло его чувствовать себя чужаком, указывая на важность языка для формирования личности. Это также имело значение для новых жителей Вроцлава, которые хотели покончить с немецким влиянием в повседневной деятельности, такой как шопинг. В октябре "the Pioneer" написал: "немыслимо, чтобы поляк брал с собой словарь, отправляясь за покупками" (цитируется по Debski, 2018, p. 171). Это свидетельствует о потребности в звуковом ландшафте, связанном с их идентичностью (см. Tanczuk, 2018, p. 198).

Язык и звуки грохота кастрюль были не единственным, что влекло за собой изменения в Вроцлаве. В этом контексте Вечорек (Wieczorek, 2018, p. 210) относится к людям из сельской местности, приезжающим в город и привозящим с собой сельскохозяйственных животных, голоса которых были слышны в разных частях города. Чтобы узнать о том, как изменился звуковой ландшафт Вроцлава в последующие годы, можно обратиться к книге "Sounds of war and peace: Soundscapes of Euro-pean cities in 1945" (2018).

5. Последствия: звук и травма

Дневники – это увлекательный источник, с помощью которого можно слушать звуки, пережитые в период "Третьего Рейха". В то время как автобиографии – это управляемые памятью повествования, не обращающие внимания на все детали повседневной жизни, дневники передают эфемерный характер звуков в квазимгновенных записях переживаний дневников. Автобиографии, однако, демонстрируют, как воспоминания

стует также роман, который использовал эти звуки как часть истории: роман Яцека Инглота Wypłdzony. Breslau – Wroceaw 1945 [Exiled. Breslau-Wroceaw 1945] (2012).

связаны со специфическими сенсорными переживаниями и как звук связан с травмой.

В автобиографии Аркрайта, например, ясно, что его воспоминания связаны с различными чувствами, поэтому есть глава, озаглавленная "Запахи" (Arkwright, 2011, p. 9). Аркрайт часто как будто берет читателя в сенсорную экспедицию: вдыхать определенные запахи или пробовать определенные вещи, он как бы катапультируется назад во времени. Например, запах фиалок возвращает его к цветам, продаваемым в синагоге (Arkwright, 2011, p. 27), а вкус шпината напоминает ему о тех временах, когда евреи ничего не могли купить (Arkwright, 2011, pp. 46-47).³⁸ Эта функция специфических чувственных переживаний как активатор флэшбэков напоминает печенье Мадлен в творчестве Пруста, которое несет мнемоническую функцию. Слуховые образы также играют важную роль, демонстрируя живость этих воспоминаний. Интересно, что Аркрайт и Вольф различаются в своих стратегиях реконструкции прошлых звуковых ландшафтов. Аркрайт обычно обращается к невинным детским воспоминаниям, таким как голоса детей, вибрирующие в приюте. Вольф, напротив, связывает звуки с глубоко запечатленной травмой.

Для Карлы Вольф необходимость обращать внимание на звуки вокруг и чувство, испытываемое, когда доносились резкие звуки шагов на лестнице и стук в двери, глубоко запечатлелось в ее памяти и до сих пор связано с травматическим опытом. Эти звуки, связанные с сильными эмоциями, продолжают преследовать и подавлять ее сегодня, поскольку некоторые из них все еще несут в себе отпечаток прошлого. (см. Naliwajek-Mazurek, 2018, p. 76). Опыт наци-

стской оккупации и военного времени все еще бьется в ее ушах. Согласно наблюдениям Шмидта (Schmidt, 2018, p. 51), "переживания военного времени все еще стучатся в их головах" и превращают сон в ужас. Это напоминает известную цитату немецкого писателя Вольфганга Борхерта, отражающую влияние военного времени на его дальнейшую жизнь: "для нас наш сон наполнен битвой. Наша ночь наполнена боевым шумом в своем сне-смерти [...]. Кто напишет для нас новые законы гармонии? Нам больше не нужны натюрморты. Нам больше не нужны хорошо темперированные пианино. Мы сами слишком диссонируем. [...] Наша жизнь на предельной громкости" (Borchert, 1973, p. 113 в переводе на английский язык Шмидта, 2018, p. 51). Переживания глубокой тревоги и угрозы, таким образом, подавили их до такой степени, что это привело к продолжающейся борьбе в настоящем, вызванной слышанием подобных звуков (Birdsall, 2016, p. 124). Как уже упоминалось, комментарий Карлы Вольф о том, что уши "живут своей собственной жизнью", выражает постоянный страх услышать что-то. Это воздействие распространилось из прошлого в настоящее: страх услышать, как кто-то "идет за вами" или "громкие голоса на лестнице" все еще преследует ее сегодня (Wolff, 2012, pp. 107-108).

6. Заключение

Этот анализ был направлен на изучение механизмов насилия в отношении евреев и инсценировки нацистского господства, через изучение связи слухового с идентичностью и травмой и категорий "**слуховидец**". Звуковой ландшафт города Бреслау раскрывает отношения власти и социальной организации, указывая на связи между звуком, идентичностью и отчуждением в период "Третьего Рейха". Хотя прошлые звуки в основном доступны нам через записи, дневники и автобиографии, используемые в этом исследовании, оказываются ценными аудиодокументальными материалами. Конечно, звуковой ландшафт Бреслау между

³⁸ Другие примеры: запах – дети едят лимоны (Arkwright, 2011, p. 39), запах различных служащих в их вилле (Arkwright, 2011, pp. 10-11), запах вина (Arkwright, 2011, p. 29). У него также есть некоторые тактильные воспоминания: то, как грубая рука его деда касалась его (Arkwright, 2011, p. 16).

1933 и 1945 годами, представленный здесь, не может быть полным, поскольку можно привести лишь ограниченный набор примеров. Эта точка зрения не может быть объективной, так как разные слушатели записывали разные звуки и обращали внимание на разные звуковые элементы. На некоторые свидетельства ссылались чаще, чем на другие, потому что аналитическая часть этой статьи была структурирована по конкретным звуковым элементам: в некоторых документах ссылки на эти элементы просто встречаются чаще. Тем не менее, тексты дают представление о различных значениях, приписываемых звуку и его политической природе в период "Третьего Рейха", и воссоздают часть звуковой атмосферы города. Более того, они хорошо дополняют друг друга: дневники дают хороший обзор того, что можно было слышать изо дня в день, а автобиографии ясно показывают влияние на их нынешнее существование. Звуковой ландшафт, который они вызывают, отражает общее присутствие национал-социалистического режима и образ общины, ясно указывая на то, что "исторический опыт городской жизни", как выразились Рената Танчук и Славомир Вичорек (Wieczorek, 2018, p. 7), претерпел радикальные преобразования. Этого можно было достичь с помощью новых технологий, таких как радио и громкоговорители, которые отражали все большее присутствие нацистов в городе. Эти новые средства массовой информации сделали невозможным избежать их повсеместного присутствия и контроля социальных взаимодействий: повседневная жизнь была прервана и доминировала звуками новой нации. Однако это давление оказывали не только технологические инновации. Напротив, весь звуковой ландшафт в городе изменился и стал подозрительным, что привело к отчуждающему переживанию повседневной жизни, в которой даже тишина рассматривалась как предательское явление. В то время как д-р Карин Бийстервельд (Bijsterveld, 2013) выделяет четыре различных типа звука – успокаивающие, сен-

сационные, зловещие и навязчивые звуки, – очевидно, что последний из них становится неизбежным и даже перекрывает звуки "чужих сообществ" (нем.: *Gemeinschaftsfremden*). Для евреев вся эта ситуация означала переосмысление их идентичности, и оставалось лишь несколько убежищ – например, синагога, – где они могли избежать национал-социалистической массовой истерии и отождествить себя с многовековой еврейской музыкой. В контексте "Третьего Рейха" увеличение звуковых и визуальных ссылок на национал-социализм сопровождалось исчезновением еврейского присутствия. Звуки были связаны не только с отчуждением и идентичностью, но и с травмой: еврейские жертвы находились под влиянием разрушающих звуков еще долго после падения "Третьего Рейха". Считается, что их до сих пор преследуют определенные звуки. Ключевая фраза Карлы Вольф "наши уши жили своей собственной жизнью", таким образом, может быть преобразована в "наши уши все еще живут своей собственной жизнью".

References:

- Adorno, T. (2002). On the social situation of music. In R. Leppert (Ed.), *Essays on music* (pp. 391-436). Berkeley: University of California Press.
- Anderson, B. (1991). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism* (revised edition). London: Verso.
- Arkwright, K. J. (2011). *Jenseits des ?berlebens. Von Breslau nach Australien*. (K. Friedla & U. Neum?rker, Eds). Berlin: Stiftung Denkmal f?r die Ermordeten Juden Europas.
- Attali, J. (1985). *Noise: The political economy of music* (B. Massumi, Trans.). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bailey, P. (1998 [1966]). Breaking the sound barrier. In *Popular culture and performance in the Victorian city* (pp. 194-211). Cambridge: Cambridge University Press.
- Bijsterveld, K. (2013). Introduction. In K. Bijsterveld (Ed.), *Soundscapes of the urban past: Staged sound as mediated cultural heritage* (pp. 11-28). Bielefeld: Transcript Verlag.
- Birdsall, C. (2012). *Nazi soundscapes: Sound, technology and urban space in Germany, 1933-1945*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Birdsall, C. (2016). Sound memory: A critical concept for researching memories of conflict and war. In D.

- Drozdowski, S. De Nardi & E. Waterton (Eds.), *Memory, place and identity: Com-memoration and remembrance of war and conflict* (pp. 111-129). London, New York: Routledge.
- Błaszczak, D. (2018). Waves of remembrance: Wrocław in radio sounds. Broadcasting from the past. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 221-237). Berlin: Peter Lang.
- Buttimer, A. (1980). Home, reach, and the sense of place. In A. Buttimer & D. Seamon (Eds.), *The human experience of space and place* (pp. 166-187). New York: St. Martin's Press.
- Chambers, I. (1985). *Urban rhythms: The metropolitan experience*. Basingstoke, London: Macmillan Education.
- Chambers, I. (2017). The aural walk. In C. Cox & D. Warner (Eds.), *Audio culture: Readings in modern music* (revised edition) (pp. 129-133). London, New York: Bloomsbury.
- Cohn, W. (2006). *Kein Recht, nirgends. Tagebuch vom Untergang des Breslauer Judentums, 1933-1941*. (N. Conrads, Ed.). Köln, Weimar, Wien: Böhlau.
- de Certeau, M. (1984). *The practice of everyday life* (S. F. Rendall, Trans.). Berkeley: University of California Press.
- Dębski, A. (2018). From "love in the bright moonlight" to "the corner of dreams": A snapshot of the soundscape of Wrocław in 1945. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 163-180). Berlin: Peter Lang.
- Dolan, J. (2003). The voice that cannot be heard: Radio/broadcasting and the "archive". *The Radio Journal*, 1(1), 63-72.
- Farina, A. (2014). *Soundscape ecology: Principles, patterns, methods, and applications*. Heidelberg, New York, London: Springer Dordrecht.
- Frith, S. (1996). *Performing rites: On the value of popular music*. Oxford: Oxford University Press.
- Gleiss, H. G. (1986). *Breslauer Apokalypse 1945: Dokumentarchronik vom Todeskampf und Untergang einer deutschen Stadt und Festung am Ende des Zweiten Weltkrieges (10 Bände)*. Rosenheim: Natura et Patria.
- Hargreaves, R. (2014). *Hitler's final fortress: Breslau 1945*. Mechanicsburg: Stackpole Books.
- Hilmes, M. (1990). *Hollywood and broadcasting: From radio to cable*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
- Hunt, L. (1984). *Politics, culture, and class in the French Revolution*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
- Ihde, D. (1976). *Listening and voice: A phenomenology of sound*. Athens: Ohio University Press.
- Inglot, J. (2012). *Wypędzony. Breslau – Wrocław 1945 [Exiled: Breslau – Wrocław 1945]*. Warsaw: Instytut Wydawniczy Erica.
- Jacobs, A. (2018). Barking and blaring: City sounds in wartime. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 11-30). Berlin: Peter Lang.
- Jara, K. (2018). The soundscape of public space in Breslau during the period of National Socialism. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 143-162). Berlin: Peter Lang.
- Jeggle, U. (1972). Fasnacht im Dritten Reich. In G. Albrecht & W. Kutter (Eds.), *Masken und Narren: Traditionen der Fastnacht [Symposium 7-9. Dezember 1971]* (pp. 40-51). Cologne: Kölnisches Stadtmuseum.
- Jeschioro, H. (1993). *Geboren in Breslau, missbraucht von Nazis, vertrieben von Kommunisten, verraten von Bonn*. Stuttgart: Selbstverlag Herbert Jeschioro Stgt.
- Krause, B. (2016). *Voices of the wild: Animal songs, human din, and the call to save natural sound-scapes*. New Haven, London: Yale University Press.
- Lange, D. (2018). The muteness of war-time trauma: A nonverbal perspective on the relationship between trauma and soundscape. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 245-263). Berlin: Peter Lang.
- Lasker-Wallfisch, A. (1997). *Ihr sollt die Wahrheit erben. Breslau – Auschwitz – Bergen-Belsen*. Bonn: Weidle Verlag.
- Le Bon, G. (2002). *The crowd: A study of the popular mind*. Mineola, New York: Dover.
- Lessing, T. (1909). Über Psychologie des Lärms. *Zeitschrift für Psychotherapie und medizinische Psychologie*, 1, 77-87.
- Lucas, C. (1988). The crowd and politics between Ancien Regime and revolution in France. *The Journal of Modern History*, 60(3), 421-57.
- Marston, S. (2002/3). Making difference: Conflict over Irish identity in the New York City St. Patrick's Day parade. *Political Geography*, 373-392.
- Missfelder, J.-F. (2012). Period Ear. *Perspektiven einer Klanggeschichte. Geschichte und Gesellschaft*, 38, 21-47.
- Morley, D. (2000). *Home territories: Media, mobility and identity*. London, New York: Routledge.
- Moslund, S. P. (2011). The presencing of place in literature: Toward an embodied topopoetic mode of reading. In R. T. Tally (Ed.), *Geocritical explorations: Space, place, and mapping in literary and cultural studies* (pp. 29-43). New York: Palgrave Macmillan.
- Naliwajek-Mazurek, K. (2018). The sounds of Warsaw in 1945: Witness accounts. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 55-80). Berlin: Peter Lang.
- Paul, G. (1992). *Aufstand der Bilder: Die NS-Propaganda vor 1933*. Bonn: Dietz.

Reichsminister Dr. Goebbels nahm Musteranlage des Reichslautsprecherstrahlennetzes in seine Obhut (1938). Schlesien – Volk und Raum. Vierteljahresschrift, July, 145.

Rybachynska, Z. (2018). The voices of a liberated/occupied city: The Lviv soundscape of 1944-1946 in Ryszard Gansiniec's journal. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 131-142). Berlin: Peter Lang.

Schafer, R. M. (1994 [1977]). *The soundscape: Our sonic environment and the tuning of the world*. Rochester: Destiny.

Schmidt, U. C. (2018). Roaring war and silent peace? Initial reflections on the soundscape in the Ruhr between area bombing and reconstruction. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 31-54). Berlin: Peter Lang.

Sennett, R. (1978). *The fall of public man: On the social psychology of capitalism*. New York: Vintage.

Simmel, G. (1997). The metropolis and mental life. In N. Leach (Ed.), *Rethinking architecture: A reader in cultural theory* (pp. 69-79). London, New York: Routledge.

Smith, M. M. (Ed.). (2004). *Hearing history: A reader*. Athens: University of Georgia Press.

Smith, M.M., Snay, M., & Smith, B.R. (2004). Coda: Talking sound history. In M. M. Smith (Ed.), *Hearing history: A reader* (365-405). Athens: University of Georgia Press.

Stasko-Mazur, K. (2018). The voice of Polish Radio in the soundscape of Warsaw in 1945. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 93-129). Berlin: Peter Lang.

Süß, W., & Thießen, M. (2017). Nationalsozialistische Städte als Handlungsräume: Einführung. In W. Süß,

& M. Thießen (Eds.), *Städte im Nationalsozialismus. Urbane Räume und soziale Ordnungen* (pp. 9-20). Göttingen: Wallstein Verlag.

Tańczuk, R. (2018). The 1945 soundscape of Wrocław in the accounts of its post-war inhabitants. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 181-201). Berlin: Peter Lang.

Tańczuk, R., & Wiczorek, S. (Eds.). (2018). *Sounds of war and peace. Soundscapes of European cities in 1945*. Berlin: Peter Lang.

Tausk, W. (1975). *Breslauer Tagebuch 1933-1940* (R. Kincel, Ed.). Berlin: Rütten & Loening.

Waage, U. (2004). *Bleib übrig: Aus den Tagebuchaufzeichnungen in der Festung Breslau und der Nachkriegszeit von Januar 1945 bis April 1947 (Zeitzeugenbericht)*. Halle: Corneliuss.

Wagner, H.-U., *Das jüdische Breslau und der Rundfunk in Breslau (1933-1949) (under embargo)*.

Wiczorek, S. (2018). Calls for help and the sounds of pot-banging in the soundscape of ruined Wrocław in 1945. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 203-220). Berlin: Peter Lang.

Wildt, M. (2007). *Volksgemeinschaft als Selbstermächtigung: Gewalt gegen Juden in der deutschen Provinz, 1919 bis 1939*. Hamburg: Hamburger Edition.

Wolff, K. (2012). *Ich blieb zurück: Erinnerungen an Breslau und Israel* (I. Loose, Ed.). Berlin: Hentrich & Hentrich Verlag.

Zimpel, J. (2018). In search of lost sounds: Miron Białoszewski's "Stare życie" and post-war silence. In R. Tańczuk & S. Wiczorek (Eds.), *Sounds of war and peace: Soundscapes of European cities in 1945* (pp. 81-92). Berlin: Peter Lang.

Zuydervelt, R. (2009). *Take a closer listen*. Rotterdam.

FEATURES OF THE ADAPTATION OF INTERNALLY DISPLACED PERSONS TO THE NEW SOCIAL ENVIRONMENT

Tagiyeva Tarlan Mirzakerim, Postgraduate student of Department of Sociology, Baku State University, Baku, Azerbaijan

The issues of adaptation to a new environment have always been relevant, today they are also important, since in the context of globalization people are "eternal nomads" (Attali) looking for a better life. Along with this, the concept of "forced migrants" has long been included in the scientific circulation, as a category of people, for various reasons forcibly or for reasons beyond their control, who left their habitable places. The adaptation of internally displaced persons who have become victims of military conflicts is especially painful, since the state, as a rule, is not able to provide them with timely and necessary assistance. There are peculiarities of communication between the settlers and the local population, which should be taken into account in the matter of psychological rehabilitation and subsequent social adaptation.

Keywords: internally displaced persons; military conflicts; directions of adaptation; social policy; international organizations; ethnic identity.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.2

УДК 159.9.072:378

БАК 22.00.04

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

© Тагиева Т.М., 2021

Вопросы адаптации к новой среде обитания всегда были актуальны, сегодня они также важны, поскольку в условиях глобализации люди – "вечные кочевники" (Аттали), ищущие лучшей жизни. Наряду с этим в научный оборот давно включено понятие "вынужденные переселенцы", как категория людей, по разным причинам насильственно или по обстоятельствам, от них не зависящих, покинувших обжитые места. Адаптация вынужденных переселенцев, ставших жертвами военных конфликтов, проходит особенно болезненно, поскольку государство, как правило, не в состоянии оказать им своевременную и необходимую помощь. Имеются особенности общения между переселенцами и местным населением, которые следует учитывать в деле психологической реабилитации и последующей социальной адаптации.

Ключевые слова: вынужденные переселенцы; военные конфликты; направления адаптации; социальная политика; международные организации; этническое самосознание.

Введение. Современные особенности процесса перемещения людей на большие пространства связаны не только с желанием удовлетворения потребностей в новой работе, в получении образования, в более благоприятной экологической обстановке, но и с вынужденной сменой места жительства по многим причинам. Среди них следует, прежде всего, назвать социально-экономические, экологические и политические причины. Меняют место жительства в поисках работы, как временной, так и постоянной, из-за природных катаклизмов (землетрясений, наводнений, оползней, лесных пожаров и т.д.), техногенных катастроф, связанных с утечкой ядерного топлива при повреждении атомных электростанций, утечкой нефтепродуктов на акватории рек или морей и озер, взрывами на химических предприятиях и проч.

Однако есть еще одна, самая трагичная причина превращения человека в беженца или вынужденного переселенца, – это международные и региональные конфликты политического характера. Именно в условиях конфликтов происходят непредс-

ТАГИЕВА Тарлан Мирзакерим,
диссертант кафедры
Социологии, Бакинский
государственный универ-
ситет, Баку, Азербайджан

казуемые перемещения людей с большими человеческими жертвами и лишениями, жестоким настоящим и туманным будущим. В последние столетия в мире происходит бессчетное число столкновений больших групп людей (этнических групп, общин, государств, политических группировок), зачастую завершающиеся длительными кровавыми конфликтами и войнами. Последствием этих конфликтов становится перемещение больших групп людей, с огромными человеческими жертвами и лишениями, на другие пространства.

В данной статье будут рассмотрены возможности социальной адаптации лиц – вынужденных переселенцев, связанных с военным конфликтом, в частности, Нагорно-Карабахским, длящимся вот уже более 30 лет. В статье будут использованы статистические данные и факты по формированию группы вынужденных переселенцев, их размещению на территории страны, социально-экономическому обеспечению, духовно-культурному развитию, социальной адаптации к новой среде.

К истории формирования группы беженцев и вынужденных переселенцев в Азербайджане. Социально-политическая история Южнокавказского региона – долгая и трагичная, поскольку связана с неоднократными кровавыми столкновениями на этнической почве. Развитие региона связано с борьбой за влияние нескольких крупных держав, это, прежде всего, Россия, Иран и Турция. Помимо этого, здесь свои политические интересы имеют и страны Западной Европы, а также США. Все это проявлялось в развитии региона, представленного многими этническими группами, среди которых самыми многочисленными являются азербайджанцы, грузины и армяне. Этнополитическая история каждого из указанных народов достаточно сложна и противоречи-

ва, причем связана с российской историей, по крайней мере, на протяжении последних 200 лет.

Влияние России на рассматриваемый в данной статье процесс заключается в том, что с первой половины XIX столетия территория Закавказья перешла под юрисдикцию России, развитие народов также пошло в русле капиталистического строя. Не вдаваясь в подробности переселенческой политики царской России, в результате которой сложилась современная этнополитическая картина трех закавказских государств – это Грузия, Армения и Азербайджан, – отметим, что на сегодняшний день в данном регионе продолжают три конфликта на этнической почве – это Нагорно-Карабахский, Абхазо-Грузинский и Грузино-Осетинский конфликты. Все три конфликта заморожены и процесс находится на уровне статус-кво.

Нагорно-Карабахский конфликт, ознаменовавший собой распад СССР, и связанный с агрессией Армении против Азербайджана, привел к массовому изгнанию азербайджанцев с родных земель, причем не только с территории Армении, но и территории Нагорного Карабаха и семи районов, приле-

гающих к ней. В итоге почти один миллион человек стали беженцами и вынужденными переселенцами в своей же стране. От правительства потребовались

большие усилия в оперативном расселении людей в палаточные городки, по различным регионам и городам зачастую в непригодные для этого помещения – летние пионерские лагеря, недостроенные дома, общежития, сельские клубы и т.д. Встал вопрос обеспечения этих людей работой, дети должны были учиться, получать медицинскую помощь, и т.д. [1; 2].

Были созданы соответствующие комитеты и другие учреждения по непосредственной работе с огромной группой вынужден-

В ИТОГЕ ПОЧТИ ОДИН МИЛЛИОН
ЧЕЛОВЕК СТАЛИ БЕЖЕНЦАМИ И
ВЫНУЖДЕННЫМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ
В СВОЕЙ ЖЕ СТРАНЕ.

ных переселенцев. Эти люди стали жертвой политических противоречий между политическими группировками мира, ведущих борьбу за реализацию своих интересов. На протяжении всех последующих лет, которые они проводят вне привычной среды обитания, в особенности это имеет отношение к людям уже взрослым, зрелого возраста, происходит постепенная адаптация к новой среде, причем очень трудная, поскольку перестройка сознания практически поверхностная, подсознательно все время сохраняется тревожность, тоска по привычному ландшафту, характеру деятельности, общению с людьми, и т.д.

Конкретные шаги по социальной помощи вынужденным переселенцам в Азербайджане. Одним из приоритетов политического курса, проводимого в стране, является оказание необходимой социальной помощи нашим соотечественникам, вынужденным покинуть свои родные земли в результате армяно-азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта. Так, Президент Азербайджанской Республики в 2004-2019 годах подписал 75 указов и распоряжений по решению социальных проблем вынужденных переселенцев, Кабинетом Министров Азербайджанской Республики издано 224 постановления и распоряжения, Милли Меджлисом Азербайджанской Республики принято 11 законов. Была реализована "Государственная программа по улучшению условий жизни и увеличению занятости беженцев и вынужденных переселенцев", утвержденная Указом Президента РФ от 1 июля 2004 г. № 298, а также Государственная программа № 2475 от 31 октября 2007 и 2011 гг. За прошедшие годы принят ряд соответствующих мер, и реализация программы за 2011 год успешно продолжается и сегодня. В 2007 году завершилась ликвидация 12 палаточных городков и 3 поселков с грузовыми вагонами на железной дороге, а в 2016 году – ликвидация последнего из 16 поселков финского типа. В результате целенаправленной политики,

проводимой государством, 26 апреля 2012 года Азербайджан избран полноправным членом влиятельной международной организации – Исполнительного комитета Верховного комиссара ООН по делам беженцев [5].

Для социальной адаптации вынужденных переселенцев проводимых мер недостаточно. Следует добавить работу психологов, социальных и медицинских работников, учителей, представителей властных структур низшего звена, то есть муниципалитетов, а также неправительственных организаций и различных благотворительных фондов. Особенно много работы было в первые дни и месяцы, когда вынужденные переселенцы очень нуждались как в материальной, так и социально-психологической помощи. Население тех мест, куда прибывали переселенцы, оказывало посильную помощь одеждой, продуктами и деньгами, их поселяли в своих квартирах или иных свободных помещениях, например, на дачах, и т.д.

Однако принятые меры следовало все время дополнять мерами по психологической коррекции и адаптации к новой среде. О состоянии людей, прежде всего, детей, вынужденных покинуть родные места, исследователи, в частности, пишут следующее: "все дети, пережившие психологический шок, страдают от его последствий. Кроме многих физических и психических расстройств, у них наблюдаются также нарушения процесса познания и поведения в обществе. Острота нарушений и их проявлений связана, как правило, со степенью жестокости насилия, наличием или отсутствием телесных повреждений у самого ребенка, а также утратой или сохранением семейной поддержки. К сожалению, дети-беженцы испытывают также суровые лишения из-за недостатка пищи, воды, отсутствия медицинского обслуживания, надлежащего жилья" [4. 158]. Это также можно сказать и о детях-переселенцах в Азербайджане. Психологи проводили исследования в лагерях беженцев и вынужден-

ных переселенцев, работали с различными возрастными группами, в отдельности с мужчинами и женщинами, и т.д.

В особенности их угнетало отсутствие привычной работы, не только по специальности, но и той, которая была связана с их бытом и приусадебным участком, с сельскохозяйственными работами. И потому в первые месяцы переселенцы даже в непри-

вычной им среде высаживали саженцы овощей (к примеру, на клумбах общих дворов, в ящиках на балконах и проч.), тоскуя по своему прежнему быту. Благодаря многолетней работе правительства по

улучшению жизни и деятельности данной категории людей на сегодняшний день преодолен порог восприятия новых условий жизни, как непривычный и даже в какой-то степени чужой.

Известно, что в целях обеспечения инфраструктуры в поселках и городках, построенных для вынужденных переселенцев, до конца 2019 года в общей сложности были построены 162 общеобразовательные школы, 71 детский сад, 66 клубно-общественных и культурных центров, 7 административных зданий, 65 медицинских центров, 3 дома связи, 2 олимпийских спорткомплекса, 1 полицейский участок и здание для церемоний и ритуалов. С 1993 по 2019 год на решение социальных проблем вынужденных переселенцев израсходовано около 7,7 миллиарда манатов, из них около 3,8 миллиарда манатов – из государственного бюджета, 2,5 миллиарда манатов – из Государственного нефтяного фонда и 1,4 миллиарда манатов – за счет международных финансовых институтов, а также международных гуманитарных и других организаций, действующих в нашей стране. Около 6,7 миллиарда манатов, что составляет 87% от этой суммы, было использовано в течение 2004-2019 годов, то есть за последние 16 лет [5].

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ
ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
СВЯЗАНО С ПОСТОЯННЫМ
ФИЗИЧЕСКИМ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ
СТРЕССОМ, НИЗКОЙ САМООЦЕНКОЙ
И ОЩУЩЕНИЕМ УЯЗВИМОСТИ.

Беженцы и вынужденные переселенцы, вынужденные жить во временных лагерях, испытывали психологический шок в новой ситуации, их положение усугублялось тем фактом, что с ними обращаются как с пришлыми, и они изолированы от общества как "другие", то есть "не как все" люди. Сложности реальных жизненных ситуаций, многочисленные стрессы приводили к различ-

ным психологическим дезадаптациям и другим психологическим проблемам. Вынужденное переселение – это сама по себе очень тяжелая стрессовая ситуация.

Здесь сыграли свою роль страх перед угрозой смерти, потеря близких, разлука с родными и близкими, потеря имущества и невозможность всего этого восстановить, изменение культурной среды, потеря социального статуса, жизненных ориентиров и, самое главное, – неопределенность будущего, когда в стране, только что появившейся на обломках СССР, было множество других социально-экономических и политических проблем, требовавших безотлагательного решения.

Психологическое состояние вынужденных переселенцев связано с постоянным физическим и эмоциональным стрессом, низкой самооценкой и ощущением уязвимости. Отсюда – многочисленные нервные срывы, семейные конфликты, агрессия против окружающей среды, ведь они потеряли все, что имели. Среди индивидуальных психологических реакций чаще встречаются повышенная тревожность, стресс, депрессия и психозы. Причинами этих психологических проблем являются социальная нестабильность, межгрупповые конфликты, агрессия против новой среды, пассивность и изоляция.

Как подчеркивают исследователи, основой понимания психологического состояния вынужденных переселенцев является кри-

зис социальной идентичности, когда происходит внезапная трансформация восприятия человеком себя в своей среде, жизни и системе общения [6]. Почти все наше общество прошло через кризис социальной идентичности в период развала СССР. Однако этот процесс особенно коснулся вынужденных переселенцев. Некоторых переселенцев этот кризис коснулся настолько сильно, что они даже утратили свою способность интеграции в социальную группу и общество на индивидуальном уровне. Здесь особо следует выделить понятия гражданства и национальной идентичности, близкого к понятию толерантности. Трансформация самосознания как раз и приводит к подобному состоянию.

Этот процесс длился годами, когда надежда и отчаяние зачастую сменяли друг друга. Причем семьи, особенно в самом начале, сталкивались с социальными, экономическими, медицинскими и административными проблемами, и, как уже отмечалось, многие также боролись с эмоциональными и психологическими трудностями, связанными с утратой членов семьи. Следует отметить, что местная организация Международного Красного Креста занимается этой проблемой и с 2012 года реализует проект поддержки в Азербайджане. Основная цель этой программы – помочь семьям справиться с психологическими и социальными последствиями перенесенных утрат. Здесь психологи помогают женщинам-членам семьи пропавших без вести, прежде всего, супругам, матерям и сестрам. Психологи и волонтеры встречаются с близкими родственниками пропавших без вести, оценивают их проблемы, предлагают решения, когда это возможно, и направляют их на получение надлежащей помощи в случае необходимости.

Эта программа помогает семьям улучшить свою сеть социальной поддержки, через выстраивание отношений друг с другом. Это делается путем приглашения семей в группу людей, столкнувшихся с той же про-

блемой, во время которой обсуждается ее влияние на их судьбу, анализируются пути продолжения жизни в позитивном ключе. Работа в таком направлении была продолжена и в последующие годы. В частности, психосоциальная помощь оказана семьям пропавших без вести в связи с армяно-азербайджанским Нагорно-Карабахским конфликтом в городах и районах Гянджа, Шеки, Ширван, Сабирабад, Гаджигабул, Агсу, Кюрдамир, Шамаха, Гобустан, Гейгель, Дашкесан, Габала, Загатала, Гейчай, Уджар [6].

Следует отметить, что в деле адаптации к новой среде определенную роль играет ментальность людей, которая различается от региона к региону по своим некоторым параметрам. В частности, это языковые нормы, используемые в быту и семье обычаи и традиции, особенности мировоззрения в целом. Местность, откуда было в массовом порядке вытеснено население, отличается своим рельефом и климатом, возможностями ведения хозяйства, привычным укладом жизни, говорами и наречиями языка. В основном велись сельскохозяйственные работы, а также работали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья.

Помимо этого, в социальных группах были представлены все сферы жизнедеятельности: образование, медицина, сфера обслуживания, управления и т.д. Люди, представлявшие эти сферы, также стали вынужденными переселенцами, потеряв работу и свой социальный статус. В тех местностях, где они были вынуждены поселиться, не всегда можно было получить работу по специальности, иметь комфортные условия для проживания. В итоге шел процесс смены работы, социального статуса, отношения к жизни, понижалась самооценка, на что в немалой степени влияло также и отношение окружающих.

Нагорно-Карабахский конфликт, так и не решенный за прошедшие 30 лет, продолжается. Люди, потерявшие жилье, работу, увидевшие смерть и лишения, помимо всего, также столкнулись с непониманием соб-

ственного положения некоторыми членами общества. Шло разграничение "пришлых" и "своих". Следует отметить, что взаимоотношения в общине "пришлых" складывались на основе общности судьбы, положения, взаимной поддержки, что можно было проследить в конкретных ситуациях – создании семьи между близкими и знакомыми, прием на работу также с учетом местности, откуда был вынужденный переселенец, тесные и дружеские взаимоотношения внутри групп "пришлых", работающих в одном учреждении, и т.д.

Все это говорит о том, что, помимо государственной и международной поддержки вынужденных переселенцев, социальные отношения внутри общества выстраивались вокруг общины переселенцев и внутри этой общины. Следует разграничивать отношения этой общины с внешней средой, и внутри нее, что связано с различиями в ментальной оценке ситуации. На протяжении определенного периода времени (первые 3-5 лет) существовало некоторое неприятие ценностей и норм социального поведения "пришлых", со временем, после завершения адаптации, различия стерлись, и, можно сказать, что на сегодняшний день установилось полное взаимопонимание между переселенцами и "местными" жителями. В этом деле определенную роль сыграла политика, проводимая руководством страны по принятию мер по скорейшей нормализации условий жизни вынужденных переселенцев. Все это оказало свое положительное влияние на анализируемые процессы.

Выводы. В истории общества процесс перемещения людей с одного территориального пространства на другое мог носить добровольный или принудительный характер.

В любом случае необходимо определенное время для адаптации каждого переселенца к новой жизни. Основные трудности предстоит преодолевать вынужденным переселенцам, поскольку здесь следует учитывать эффект неожиданности и исходящие отсюда многочисленные лишения. Каждому из них предстояло решить множество экономических, социально-политических и духовно-нравственных проблем. В этом деле ведущее место занимает государственная политика, а также отношение граждан страны к проблеме оказания людям необходимой помощи. Важна сплоченность народа как этнической группы, ментальные особенности, связанные с духовно-нравственными компонентами, взаимная приязнь и т.д.

Примечания:

1. Ямсков А.Н. Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Полис. – 1991. – №2. – С. 74-78.
2. Qarabağ: Suallar və faktlar /Məsləhətçi və ön sözün müəllifi: N. Kaya; Bədii və texniki red.: H.Öztürk; Red.: A.Əhmədov. - Bakı: Qismət, 2005. – 156 s.
3. Волобуева Н.А. К вопросу о социокультурной адаптации детей и подростков из семей беженцев и вынужденных переселенцев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 3. – С. 21-24.
4. Буслаева М.Е., Макарова В.А. Проблемы социальной адаптации детей беженцев и мигрантов в контексте профессиональной подготовки студентов // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 1. – С. 155-161.
5. Информация о работе Государственного комитета по делам беженцев и внутренние перемещенных лиц в 2019 году // <http://idp.gov.az/az/law>
6. Ионина О.С. Особенности социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2014. – №2 (22). – С. 107-110.

INFORMAL ECONOMY IN THE WORLD AND IN AZERBAIJAN

Novruzov Nofel Arastun, Senior Specialist, National Observatory on Labor Market and Social Protection, Baku, Azerbaijan

According to the ILO, more than 61 percent of the world's employed people worldwide earn their living in the informal economy. After the collapse of the USSR and the administrative-command system in most countries with economies in transition, the informal sector became quite significant and began to play an irreplaceable role in creating jobs, generating income for the population and producing goods and services. This article examines different assessments of the size and composition of the informal economy in the world and in Azerbaijan. Special attention is paid to the factors, causes and consequences of the functioning of the informal economy. The author believes that the informal sector should be viewed as a kind of social stabilizer, although due to its large scale it should be regulated and, if possible, formalized.

Keywords: informal economy; shadow economy; informal employment; factors and causes of informal employment; self-employment; labor market.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.3

УДК 338

БАК 22.00.03

© Новрузов Н.А., 2021

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В МИРЕ И В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Согласно данным МОТ, в мире более 61% занятого населения мира зарабатывают себе на жизнь в неформальной экономике. После распада СССР и административно-командной системы в большинстве стран с переходной экономикой неформальный сектор стал достаточно значимым и начал играть незаменимую роль в создании рабочих мест, формировании доходов населения и производстве товаров и услуг. В этой статье рассматриваются различные оценки масштабов и состава неформальной экономики в мире и в Азербайджане. Уделяется особое внимание факторам, причинам и следствиям функционирования неформальной экономики. Автор считает, что неформальный сектор следует рассматривать в качестве своеобразного социального стабилизатора, хотя ввиду значительных масштабов его следует регулировать и по возможности формализовать.

Ключевые слова: неформальная экономика; теневая экономика; неформальная занятость; факторы и причины неформальной занятости; самозанятость; рынок труда.

**НОВРУЗОВ Нofель
Арастун**, старший
специалист, Нацио-
нальная обсерватория по
вопросам рынка труда и
социальной защиты, Баку,
Азербайджан

Введение. Значительное количество работников в мире занято в неформальной сфере. Существует огромный дисбаланс в распределении неформальной занятости по регионам мира. В развивающихся странах значительно больше работников занято в неформальной экономике. Подавляющее большинство рабочих в Африке и Азии занято в неформальном секторе. Согласно статистическим данным, собранным МОТ, 61% занятого населения мира работают на основе неформальной занятости. Кроме того, масштабы неформальной занятости значительно различаются по регионам. В Африке неформальная занятость составляет 85,8%. В Азиатско-Тихоокеанском регионе доля неформальной занятости составляет 68,2%, 68,6% – в арабских государствах, 40,0% – в Северной и Южной Америке и 25,1% – в Европе и Центральной Азии. Отчет показывает, что 93% неформальной занятости в мире приходится на страны с формирующимся рынком и на развивающиеся страны. Неформальная занятость является более значительным источником занятости для мужчин (63,0%), чем для женщин (58,1%). Из двух милли-

ардов работников, занятых в неформальном секторе во всем мире, чуть более 740 млн – женщины. Женщины в большей степени подвержены неформальной занятости в большинстве стран с низким и ниже среднего уровнем доходов и чаще оказываются в наиболее уязвимых ситуациях. Вероятность того, что люди, живущие в сельской местности, будут заняты в неформальном

секторе, почти в два раза выше, чем в городах. Сельское хозяйство – это сектор с самым высоким уровнем неформальной занятости – по оценкам, более 90%. "Высокая распространенность неформальной занятости во всех ее формах имеет множество неблагоприятных последствий для работников, предприятий и общества и является серьезной проблемой для реализации достойного труда для всех", – говорит Рафаэль Диес де Медина, директор Департамента статистики в Международной Организации Труда ООН [1].

Для стран СНГ характерен значительный рост занятости в неформальном секторе, что связано в первую очередь с недостаточным уровнем заработной платы в основных секторах экономики по сравнению с прожиточным минимумом и потребительской корзиной, ограничивающим ряд категорий работников в возможностях удовлетворять свои потребности при росте инфляции [2, с. 2]. Демонтаж плановой экономики в постсоветских странах привел к обострению скрытой безработицы, а они пополнили ряды неформально занятых. С другой стороны, значительная часть населения стран с переходной экономикой живут за счет зарплаты, которая находится почти на уровне прожиточного минимума при наличии свободного фонда рабочего времени.

Уникального рецепта, как исправить ситуацию, чтобы человек не был бедным, раз

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ БОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ ЗАНЯТОСТИ ДЛЯ МУЖЧИН (63,0%), ЧЕМ ДЛЯ ЖЕНЩИН (58,1%). ИЗ 2 МЛРД РАБОТНИКОВ, ЗАНЯТЫХ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ВО ВСЕМ МИРЕ, ЧУТЬ БОЛЕЕ 740 МЛН – ЖЕНЩИНЫ.

он работает, нет. А это вынуждает людей, помимо официальной формальной деятельности, заниматься и в неформальном секторе, подрабатывать на дополнительных

вторичных работах. Низкая заработная плата во многих секторах формальной экономики (образование, здравоохранение, сельское хозяйство и т.д.) является одной из причин появления неформаль-

ной занятости. С другой стороны, бедность, безработица, миграция населения из сел в города, нехватка работ в формальных секторах, неспособность формальной экономики обеспечивать всех людей достойным трудом, низкая квалификация большинства населения в развивающихся странах, более низкие требования неформального сектора к работникам становится причиной оттока людей в неформальную сферу. Что же является первопричиной неформальной занятости? Какие факторы оказывают влияние на этот сектор? Какова ситуация в неформальном секторе Азербайджана и какова ее динамика? К каким последствиям приводит чрезмерное усиление неформальной деятельности?

1. Истоки неформальной занятости. Государственный строй сам по себе ассоциируется с формированием целого ряда запретов, санкций и обязательств, исполнение которых гражданами предписано законодательно-нормативными актами. Распространяя свою власть на суверенную территорию, государственная система управления определяет пределы, в которых социальная, экономическая и политическая активность рассматривается легальной. Однако многие участники данных социально-экономических отношений выражают свое несогласие с установленными правилами деятельности и тем или иным образом вовлекаются в неформальную сферу прило-

жения труда. Несмотря на свое раннее происхождение, неформальная занятость начала привлекать внимание научного мира лишь с середины XX в., когда появились первые исследования данного явления и начался сбор эмпирических данных.

Понятие неформальной экономики не тождественно понятию теневой или ненаблюдаемой экономики. К теневой экономике относится любая нерегистрируемая и необлагаемая налогами экономическая деятельность, включая криминальную. Под неформальным сектором понимается совокупность мелких хозяйственных единиц, а также экономическая деятельность, осуществляемая на базе домохозяйств или индивидуально. 15-я Международная конференция статистиков труда в 1993 г. определила неформальный сектор как "совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основной целью обеспечить работу и доход для тех, кто связан с этими единицами."

Эти единицы характеризуются низким уровнем организации, низкой капиталоемкостью и уровнем первоначальным вложений, а также небольшими размерами. Трудовые отношения – если они существуют – базируются преимущественно на привлечении случайных работников, родственных и личных связях, а не на договорных началах, дающих формальные гарантии". Из вышесказанного следует, что неформальный сектор не является частью криминальной или нелегальной деятельности (контрабанда, производство и распространение наркотиков, проституция и тп.). Но он может включать самозанятых и занятых по найму [4, с. 6-7].

Подчеркнув "низкую степень рационализации условий труда", антрополог Кейт Харт впервые использовал термин "неформальная экономика" в 1971 году для описания случайной работы бедняков в Аккре, Гана. Начавшись как способ концептуализации нерегулируемой деятельности маргинальной бедноты в городах третьего мира, "неформальный сектор" стал признан универ-

сальной чертой современной экономики. Основная идея заключалась в том, что бедняки Аккры не были "безработными" [5, p.7]. Во время полевых исследований конца 60-х гг. XX в. в городских трущобах Аккры, столицы Ганы, одной из отсталых стран тропической Африки, ученый заметил, что местные жители по большей части не имеют никакого отношения к официальной экономике, хотя безработными тоже не являются. К. Харт рассматривал экономическую систему развивающихся стран в соответствии с дуалистической концепцией, отделяя формальный сектор от неформального и противопоставляя их [6, с. 83-84].

С точки зрения Харта, важнейший критерий при разделении формального и неформального секторов – степень рационализации труда, его регулярность и постоянство, факт существования фиксированного заработка. К. Харт категорически возражал против пренебрежительного отношения к неорганизованным работникам как к "частично занятым малолетним чистильщикам обуви и продавцам спичек" и подчеркивал очень важную роль этих работников в сфере предоставления множества услуг, важных для горожан.

Он объединил этих "самозанятых" работников понятием "неформальный сектор". Обосновывая важность исследования неформальной экономики, К. Харт подчеркнул сомнительную ценность использования официальных экономических показателей, "игнорирующих производительную деятельность, находящуюся за пределами организованный рынка труда и охватывающую половину городской рабочей силы" [7, с. 68].

Следует отметить, что изначально неформальный сектор олицетворял нищету и отсталость слаборазвитых стран, противопоставлялся технологически развитому формальному сектору, олицетворением которого являлась крупная капиталистическая фирма. Предполагалось, что эти два сектора существуют в известной степени отдельно друг от друга, и постепенно, с развитием

индустриализации, неформальный сектор должен отмереть как тупиковая ветвь развития. Вскоре стало очевидно, что неформальная экономическая деятельность распространена не только в слаборазвитых государствах.

В 1977 году американский экономист П. Гутманн в своей статье констатировал серьезный рост не учитываемой экономической деятельности в развитых капиталистических странах. Чуть позже, в 1979 году, американский экономист Эдгар Фейдж опубликовал произведенные им расчеты, в соответствии с которыми нерегулярная экономика Соединенных Штатов Америки составляла около трети ВВП, что по своему масштабу соответствует слаборазвитым странам. О том, насколько сильный резонанс вызвала эта статья, свидетельствует тот факт, что ее обсуждению было посвящено специальное слушание экономического комитета Конгресса США [8, с. 16].

Переходные экономики представляют собой весьма интересный объект для изучения различных аспектов неформальности на рынке труда. Неформальность в форме простейшей самозанятости может существовать как своеобразная альтернатива безработице тогда, когда формальная система социальной защиты слаба или вовсе отсутствует. Подобная вынужденная неформальная самозанятость составляет "нижний слой" (lower tier), если использовать терминологию Г. Филдса. Её специфическим проявлением является подсобное (околодомашнее) производство сельскохозяйственной продукции для реализации, широко распространенное в странах СНГ. В условиях достаточно агрессивной институциональной среды (отличающейся избыточным и неэффективным регулированием, массовой коррупцией и прочими входными барьерами, и барьерами функционирования), что свойственно многим странам с переходной экономикой, индивидуальное предпринимательство является в значительной мере неформальным и предпочи-

тает не регистрироваться в качестве юридического лица [9, с. 10-11].

2. Факторы, влияющие на развитие неформальной экономики. На неформальную занятость оказывает влияние группа макроэкономических факторов, определяющих масштабы и темпы его развития. В этой связи повышается актуальность исследования факторов, оказывающих воздействие на развитие неформальной занятости, что может внести определенный вклад в формирование политики занятости, направленной на снижение этого явления в экономике. Рассмотрим в качестве основных показателей возраст, уровень образования, безработицу, уровень доходов, регион.

Вероятность того, что люди, живущие в сельской местности, будут заняты в неформальном секторе, почти в два раза выше, чем в городах. Сельское хозяйство – это сектор с самым высоким уровнем неформальной занятости – по оценкам, более 90 процентов [1]. Причина этого кроется в низкой квалификации сельских жителей по сравнению с городскими.

Следующий фактор – это возраст работников (рис. 1).

Рисунок 1 – Связь между изменением неформальной занятости и возрастной группой работников на примере Пакистана

Источник: World Development. 2016. Vol. 84, pp. 312-325.

Как видно из графика выше, возраст – важный фактор, влияющий на неформальную занятость. Наибольший риск неформальной занятости представляют молодые работники в возрасте 15-19 и 20-34 года. С возрастом количество людей, занятых в неформальном секторе, уменьшается.

Важным фактором, оказывающим влияние на неформальную занятость, является уровень образования работников. Исследование показало, что образование является основным фактором, влияющим на уровень неформальности, при этом отмечается, что по мере повышения уровня образования уровень неформальности снижается. Отсутствие квалификации существенно повышает и вероятность попадания в неформальный сектор, и скорость увеличения такого риска со временем. Наоборот, наличие высшего или среднего профессионального образования значительно снижает как сам этот риск, так и скорость его увеличения. Люди, имеющие законченное среднее и высшее образование, с меньшей вероятностью будут иметь неформальную занятость по сравнению с работниками, которые либо не имеют образования, либо имеют законченное начальное образование [1]. В опросах, проведенных в Пакистане, было выявлено, что только 10% занятых в неформальной сфере имели высшее образование, в то время как у 26% – не было образования, у 30% – было начальное образование, а у 34% – среднее [10, с. 317] (рис. 2).

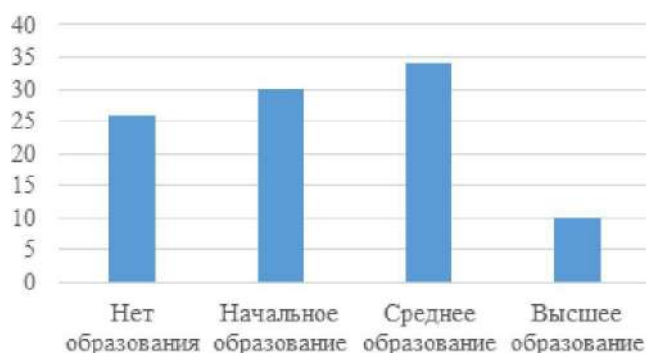

Рисунок 2 – Зависимость неформальной сферы от уровня образования работников

Источник: World Development. 2016. Vol. 84, pp. 312-325.

Безработица – наиболее тесно связана с неформальной занятостью. При изучении географии ее распространения нами было

отмечено, что она имеет наибольшее проявление в регионах с самым высоким уровнем безработицы. Такой вывод отмечают многие российские ученые: чем больше безработица, тем меньше вероятность трудоустроиться в формальном секторе, тем самым создаются условия для роста неформальной занятости. И наоборот – чем меньше безработица, тем больше возможностей работы в легальной сфере, что должно повлечь за собой сокращение неформальной занятости [11]. На рисунке 3 представлена зависимость между уровнем безработицы и уровнем неформальной занятости.

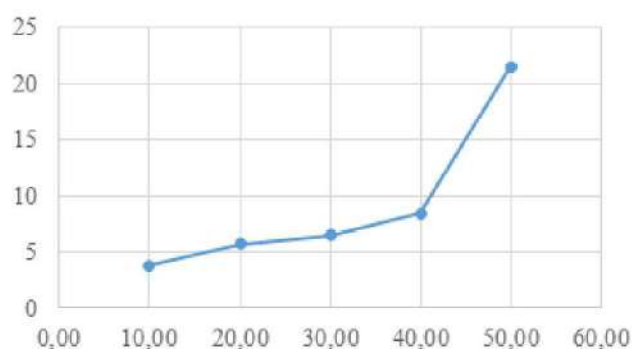

Рисунок 3 – Уровень неформальной занятости в зависимости от уровня безработицы (в %)

Источник: Ахмадеев Д.Р. Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте Федерации // Journal of Economic Regulation. – М., 2014. – № 4. Том 5. – С. 13.

Из графика видно, что прослеживается четкая связь между уровнем безработицы и уровнем неформальной занятости. Для группы регионов с минимальным уровнем неформального сектора характерен и минимальный уровень безработицы. С увеличением доли неформального сектора увеличивается и показатель безработицы. Таким образом, установлена прямая зависимость между уровнем безработицы и уровнем развития неформальной занятости в регионе [12, с. 9].

Уровень валового регионального продукта на душу населения позволяет представить общую эффективность экономи-

ческого развития региона, а также вклад экономики региона в поддержание социальной сферы, что влияет на привлекательность вхождения либо в формальный, либо в неформальный сектор экономики. В следующей гистограмме (рис. 4) показана связь между уровнем неформальной занятости и величиной валового регионального продукта.

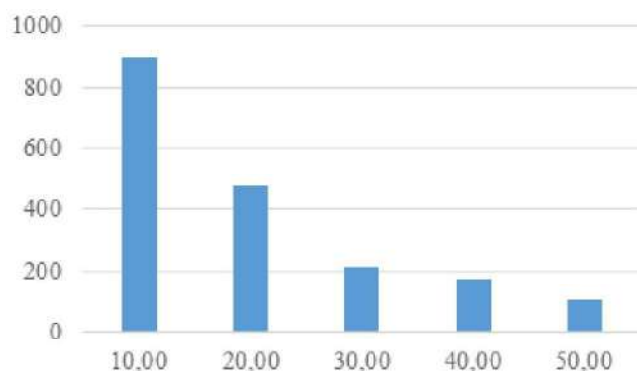

Рисунок 4 – Зависимость неформальной занятости от валового регионального продукта (в тыс. руб.)

Источник: Ахмадеев Д.Р. Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте Федерации // Journal of Economic Regulation. – М., 2014. – № 4. Том 5. – С. 13.

Наблюдается обратная зависимость между рассматриваемыми показателями: чем выше величина валового регионального продукта на душу населения в субъекте федерации, тем ниже в этом субъекте масштабы неформальной занятости. Наличие обратной зависимости между данными показателями видится вполне логичным, так как если формальная экономика региона развита достаточно хорошо и предоставляет достаточное количество прилично оплачиваемых рабочих мест, то и необходимость в неформальной трудовой деятельности со стороны населения отпадает [12, с. 9].

Еще одним значительным фактором неформальной занятости является величина среднемесячной заработной платы. Величина среднемесячной заработной платы позволяет представить степень привлекательности

формального сектора для наемных работников. В данном случае, при прочих равных условиях, можно предположить, что в тех регионах, в которых среднемесячная начисленная заработная плата выше, уровень распространения занятости в неформальном секторе экономики может быть ниже. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные позволяют установить определенную взаимосвязь между уровнем занятости в неформальном секторе экономики и показателем среднемесячной номинальной заработной платы в регионах. Подводя итог, отметим, что установлена прямая зависимость между уровнем неформальной занятости и уровнем безработицы в регионе, а также обратная зависимость между уровнем неформальной занятости и величиной валового регионального продукта,

величиной инвестиций в регионе, количеством малых предпринимателей в регионе, среднемесячной заработной платой. [12, с.11]. На рисунке 5 ясно видна корреляция между уровнем зарплаты и неформальной занятости.

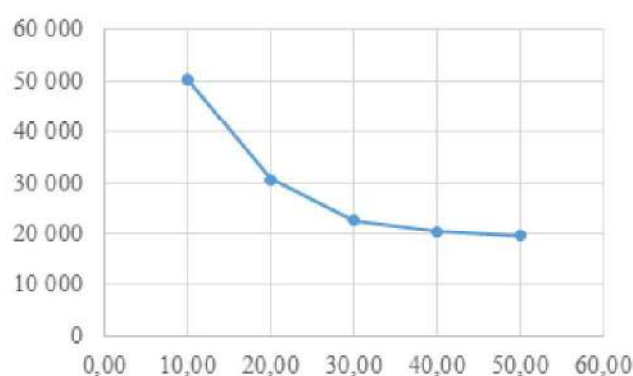

Рисунок 5 – Зависимость неформальной занятости от среднемесячной заработной платы (в тыс. руб.)

3. Неформальная экономика в Азербайджане и странах СНГ. Значительная часть азербайджанской экономики, измеряемая как доля ВВП и общей занятости, официально не зарегистрирована и неформальна. Однако с 1999 года по 2007

происходило снижение уровней неформальной экономической деятельности от 61,0% ВВП в 1999 г. до 52,0% ВВП в 2007 г. Как показывают исследования, в дальнейшем снижение уровня неформальной экономики продолжилось, и к 2008 году оно уже составляло 31% от уровня ВВП [13]. Точный размер и масштаб неформальной деятельности трудно измерить, учитывая скрытую природу этой сферы и недостоверность официальной статистики. В 2019 году, согласно данным официальной статистики Азербайджана, численность занятого населения составляла 4 млн 938,5 тыс. человек, что составляет 95,15% от экономически активного населения, из которых 1 млн 639 тыс. были наемными работниками в государственных и негосударственных секторах [14]. В 2017 году Салим Муслимов, будучи министром труда и социальной защиты Азербайджана, заявлял, что в Азербайджане общее число неформально занятых составляет около 900 тыс. человек, а это 18,6% от экономически активного населения [15]. Данные официальной статистики разнятся с данными МОТ и Всемирного Банка, тем не менее прослеживается постепенное снижение неформальной занятости в стране. В таблице 1 показана динамика изменения неформальной занятости в Азербайджане и др. странах СНГ с 1991 года.

Таблица 1 – Динамика изменения неформальной занятости в Азербайджане, Украине и России

Страны	1991	2001	2003	2006	2008	2010	2013	2015	2016	2018	2019
Азербайджан	54.69	58.3	54.18	48.02	43.70	44.20	42.26	43.66	34.2	32.7	33,0
Украина	38.96	49.06	45.29	40.89	36.65	42.15	39.99	42.9	35.0	21.8	21.0
Россия	39.73	40.81	40.08	35.47	32.6	33.7	32.21	33.7	21.2	20.1	21.3

Источник: Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? Prepared by Leandro Medina and Friedrich Schneider, International Monetary Fund-2018

Как видно из таблицы, в результате удачных социально-экономических реформ, проведенных за последние годы в Азербайджане, неформальная занятость в стране снижается, и, по всей видимости, это снижение продол-

жится и в последующие годы. На примере Азербайджана явно прослеживается связь между снижением безработицы со снижением неформальной занятости.

4. Последствия неформальной занятости для экономики. Влияние неформальной занятости на экономику имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, неформальная занятость порождает ряд социальных и экономических проблем. Развитие неформального сектора, как правило, способствует развитию социально-го неравенства и бедности населения. Отсутствие прозрачного правового поля в трудовых отношениях позволяет активизировать процессы "выпадения" значительной части населения из системы социальной защиты. Неформальная занятость приводит к сокращению налоговых платежей и социальных взносов. Рост неформальной занятости может сопровождаться снижением качества товаров и услуг. Доходы от деятельности здесь не облагаются налогами, поэтому бюджет и социальные фонды лишаются значительных средств. Государство лишается возможности аккумуляции необходимых потоков финансовых средств. Развитие неформальной занятости усиливает и без того чрезмерное неравенство доходов.

Трудовые права работающих в этом секторе граждан никак не защищены законом, они лишаются социальных льгот. Наличные средства, обращающиеся в этом секторе,

могут питать коррупцию и преступность. Но и это еще не все, для работодателей применение низко квалифици-

рованного труда способствует сокращению затрат на модернизацию производства.

В неформальной экономике также обнаруживаются трудящиеся-дети и кабальные рабочие. Благодаря не выплате налогов предприятия, работающие в теневой экономике, получают сверхприбыль – это приводит к перераспределению имеющихся в обществе

ресурсов в пользу неформального сектора экономики, в это же время предприятия, работающие в легальном секторе, теряют эти ресурсы, это уменьшает возможности их роста и модернизации. Следствием будет снижение конкурентоспособности предприятий легального сектора экономики.

Неформальная деятельность приводит к сокращению доходов бюджетов всех уровней и соответственно их дефициту. Дефицит госбюджета является причиной недофинансирования государственных институтов, деятельность которых направлена на регулирование экономики и реализацию социальной политики, и, соответственно приводит, к их деградации, вовлечению в коррупционные отношения. Кроме того, следствием сокращения госрасходов будет: сокращение финансирования государственных социальных программ, что будет приводить к ещё большему снижению жизненного уровня наиболее незащищённых слоёв населения; снижению уровня образования; снижению уровня национальной экономической безопасности и т.д. [16, с.2].

Работники неформальной экономики характеризуются различной степенью зависимости и уязвимости. Женщины, молодые люди, мигранты и пожилые работники особенно уязвимы к наиболее серьезным дефицитам достойной работы в неформальной экономике. Они уязвимы для насилия, включая сексуальные домогательства и другие формы эксплуатации и надругательств, включая коррупцию и взяточничество. В неформальной экономике также представлены трудящиеся-дети и кабальные рабочие.

Коренная причина неформальной экономики заключается в неспособности создать достаточное количество официальных рабочих мест, чтобы привлечь новых участников рынка труда и обеспечить рабочие места для тех, кто оказался в ловушке неформальной экономики. Поэтому сдерживание распространения неформальности предполагает, прежде всего, превращение занятости в центральную проблему экономической и социальной политики путем

содействия созданию благоприятных для занятости макроэкономических рамок и поддержки производительных секторов экономики, которые оказывают большое влияние на занятость и достойную работу [17, с. 37].

Вместе с тем следует отметить, что существуют и положительные последствия существования неформальной экономики. Так, Д. Кассел выделяет три позитивных последствия существования неформального сектора. Во-первых, неформальная экономика сглаживает перепады в экономической конъюнктуре посредством перераспределения ресурсов между легальным и теневым сектором экономики. Во-вторых, этот сектор смягчает нежелательные социальные противоречия, существующие в обществе. В-третьих, ресурсы неформальной экономики подпитывают легальную экономику (доходы, полученные в теневом секторе экономики, тратятся на покупку товаров и услуг в легальном секторе и т.п.) [16, с. 8]. В целом неформальная экономика в период после начала рыночных реформ позволила населению стран бывшего СССР выживать, получая доходы в теневом секторе экономики, в виду отсутствия возможности их получать в легальном секторе экономики.

Заключение. Теоретические исследования показывают, что неформальная занятость трансформируется в своем развитии и при этом усложняется. Конкретные меры налогово-бюджетного характера или меры на рынке труда способны лишь частично смягчить проблему неформальной занятости. Быстрых решений не существует. Системные решения потребуют более широких подходов. В частности, (и, хотя это может показаться тавтологией), лучшее средство от высокой неформальной занятости – это скорейшее создание новых рабочих мест в формальном секторе. Вместе с тем, неформальная занятость оказывает на рынок труда неоднозначное воздействие.

С одной стороны, можно отметить ее позитивное влияние через расширение общей занятости и содействие повышению дохо-

дов населения. В условиях, когда малый бизнес встречает на своем пути массу административных и прочих барьеров, именно неформальный сектор позволяет их обойти и минимизировать издержки. С другой стороны, значительная по масштабам занятость в неформальном секторе порождает ряд социальных и экономических проблем. Доходы от деятельности здесь не облагаются налогами, поэтому бюджет и социальные фонды лишаются значительных средств.

Государство лишается возможности аккумуляции необходимых потоков финансовых средств. Развитие неформальной занятости усиливает и без того чрезмерное неравенство доходов. Трудовые права работающих в этом секторе граждан никак не защищены законом, они лишаются социальных льгот. Наличие средств, обращающиеся в этом секторе, могут питать коррупцию и преступность. Но и это еще не все, для работодателей применение низко квалифицированного труда способствует сокращению затрат на модернизацию производства.

С другой стороны, большая часть дохода, получаемого в неформальном секторе, переводится в формальную экономику, что в свою очередь ведет к увеличению спроса на товары и услуги, стимулируя тем самым их производство. Ограничивая статистический учет безработицы, неформальная занятость на самом деле сокращает фактическую безработицу и снижает напряженность на рынке труда. Неформальная занятость способствует заполнению рабочих мест, совершенно непривлекательных для работников на официально предлагаемых условиях занятости и оплаты.

Литература:

1. Nearly two thirds of global workforce in the informal economy un study Nearly two thirds of global workforce in the informal economy un study // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2018/04/>
2. Михайлов А.Ю. Факторы, оказывающие воздействие на развитие неформальной занятости // Наукоедение. – 2016. – Том 8. – № 2. – 8 с.
3. Medina L.; Schneider F. Shedding Light on the Shadow Economy: A Global Database and the

Interaction with the Official One. / CESifo Working Paper, No. 7981. – Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo), Munich, 2019, p.55

4. Гимпельсон В.Е. Занятость в неформальном секторе России: угроза или благо? Препринт, Москва ГУ ВШЭ, 2002. – 52 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hse.ru/science/preprint/>.

5. Hart K. Formal Bureaucracy and the Emergent Forms of the Informal Economy. Paper presented at the EGD-WIDER, United Nations University, conference Unlocking Human Potential, September 17-18, 2004, Helsinki, p.16.

6. Ширяева Я.Д. Ненаблюдаемая экономика и ее оценка // Пространство экономики. – СПб., 2009. – № 7. – С. 82-97.

7. Hart K. Informal economy opportunities and the urban employment in Ghana // Journal of Modern Africa Studies– 1973– № 11(1), pp. 61-90.

8. Нуреев Р.М. Классификация неформальной занятости и методы ее оценки / Р.М. Нуреев, Д.Р. Ахмадеев // TerraEconomicus -М., 2015. – Т. 13. – №1. – С. 14-29.

9. Гимпельсон В. Е. "Неформалы" в российской экономике: сколько их и кто они?: / В.Е. Гимпельсон, А.А. Зудина; Нац. иссл. ун-т "Высшая школа экономики". – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 60 с.

10. Colin C. Williams, Muhammad Shahid and Alvaro Marti?nez. Determinants of the Level of Informality of Informal Micro-Enterprises: Some Evidence from the City of Lahore, Pakistan. World Development Vol. 84, pp. 312-325, 2016.

11. Титов В.Н. Неформальная экономика как подсистема рыночного хозяйства. – М. : М-Студии, 2008.

12. Ахмадеев Д.Р. Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте Федерации // Journal of Economic Regulation. – 2014. – № 4. – Том 5. – С. 13.

13. Friedrich Schneider, Andreas Buehn and Claudio E. Montenegro, "Shadow Economies All Over the World: New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007," World Bank Policy Research Working Paper No. 5356, June 1, 2010.

14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.stat.gov.az

15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://interfax.az/view/712397>

16. Подмазко А.М. Эффекты теневой экономики: Сравнительный анализ разновекторных последствий // [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.irbis-nbuv.gov.ua/

17. МОТ. Переход от неофициальной к официальной экономике. Международная конференция труда, 103-я сессия. Женева: 2014. – 86 с.

THE ROAD TO DIGITAL UNFREEDOM: HOW ARTIFICIAL INTELLIGENCE IS RESHAPING REPRESSION

Feldstein Steven, Associate Professor and Frank and Bethine Church Chair of Public Affairs at Boise State University and a nonresident fellow in the Democracy, Conflict, and Governance Program at the Carnegie Endowment. From 2014 to 2017, he was deputy assistant secretary in the U.S. Department of State's Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor.

The problem of freedoms and non-freedoms within the framework of a democratic regime is of interest to most researchers, since it depends on them how "correctly" each of us understands how and for whom these categories work. Of course, we are interested in the latest developments in this area, so the editors cite a study by Professor Stephen Feldstein from Boise State University. It is difficult to agree with Professor Feldstein absolutely in everything, and therefore some fragments of the article are marked with footnotes of the author of the translation. The author of the article cannot be taken away from the merit that the study of this issue requires seriousness and a close look into the future. First of all, Stephen Feldstein in his article exposes the fruits of advanced artificial intelligence as an accomplice and hotbed of an autocratic repressive regime of government. Cites the scenarios according to which modern authoritarians solve the problems of the emergence of opposition forces within the country. Draws predictive pictures that can come true if the pace of development of technologies in the field of artificial intelligence continues to grow temporally. Nevertheless, we must assume that the main premise that the author wanted to convey to us is a warning against the superpowers of artificial intelligence that China possesses and the fruits of new technologies that it is ready to share in the name, if we continue the author's thought, of a shallow hidden intention of world domination, thereby, as we can draw independent conclusions, violating similar plans of the United States.

Keywords: freedom; democracy; autocracy; artificial intelligence; AI; digital unfreedom.

DOI 10.24923/2305-8757-2021-5.4

ДОРОГА К ЦИФРОВОЙ НЕСВОБОДЕ: КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МЕНЯЕТ РЕПРЕССИЯ

УДК 004.8
БАК 23.00.02

Проблема свобод и несвобод в рамках демократического режима интересует большинство исследователей, поскольку от них зависит, насколько "верно" каждый из нас осознает, каким образом и на кого работают эти категории. Разумеется, в этой области нас интересуют самые последние разработки, поэтому редакция приводит исследование профессора Стивена Фельдштейна из Университета штата Бойсе. Сложно быть согласным с профессором Фельдштейном абсолютно во всем, и поэтому отдельные фрагменты статьи отмечены сносками автора перевода. Нельзя отнять у автора статьи заслуги в том, что изучение этого вопроса требует серьезности и пристального взгляда в будущее. Прежде всего, Стивен Фельдштейн в своей статье разоблачает плоды развитого искусственного интеллекта в качестве пособника и рассадника авторитарического репрессивного режима правления. Приводит сценарии, по которым современные авторитаристы решают проблемы зарождения оппозиционных сил внутри страны. Рисует прогностические картины, могущие сбыться, если темпы развития технологий в области искусственного интеллекта продолжат темпоральный рост. Тем не менее, надо полагать, что основная посылка, которую хотел передать нам автор, заключается в предостережении от сверхвозможностей искусственного интеллекта, которыми обладает Китай, и плоды новых технологий, которыми он готов поделиться во имя, если продолжить мысль автора статьи, неглубоко скрытого намерения мирового господства, тем самым, как мы можем сделать самостоятельные выводы, нарушая аналогичные планы США.

Ключевые слова: свобода; демократия; авторитария; искусственный интеллект; ИИ; цифровая несвобода.

© Фельдштейн С., 2021
© Григорьева М.А., перевод,
аннотация и примечания,
2021

ФЕЛЬДШТЕЙН Стивен, адъюнкт-профессор и заведующий кафедрой Общественных отношений Фрэнка и Бетин Черч в Университете штата Бойсе, а также внештатный сотрудник программы "Демократия, конфликты и управление" Фонда Карнеги. С 2014 по 2017 год был заместителем помощника госсекретаря в Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Госдепартамента США.

В начале 2018 года представители департамента безопасности Малайзии сделали поразительное заявление. Вспомогатель-

Feldstein S. The Road to Digital Unfreedom: How Artificial Intelligence is Reshaping Repression // *Journal of Democracy*, January 2019, Volume 30, Number 1, pp. 40-52. DOI: 10.1353/jod.2019.0003

Перевод статьи и сопро-
вождение аннотацией
кандидата полит. н.
М.А. Григорьевой.

ное подразделение Королевской полиции Малайзии заключило партнерское соглашение с китайской компанией Yitu Technology для оснащения офицеров подразделений нательными камерами с функцией распознавания лиц. Сотрудники Службы безопасности смогут быстро сравнивать изображения, снятые живыми камерами, с изображениями из центральной базы данных. Глава Вспомогательных сил пояснил, что такое использование искусственного интеллекта (ИИ) – "значительный шаг вперед" в усилиях по улучшению общественной безопасности. Он также отметил, что его агентство планирует в конечном итоге усовершенствовать систему нательных камер, чтобы обеспечить "распознавание лиц в реальном времени и мгновенное оповещение о присутствии лиц, представляющих потенциальную угрозу и интерес, из списков наблюдения за преступниками". [1]

Соседний Сингапур вскоре последовал примеру Малайзии, объявив о своих планах запустить пилотный проект по установке камер с конечной целью внедрения технологии распознавания лиц на каждом общественном фонарном столбе. Проект, якобы, направлен на облегчение "анализа толпы" и помощь в антитеррористических операциях. Защитники частной жизни, такие как Фонд электронных рубежей, обеспокоены тем, что такого рода технологии позволят правительствам обратить свои возможности против политических оппонентов или на подавление свободы выражения мнений, но их протесты были проигнорированы. [2]

Тем временем в апреле 2018 года запуск ИИ-отрасли CloudWalk Technology, компания, которая базируется в китайском городе Гуанчжоу, как сообщается, подписал соглашение с правительством Зимбабве о предоставлении технологии распознавания лиц для использования службами государственной безопасности и создании национальной базы данных изображений. CloudWalk также известен тем, что поставляет технологии распознавания лиц и проверки личности полицейским силам в китайском регионе Синьцзян, власти которого ведут репрессивную политику. Новое африканское партнерство CloudWalk подпадает под зонтичную мультиконтинентальную китайскую схему инфраструктуры и инвестиций, известную как проект "Один пояс и один путь" (BRI). [3] Предложения CloudWalk грозят усилением политических репрессий в Зимбабве, где власти после выборов провели карательные меры.

Это не единичные примеры. Во всем мире системы ИИ демонстрируют свой потенциал и создают благоприятную почву для расцвета репрессивного режима, дестабилизируют отношения между гражданами и государством, тем самым ускоряя глобальное возрождение авторитаризма. Китайская Народная Республика (КНР) способствует распространению технологий искусственного интеллекта среди авторитарных и нелибераль-

ных режимов, и этот подход стал ключевым компонентом китайской геополитической стратегии.

Понятие ИИ доказало необходимость к точному определению. Одно из широко распространенных утверждений состоит в том, что цель ИИ – "сделать машины разумными", что часто объясняют применительно к человеческому интеллекту и сопоставимо с ним. [4]

Другие, среди которых Джерри Каплан, сомневаются в полезности подобных аналогий. Каплан утверждает, что не имеет значения, "осознают ли машины себя так же, как люди". Вместо этого сущность ИИ можно свести к "способности компьютера своевременно делать соответствующие обобщения на основе ограниченных данных" [5].

Настоящая статья не направлена на разрешение этих споров. Скорее, она фокусируется на практических результатах новых технологий, которые появляются в обращении благодаря трем основным достижениям: 1) возросшей доступности обширных данных из государственных и частных источников; 2) усовершенствованному машинному обучению и алгоритмическим подходам; и 3) соответственно продвинутой компьютерной обработке. (Машинное обучение, которое может быть применено к задачам, варьирующимся от победы в ставках на спорт до определения патогенов, представляет собой статистический процесс, в котором система ИИ вводит набор данных и "пытается вывести правило или процедуру, которая объясняет данные или может предсказать будущие данные" [6]). В последние годы автократии достигли новых уровней контроля и манипулирования, применяя передовые вычислительные системы

к огромному количеству неструктурированных данных, доступных в настоящее время в Интернете и из живых видеопотоков и дру-

гих источников мониторинга и наблюдения. От технологий распознавания лиц, которые сверяют изображения в реальном времени с обширными базами данных, до алгоритмов, которые сканируют социальные сети в поисках признаков оппозиционной активности, эти инновации меня-

ют правила игры для авторитарных усилий по формированию дискурса и подавлению оппозиционных голосов.

ИИ – не единственная категория новых технологий, все чаще используемых автократами в политических целях. Другие коммуникационные и информационные технологии, часто используемые в тандеме с ИИ, имеют не менее тревожные последствия. К ним относятся передовые методы биометрии, кибератаки в широких масштабах и методы искажения информации. Эта статья подчеркивает репрессивное влияние технологий ИИ по двум причинам. Во-первых, ИИ предоставляет возможности более высокого порядка, которые интегрируют и расширяют функции других технологий поразительными новыми способами. Во-вторых, общее понимание политического воздействия технологий ИИ остается ограниченным; политологам еще предстоит серьезно разобраться с репрессивными последствиями ИИ.

Почему ИИ является благом для авторитарных лидеров

Хотя ИИ обладает значительным потенциалом в качестве инструмента для правительств во всем мире, он предлагает ряд особых преимуществ авторитарным и нелиберальным режимам. Несмотря на большое разнообразие недемократических режимов

– от однопартийных диктатур до гибридных или полуавторитарных режимов, военных диктатур и персоналистских автократий – большинство из этих правительств удерживают власть посредством сочетания принуждения (угрозы и запугивания потенциальных соперников) и сотрудничества (подкупа или иного побуждения политических акторов присоединиться к правящей коалиции).

Лидер, который выбирает репрессии, должен полагаться на силы государственной безопасности в применении необходимых принудительных мер. Это приводит к двум сопутствующим проблемам. Во-первых, такое подавление является трудоемким и дорогостоящим; со временем оно требует все большего количества ресурсов для поддержания. Во-вторых, это заводит в тупик главного агента: "те самые ресурсы, которые позволяют репрессивным агентам режима подавлять его оппозицию, также дают им возможность действовать против самого режима" [7]. Другими словами, поскольку режим все больше полагается на полицию или солдат для выполнения своей грязной работы, он также становится более уязвимым для давления или даже восстания с тех же самых сторон. Лидеры сталкиваются с трудным выбором: перевешивают ли преимущества развертывания сил безопасности для подавления вызовов извне потенциальную угрозу, которую сами эти силы представляют изнутри.

Именно здесь становятся очевидными преимущества технологии ИИ. Вместо того, чтобы полагаться на плотную инфраструктуру сил безопасности с целью обеспечения широкого угла наблюдения, преследования и запугивания противников по всей территории государства, авторитарные лидеры могут использовать ИИ для культивирования цифровых репрессивных возможностей с меньшими затратами – и тем самым снизить риски "внутренней угрозы". [8] В действительности, наиболее продвинутые методы наблюдения опираются на относительно небольшое количество чело-

веческих агентов: многие функции вместо этого автоматизируются с помощью ИИ. Более того, по сравнению с человеческими оперативниками с ограниченными запасами времени и внимания, системы ИИ могут забрасывать гораздо более широкую сеть. Из-за этой вездесущности они могут вызывать изменения в поведении, создавать и поддерживать "леденящий эффект" даже при отсутствии постоянного физического насилия. Если граждане знают, что ИИ-"боты" контролируют все коммуникации и что алгоритмы будут улавливать оппозиционно настроенные по отношению к действующему режиму голоса и сообщать о них властям, у общественности появляется мощная мотивация подчиняться. Такова элегантная простота подавления средствами ИИ: оно требует значительно меньшего количества человеческих акторов, чем обычно, влечет за собой меньше физических преследований и обходится дешевле. [9] Тем не менее, это вполне может иметь более широкое и систематическое воздействие.

Еще до начала цифровых репрессий ландшафт современного авторитаризма заметно изменился. Во-первых, во всем мире ускорила эрозия демократических институтов и норм. По оценкам разработчиков проекта "Разновидности демократии" (V-Dem) на 2018 год в странах, затронутых "глобальной тенденцией автократизации", проживает около 2,5 млрд человек. [10]

Во-вторых, меняется и способ ухода автократов из власти. С 1946 по 1988 годы перевороты были наиболее распространенным способом ухода автократов с поста, причем на такие события приходилось 48,6% авторитарных выходов. Но в эпоху *после окончания Холодной войны* (курсив – М.Г.) случаи изменения внешних по отношению к режиму факторов превзошли перевороты. С 1989 по 2017 годы наиболее распространенными причинами ухода диктаторов были народные восстания и поражение на выборах. *Выходы через перевороты резко сократились* (курсив – М.Г.), составив лишь 13% от

общего числа выходов (фактически, выходы руководства из-за гражданской войны немного превысили выходы из-за переворотов в этот период). [11] ¹

Данный факт указывает на то, что самые серьезные угрозы выживанию диктатуры сегодня могут исходить не от восстаний, возглавляемых инсайдерами, а от недовольной публики на улицах или у избирательных урн. Последствия для диктаторов, которые хотят остаться у власти, очевидны: перенаправить ресурсы, чтобы держать под контролем народные гражданские движения и лучше фальсифицировать выборы. В этих областях технология ИИ дает решающее преимущество. Вместо того чтобы полагаться на силы безопасности для подавления своих граждан – со всеми вытекающими отсюда затратами ресурсов и политическим риском – авторитарные лидеры используют цифровую тактику для мониторинга, наблюдения и преследования движений гражданского общества и для искажения выборов. Взгляд на три возможных сценария поможет прояснить значение ИИ для некоторых из наиболее острых проблем, стоящих перед современными авторитаристами.

Сценарий 1: следить за народным недовольством и контролировать массовые протесты. В первом сценарии действующий однопартийный режим сталкивается с растущим недовольством экономической стагнацией и политическим подавлением. Стихийные протесты,

которые периодически происходили в течение последнего года, беспокоят политическое руководство. Режим хочет предпринять решительные шаги, чтобы предотвратить массовую политическую мобилизацию, но его ограниченные ресурсы означают, что он не может позволить себе полагаться на массовые аресты и тюремное заключение. Он также опасается, что открытые репрессии такого рода могут вызвать ответную реакцию населения. Поэтому он останавливается на стратегии из двух частей: 1) выявлять, контролировать и выборочно задерживать лидеров оппозиции и потенциальных последователей; и 2) внимательно следить за формированиями толпы, которые могут превратиться в массовые митинги, сохраняя при этом силы безопасности в готовности разогнать протесты до того, как они станут крупномасштабными.

Работа по реализации этой стратегии начинается с обширного обзора социальных сетей и личных коммуникаций. Поскольку некоторые группы чатов полагаются на

настройки конфиденциальности или шифрование для предотвращения слежки правительства, власти могут

обратиться к международным вредоносным фирмам, таким как FinFisher или NSO Group, которые торгуют программным обеспечением, предназначенным для проникновения в эти закрытые группы. В качестве альтернативы режим мог бы выбрать более дешевый вариант и приобрести для этой задачи услуги международного хакера "hacker-for-hire" или поставщика вредоносных программ второго уровня. [12] Этот сбор онлайн-данных помогает режиму распознавать закономерности, выявлять интересные группы соучастников или одиночек и стать частью этого сообщества. По мере того как операция наблюдения строит профили политических активистов и составляет карты гражданских и оппозиционных

СЦЕНАРИЙ 1: СЛЕДИТЬ ЗА НАРОДНЫМ НЕДОВОЛЬСТВОМ И КОНТРОЛИРОВАТЬ МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ

¹ Надо признать, тот факт, что число выходов автократов с поста руководящей должности через перевороты резко сократилось именно после завершения Холодной войны, свидетельствует в пользу смены стратегии вмешательства США в политику других государств. Стратегия вмешательства "извне" продемонстрировала свою непригодность и была заменена на скрытое воздействие и подготовку почвы "изнутри" через агентов, открытых к сотрудничеству [Прим. – М.Г.].

сетей, она передает эту информацию в алгоритм ИИ, который затем просеивает множество наборов данных с помощью программного обеспечения для распознавания образов, чтобы идентифицировать людей с тенденциями к политическому инакомыслию. Алгоритм также помогает режиму отслеживать вопросы, которые вызывают народное недовольство, и классифицировать сообщения по уровню лояльности. Вооружившись этой информацией, режим проводит целенаправленные задержания и превентивные аресты, чтобы предотвратить массовые беспорядки.

Если протесты все же начнутся, несмотря на эти усилия, ИИ может помочь режиму сдержать их. Одна из технологий, уже предоставленная популярной китайской коммуникационной платформой WeChat, производит "тепловые карты", которые показывают плотность толпы и

измеряют пешеходное движение в определенных местах. [13] Режим может внедрить технологию отслеживания в аналогичные чат-платформы, что позволит ему мгновенно узнавать, когда начинают формироваться толпы. В качестве альтернативы он может установить системы распознавания лиц в городских общественных местах (в соответствии с предложением Сингапура о фонарном столбе). Системы ИИ, имеющие доступ к этим камерам, могут отслеживать плотность толпы, искать людей, несущих политическую информацию, и следить за местонахождением интересующих их лиц. Наконец, ИИ усиливает способность государства применять избирательную цензуру и дезинформацию в Интернете, чтобы посеять инфосуррогат и подорвать потенциальные протесты. Это может принимать форму атак типа "отказ в обслуживании" против протестных кампаний (подрывающих способность оппонентов организовывать и эффективно подвергать цензуре жизненно важную информацию) или кампаний по искажению информации, управляемых бо-

том (создающих шквал вводящих в заблуждение сообщений, размывающих сообщения оппонентов и перегружающих информационные каналы шумом).

Сценарий 2: сдерживание беспокорной провинции. В этом примере авторитарный режим борется с потенциальной нестабильностью в отдаленной провинции, где этническое меньшинство составляет основную часть населения. Легитимность режима в этой провинции исторически слаба, и регион периодически переживает приступы волнений. В связи с чем центральное правительство решает обуздать политическую турбулентность с помощью жестких репрессий, сочетающих традиционную тактику с новыми техноло-

СЦЕНАРИЙ 2: СДЕРЖИВАНИЕ БЕСПОКОРНОЙ ПРОВИНЦИИ

гиями. Этот сценарий тесно связан с нынешним положением дел в регионе Синьцзян, и продолжающиеся усилия КНР по подавлению инакомыслия в регионе резко высвечивают огромный репрессивный потенциал ИИ, используемого в сочетании с более старой тактикой принуждения.

Во-первых, китайское правительство широко использует обычные физические репрессии. Власти создали разветвленную сеть лагерей перевоспитания, в которых, как полагают, содержится миллион или более заключенных мусульман, в основном представителей уйгурского этнического меньшинства. Это составляет значительную часть примерно 21 миллиона жителей Синьцзяна. Эти рабочие лагеря предполагают неустанную идеологическую обработку, включая самокритику и повторение фраз ("мы будем противостоять экстремизму, мы будем противостоять сепаратизму, мы будем противостоять терроризму"). Задержанные содержатся в запертых помещениях в мучительных условиях и подвергаются драконовской дисциплине. [14]

Во-вторых, власти КНР дополняют жесткое физическое принуждение более широ-

ким подходом, опирающимся на передовые технологии. Они внедряют "сетевое социальное управление", которое предполагает разделение сообществ на "геометрические зоны, чтобы сотрудники Службы безопасности могли систематически наблюдать за всеми действиями с помощью новых технологий." [15] Через каждые несколько сотен футов в крупных районах насажены полицейские участки, укомплектованные десятками тысяч агентов Службы безопасности. Более того, китайские власти оснащают их передовыми возможностями наблюдения и системами, которые могут выполнять анализ обширных данных.

В частности, китайцы трудятся над разработкой прогностической полицейской программы, которая будет объединять и анализировать несколько потоков данных для выявления потенциальных угроз. Хьюман Райтс Вотч (HRW) сообщила о создании властями Синьцзяна "Интегрированной совместной операционной платформы" (IJOP), которая собирает информацию из источников, включая закрытые телевизионные камеры (часто оснащенные программным обеспечением для распознавания лиц) и "Wi-Fi снифферы", которые собирают идентифицирующие адреса с ноутбуков и смартфонов. IJOP получает дополнительную информацию из номеров знаков и удостоверений личности, проверенных на контрольно-пропускных пунктах, а также из медицинских, банковских и юридических документов. [16] Хотя степень интеграции между IJOP и другими усилиями КНР по сбору данных неизвестна, следует отметить, что китайские власти все чаще используют портативные сканирующие устройства для взлома смартфонов и извлечения контактов, сообщений в социальных сетях, электронной почте, фотографий и видео. Кроме того, недавно КНР создала обязательную базу данных ДНК с целью получения образцов от всех жителей Синьцзяна в возрасте от 12 до 65 лет. [17]

Как только соответствующая информация поступает на рабочие компьютеры, алгоритмы просеивают пачки данных в поисках паттернов, которые могут означать угрожающее поведение. Неясно, какие пороги доверия используют китайские власти для проведения этих тестов, но алгоритмы, вероятно, генерируют значительное количество ложных совпадений из-за системных ошибок. Как только машина отметит личность, это лицо может быть схвачено силами безопасности и задержано на неопределенный срок.

Разработка этой системы обошлась недорого. Сумма, заложенная властями Синьцзяна в бюджет "инвестиционных проектов, связанных с безопасностью", как сообщается, выросла с 27 млн долл. США в 2015 году до более чем 1 млрд долл. в первом квартале 2017 года. [18]

Сценарий 3: использование дезинформации для делегитимизации оппонентов. В третьем сценарии авторитарный режим организует национальные выборы, как того требует Конституция. Он планирует заниматься обычной фальсификацией выборов, вбросом бюллетеней и подавлением избирателей, но также ищет новые стратегии, которые помогут полностью гарантировать победу над оппозицией. Технология ИИ может помочь несколькими способами, особенно на фронте дезинформации.

Во-первых, ИИ может манипулировать доступной информацией и вытаскивать ключевые сообщения режима. Например, платформы социальных сетей используют алгоритмы управления контентом, чтобы привлечь пользователей к определенным статьям и удерживать их внимание. Государственные органы могут использовать такие алгоритмы для вытеснения прорегимных сообщений, используя армии ботов и троллей по найму. ИИ может помочь выя-

СЦЕНАРИЙ 3: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЗИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИИ ОППОНЕНТОВ

вить ключевых "влиятельных лиц" в социальных сетях, которых власти затем могут вовлечь в распространение дезинформации. Новые технологии ИИ также могут способствовать развертыванию через социальные медиа-платформы автоматизированных, гиперперсонализированных дезинформационных кампаний, нацеленных на конкретных людей или группу лиц, – во многом по аналогии с усилиями России по влиянию на выборы в США в 2016 году² или саудовскими армиями троллей, нацеленными на диссидентов, таких как убитый журналист Джамаль Хашогги. В последние годы наблюдается растущая тенденция распространения дезинформации политическими акторами с помощью этих и других средств с целью активизации сторонников или дезориентации противников.

Во-вторых, технология ИИ все больше способна создавать реалистичные видео- и аудиоформаты. Одним из новых методов, дезинформационный потенциал которого особенно беспокоит политиков, является использование генеративных состязательных сетей, которые противопоставляют конкурирующие системы ИИ друг другу. По существу, первая машина генерирует подделки, которые вторая машина пытается раскрыть. Обратная связь от второй системы помогает первой системе создавать все более реалистичные примеры. [19] В конечном счете, это может привести к сложным подделкам, которые даже продвинутые системы ИИ могут быть не в состоянии обнаружить. Для авторитарных лидеров глубоко фальшивые технологии предлагают средство дискредитации потенциальных соперников, которые могут стать объектами

поддельных видео, которые ложно изображают их делающими подстрекательские замечания или участвующими в компрометирующих их кампаниях.

Ключевые проблемы политики

Распространение технологий ИИ и рост цифровых репрессий создают серьезные политические проблемы для либеральных демократий. Ключевой вопрос заключается в том, приведут ли мощные инструменты ИИ к тому, что сами эти демократии станут более репрессивными. В частности, не подорвет ли в конечном итоге демократические гарантии искушение воспользоваться возможностями ИИ по наблюдению?

История подсказывает, что граждане должны быть настороже. В 1975 году шокирующие обвинения в неправомерных действиях американских спецслужб побудили Сенат США санкционировать создание так называемого Церковного комитета. ЦРУ, как сообщалось, организовывало покушения на иностранных лидеров, а другие агентства раскинули обширные внутренние сети для наблюдения и преследования активистов движения За гражданские права, политических протестующих и организаций коренных американцев. [20] В своем заключительном докладе церковный комитет предупреждал: "Слишком часто конституционные принципы подчинялись прагматическому курсу, позволяющему желаемым целям диктовать и оправдывать ненадлежащие средства" [21]. Несмотря на давнюю традицию в Соединенных Штатах защиты прав личности и установления контроля над правительственной властью, потенциал для государственного вмешательства оставался огромным.

Преднамеренное злоупотребление службой государственной безопасности – не единственная проблема гражданских свобод, сопровождающая развитие ИИ. Неявная предвзятость и усиленная дискриминация в алгоритмах также являются причинами для беспокойства. Например, обучение ИИ, используемое в полиции или здравоохране-

² Строчка, в которой автор разоблачает истинный интерес к проблематике, нарочно бросив фразу, особенно не концентрируясь на ней и дальше уводя читателя в проблему автократии. При этом автор нарочно обходит вниманием возможность использования тех же самых стратегий для вмешательства в политику другого государства с целью дестабилизации внутренней обстановки. (Прим. – М.Г.)

нии, может усиливать неравенство и порождать или увековечивать дискриминационную практику. Одним из печально известных примеров неявной предвзятости стал инцидент 2015 года, когда система индексации фотографий Google описала фотографии афроамериканцев как "горилл". Главным виновником были "обучающие данные", используемые для "обучения" алгоритма идентификации лиц, которые *смещались преимущественно в сторону кавказских лиц*. (курсив – М.Г.)³ Скорее всего, на то, что эта ошибка вообще имела место, оказал воздействие тот факт, что ничтожно мал процент (точнее он составляет 2%) "профессиональных" сотрудников Google, являющихся афроамериканцами. [22] Последующие исследования показали, что человеческие предрассудки оказывают глубокое влияние на работу систем ИИ. В статье 2017 года в журнале Science было за-

документировано, как программы машинного обучения приобретают предубеждения из текстовых данных: тестируемая программа стала ассоциировать семейные описания, такие как "родители", с женскими именами, в то время как мужские имена она связывала с такими терминами, как "профессионал" [23].

Сектор уголовного правосудия был ранним приверженцем прогностического анализа на основе ИИ, но исследования показывают, что участвующие в нем программы часто полагаются на предвзятые данные. Например, статистика преступности показывает, что афроамериканцы гораздо чаще подвергаются аресту, чем их кавказские "двойники". Но машинные алгоритмы редко учитывают, что предвзятость полиции может быть причиной непропорциональных арестов афроамериканцев. Вместо этого ал-

горитм по умолчанию предполагает, что афроамериканцы более склонны к совершению преступлений. Этот сомнительный вывод лежит в основе последующих предсказаний, производимых этими алгоритмами, подчеркивая жизненно важный принцип: машины ИИ хороши лишь настолько, насколько хороши данные, с которых они обучены.

В 2018 году нетрудно представить себе либерально-демократические правительства эксплуатирующими. Поскольку ИИ доказывает свою репрессивную ценность для автократий, которые сейчас являются пионерами новых технологий, вероятно, последует подражательное поведение других правительств. Технологии ИИ, таким образом,

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОКАЗАЛИ, ЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРЕДРАССУДКИ ОКАЗЫВАЮТ ГЛУБОКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАБОТУ СИСТЕМ ИИ

ущемляют права граждан. К счастью, граждане развитых демократий в прошлом успешно боролись со злоупотреблениями правительственного надзора, и существуют

надежные системы сдержек и противовесов, которые могут противостоять чрезмерному вмешательству государства. Хотя нет никакой гарантии, что ИИ не ослабит демократические политические системы, риск тем не менее остается.

Опасность тем больше, чем хрупче демократия или чем крепче авторитарные тенденции. В режимах демократического отката, таких как Польша, Венгрия или Филиппины, репрессивный потенциал ИИ может привести к еще более резкому ухудшению. Нелиберальные правительства, которые сталкиваются с перспективными народными вызовами, имеют естественный интерес к технологиям, которые могли бы помочь им пережить массовое недовольство. Даже в политических системах, которые якобы являются демократическими, правительства имеют высокий стимул вооружать силы безопасности интрузивными технологиями, контролировать деятельность политических оппонентов и гражданского общества и

³ Сложно оценить, насколько этот факт должен извинять ошибку обучающего алгоритма. (Прим. – М.Г.)

принимать упреждающие меры против потенциальных угроз их власти. Государства также внимательно следят за действиями друг друга.

Соединенные Штаты и Китай лидируют в мире в области технологий ИИ, но они предлагают совершенно разные подходы к его использованию.⁴ Для Китая ИИ является важным компонентом более широкой системы контроля, лежащей в основе правления Коммунистической партии. Более того, предоставление новых возможностей ИИ для поддержки коллег-авторитаристов служит достижению великих стратегических целей режима, в частности "подрыву западного либерального порядка при одновременном достижении гегемонии КНР в Азии и расширении китайского влияния во всем мире" [24].

Следовательно, китайцы одновременно активно работают над развитием новых возможностей ИИ и активно торгуют своими новыми продуктами за рубежом. Из трех основных компонентов ИИ – данных для машинного обучения, вычислительной мощности и сильных алгоритмов – Китай имеет обучающие данные в изобилии, и его алгоритмы совершенствуются, но его промышленные мощности чипов значительно отстают от США. Напротив, Соединенные Штаты обладают самыми передовыми в мире микрочипами, и их алгоритмы также лидируют в мире по уровню сложности. Но Соединенные Штаты все больше отстают от Китая в плане цифровых данных, доступных компаниям ИИ. Это важно, потому что данные все чаще "играют решающую роль", когда речь заходит о создании компаний, управляемых ИИ, которые могут превзойти конкурентов. [25] В рамках флагманской инициативы "Сделано в Китае 2025" КНР стремится трансформировать свои мощности по производству чипов за счет инвестиций и кражи интеллектуальной собствен-

ности, чтобы доминировать в основном наборе высокотехнологичных отраслей. Эксперты предупреждают, что эта кампания сигнализирует о стремлении "не столько вступить в ряды высокотехнологичных экономик, таких как Германия, США, Южная Корея и Япония, сколько полностью заменить их" [26].

Технология Yitu была разработана двумя китайскими экспертами в области ИИ в 2012 году, и всего за шесть лет прошла несколько значительных этапов. Ее платформа изображений "Глаз стрекозы" уже содержит более 1,8 млрд фотографий, и Yitu утверждает, что системе требуется всего три секунды, чтобы идентифицировать человека в своей базе данных. Этот набор данных включает в себя изображения из Национальной базы данных КНР, а также около 320 млн фотографий въезда и выезда, сделанных на границах страны. В 2018 году стоимость Yitu достигла примерно 2,4 млрд долл., и сейчас в компании работает более пятисот человек, разбросанных по Шанхаю, Сингапуру и Силиконовой долине. Самое главное, что его алгоритмы работают: технологии распознавания лиц Yitu получили высшие награды от Национального института стандартов и технологий США и программы разведывательного сообщества США Агентство передовых исследований в сфере разведки (IARPA).

По мере того как Китай развивает мощный сектор ИИ, он использует проект "Один пояс и один путь" BRI для распространения этой сложной технологии среди правительств по всему миру. Иллюстративные проекты варьируются от создания сети "безопасных городов" в Пакистане (такие города имеют обширную технологию мониторинга, встроенную непосредственно в инфраструктуру) до предоставления аргентинским властям программного обеспечения для ИИ и распознавания лиц, которое усилит общественный надзор. КНР проницательно предполагает, что чем больше она сможет привести модели управления дру-

⁴ Очевидно, что подход, применяемый США, разнится лишь тем, что используется для расширения сферы влияния США. (Прим. – М.Г.)

гих стран в соответствие с китайскими, тем меньше эти страны будут представлять угрозу для китайской гегемонии. Важно учитывать, что, по мере того, как правительства будут зависеть от передовых китайских технологий для контроля над своим населением, они будут испытывать все большее давление, чтобы привести свою политику в соответствие со стратегическими интересами КНР. На самом деле китайская стратегия ИИ прямо говорит о предполагаемых преимуществах технологии: "она [ИИ] станет новым стимулом для продвижения структурных реформ со стороны предложения, новой возможностью для омоложения реальной экономики и новым двигателем для превращения Китая как в производственную, так и в кибернетическую сверхдержаву" [27].

Ответные меры политики

В ближайшие годы ИИ окажет серьезное влияние на мировую политику. Хотя ни один политический ответ не может адекватно решить столь сложную и многогранную проблему, существует несколько важных последствий для демократических государств.

В целом, развитые демократии должны более четко осознавать, насколько большую угрозу представляет технология ИИ для открытых политических систем. Усилия Китая по созданию современных возможностей ИИ, наряду с распространением этой технологии среди других авторитарных режимов, представляют собой серьезные долгосрочные риски. Западные политики должны уделять гораздо больше внимания противодействию этим усилиям, как внешним, так и внутренним.

Злоупотребление технологией ИИ не ограничивается авторитарными режимами. По мере того как демократические правительства приобретают новые технологии, которые значительно расширяют их возможности в области мониторинга и наблюдения, им необходимо определить приемлемые пределы использования этих технологий. Демокра-

тии должны заглянуть внутрь себя и взять на себя ведущую роль в разработке внутренней нормативной базы. Такой процесс будет беспорядочным, поскольку технологические инновации часто обгоняют способность регулирующих органов разрабатывать разумные стандарты и руководящие принципы. Тем не менее, развитые демократии находятся в наилучшем положении для рассмотрения вопроса о том, как регулировать частные компании и предотвращать злоупотребления.

Внутренние усилия должны дополнять международные действия по созданию более четких рамок использования ИИ. Такие инициативы, как руководящие принципы ООН по предпринимательству и правам человека, предлагают полезный шаблон. Разработка международных руководящих принципов по технологии ИИ потребует процесса с участием многих *заинтересованных сторон* (курсив – М.Г.), который будет инклюзивным по своей природе; достаточно гибким, чтобы отражать новые технологические достижения; и устойчивым к захвату Китаем или другими авторитарными правительствами. Необходимо также провести гораздо более широкое нормативное обсуждение. Международному сообществу еще предстоит решить множество проблем, связанных с алгоритмической предвзятостью, скрытой дискриминацией и конфиденциальностью.

Наконец, демократии должны рассмотреть пути укрепления потенциала гражданского общества, противостоять репрессиям, подпитываемым ИИ, и участвовать в разработке руководящих принципов использования ИИ. Местные организации гражданского общества, действующие в репрессивных условиях, потребуют дополнительных ресурсов, подготовки кадров и технической поддержки. Многие такие группы мигрировали в Интернет, но они не используют широко доступные инструменты цифровой безопасности, такие как службы шифрования. В результате они сталкиваются со

значительными рисками кибервзлома, вторжения, мониторинга и слежки. Для Организации гражданского общества (CSOs), работающей в демократических странах, большая задача состоит в том, чтобы всесторонне контролировать предлагаемые правила, выявлять нарушения, связанные с неправильным использованием ИИ, и брать на себя общую роль сторожевого пса. Такие исследования, как раскрытие ProPublica алгоритмической неявной предвзятости в системе уголовного правосудия США, существенно меняют то, как правительства используют технологии ИИ. По мере того как все больше и больше правительств внедряют платформы ИИ, спрос на такую работу будет расти. На международном уровне жизненно важно, чтобы заинтересованные стороны гражданского общества имели сильный голос в обсуждении вопроса правильного регулирования ИИ.

Технология ИИ – это "двойное использование": Его можно использовать как в благотворных целях, так и в военных и репрессивных. Но эту технологию нельзя аккуратно разделить на "полезные" и "вредные" ведра. Функции, которые получают ценность от автоматизации, могут так же легко использоваться авторитаристами в злонамеренных целях, как демократическими или коммерческими субъектами – в выгодных. Чтобы обеспечить ответственное использование ИИ, ключевое значение будет иметь укрепление связей, соединяющих политическое сообщество с инженерами и исследователями. Другими словами, те, кто отвечает за разработку, программирование и внедрение систем ИИ, также должны разделить ответственность за применение и соблюдение стандартов в области прав человека. Эксперты по вопросам политики должны вести регулярный открытый диалог с инженерами и технологами, для того чтобы все стороны были осведомлены о потенциальных злоупотреблениях ИИ и могли разработать соответствующие меры реагирования на ранней стадии.

Мировые автократии во главе с Китаем все чаще демонстрируют опасности, которые лежат на стыке передовых технологий ИИ, более широких инноваций в информационно-коммуникационной сфере и авторитарных проектов принуждения и контроля. Чтобы противостоять не только распространению высокотехнологичных репрессий за рубежом, но и потенциальным злоупотреблениям внутри своих собственных границ, политики в демократических государствах должны серьезно подумать о том, как смягчить ущерб и сформировать лучшую практику. От Пакистана до Зимбабве формируется опасное авторитарное видение будущего ИИ. Настало время для того, чтобы демократические субъекты предприняли серьезный ответ.

References:

1. Li Tao, "Malaysian Police Wear Chinese Start-Up's AI Camera to Identify Suspected Criminals," South China Morning Post, 20 April 2018.
2. Aradhana Aravindan and John Geddie, "Singapore to Test Facial Recognition on Lampposts, Stoking Privacy Fears," Reuters, 13 April 2018.
3. Amy Hawkins, "Beijing's Big Brother Tech Needs African Faces," Foreign Policy, 24 July 2018.
4. Nils J. Nilsson, *The Quest for Artificial Intelligence: A History of Ideas and Achievements* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010).
5. Jerry Kaplan, *Artificial Intelligence: What Everyone Needs to Know* (New York: Oxford University Press, 2016), 5-6.
6. Executive Office of the President, National Science and Technology Council, Committee on Technology, "Preparing for the Future of Artificial Intelligence," October 2016, https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/preparing_for_the_future_of_ai.pdf, 8.
7. Milan W. Svoblik, *The Politics of Authoritarian Rule* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012), 124.
8. Lucan A. Way and Steven Levitsky, "The Dynamics of Autocratic Coercion After the Cold War," *Communist and Post-Communist Studies* 39 (September 2006): 387-410.
9. Для сравнения, например, Служба безопасности Восточной Германии полагалась на сеть информаторов, эквивалентную 1% всего населения страны, что приводило к значительным и постоянным экономическим издержкам. См.: Andreas Lichter, Max Löffler, and Sebastian Sieglöck, "The Long-Term Costs of Government Surveillance: Insights from Stasi Spying in East Germany,"

SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research No. 865, Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung, Berlin, 2016, www.econstor.eu/bitstream/10419/146890/1/869045423.pdf.

10. V-Dem Institute, Democracy for All? V-Dem Annual Democracy Report 2018, 2018, www.v-dem.net/en/news/democracy-all-v-dem-annual-democracy-report-2018, 19. См. также: Erica Frantz and Andrea Kendall-Taylor, "The Evolution of Autocracy: Why Authoritarianism Is Becoming More Formidable," *Survival* 59 (October-November 2017): 57-68.

11. Статистическая и классификационная система, используемая для этих определений, основана на данных за период с 1946 по 2010 год; Barbara Geddes, Joseph Wright, and Erica Frantz, "Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set," *Perspectives on Politics* 12 (June 2014): 313-31. Данные за период 2010-2017 гг. были обновлены автором при содействии Эрики Франц.

12. Collin Anderson, "The Hollowing Middle of the Surveillance Malware Market," *Motherboard*, 14 December 2017, https://motherboard.vice.com/en_us/article/595dkd/the-hollowing-middle-of-the-surveillance-malware-market.

13. Josh Horwitz, "WeChat's New Heat Map Feature Lets Users and Chinese Authorities – See Where Crowds Are Forming," *Quartz*, 7 October 2015, <https://qz.com/518908/wechats-new-heat-map-feature-lets-users-and-chinese-authorities-see-where-crowds-are-forming>.

14. Gerry Shih, "China's Mass Indoctrination Camps Evoke Cultural Revolution," *AP*, 18 May 2018.

15. Adrian Zenz and James Leibold, "Chen Quanguo: The Strongman Behind Beijing's Securitization Strategy in Tibet and Xinjiang," *Jamestown Foundation, China Brief*, 21 September 2017.

16. Human Rights Watch, "China: Big Data Fuels Crackdown in Minority Region," 26 February 2018, www.hrw.org/news/2018/02/26/china-big-data-fuels-crackdown-minority-region.

17. Cate Cadell, "From Laboratory in Far West, China's Surveillance State Spreads Quietly," *Reuters*,

14 August 2018; Human Rights Watch, "China: Minority Region Collects DNA from Millions," 13 December 2017, www.hrw.org/news/2017/12/13/chinaminority-region-collects-dna-millions.

18. Josh Chin and Clement Burge, "Twelve Days in Xinjiang: How China's Surveillance State Overwhelms Daily Life," *Wall Street Journal*, 19 December 2017.

19. Will Knight, "The US Military Is Funding an Effort to Catch Deepfakes and Other AI Trickery," *MIT Technology Review*, 23 May 2018.

20. See LeRoy Ashby and Rod Gramer, *Fighting the Odds: The Life of Senator Frank Church* (Pullman, Wash.: Washington State University Press, 1994), 478.

21. *Intelligence Activities and the Rights of Americans: Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities*, United States Senate, Book II (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1976), www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/94755_II.pdf, III.

22. Wendy Lee, "How Tech's Lack of Diversity Leads to Racist Software," *SFGATE*, 22 July 2015.

23. Princeton University, Engineering School, "Biased Bots: Human Prejudices Sneak into Artificial Intelligence Systems," *ScienceDaily*, 13 April 2017.

24. Minxin Pei, "China in Xi's 'New Era': A Play for Global Leadership," *Journal of Democracy* 29 (April 2018): 38.

25. Kai-Fu Lee, *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order* (New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2018), 56.

26. Lorand Laskai, "Why Does Everyone Hate Made in China 2025?" *Council on Foreign Relations, Net Politics*, 28 March 2018, www.cfr.org/blog/why-does-everyonehate-made-china-2025.

27. Paul Triolo, Elsa Kania, and Graham Webster, "Translation: Chinese Government Outlines AI Ambitions Through 2020," *New America, DigiChina*, 26 January 2018, www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-chinese-governmentoutlines-ai-ambitions-through-2020.

CARNIVALISM OF PARODY RELIGIONS IN THE CONTEXT OF POPULAR CULTURE

Sokovikov Sergey Stepanovich, PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Sociology, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk

Parody religions are symptomatic phenomena of the cultural space. They signal some of the crisis features of the modern state of the religious sphere. At the same time, parodic religions, travesty of religious images, continue their projection in a transformed, carnivalized form. The most important circumstance is the environment for the emergence of these phenomena - popular culture as a sphere of spontaneous cultural creation. In the analytics devoted to this problem, the specificity of such a socio-cultural context of parody religions is practically not touched upon. Hence, there are many discrepancies and imprecise interpretations of the phenomenon. At the same time, it is his analysis at the intersection of the "new religiosity", carnivalism and the contextual role of popular culture that makes it possible to more accurately determine the origins, actual meaning and prospects of parodic religions, this bizarre fractal of modern culture.

Keywords: religiosity; parody; carnivalization; bricolage; cultural creativity; popular culture.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.5

УДК 008.001.14

БАК 24.00.01

© Сокоиков С.С., 2021

КАРНАВАЛЬНОСТЬ ПАРОДИЙНЫХ РЕЛИГИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Пародийные религии представляют собой симптоматичные явления культурного пространства. Они сигнализируют о некоторых кризисных чертах современных состояний религиозной сферы. В то же время пародийные религии, травестируя религиозные образы, продолжают их проекцию в преобразенной, карнавализованной форме. Важнейшим обстоятельством выступает среда возникновения этих явлений – популярная культура как сфера спонтанного культуротворчества. В аналитике, посвященной этой проблеме, специфика такого социокультурного контекста пародийных религий практически не затрагивается. Отсюда множество расхождений и неточных интерпретаций явления. Вместе с тем, именно его анализ в пересечении "новой религиозности", карнавальности и контекстуальной роли популярной культуры позволяет более точно определить истоки, актуальное значение и перспективы пародийных религий, этого причудливого фрактала современной культуры.

Ключевые слова: религиозность; пародия; карнавализация; бриколаж; культурное творчество; популярная культура.

СОКОВИКОВ Сергей Степанович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра Культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск

Поскольку в представлениях о пародийных религиях существует достаточно много разночтений, следует уточнить относящуюся к этой теме терминологию. В современном культурном пространстве возникает множество явлений, в которых сложным образом сочетаются черты, присущие традиционным религиозным системам, и свойства иных социокультурных феноменов. Многообразие таких проявлений порождает при их описании совокупность терминов, включающих различные вариации: квазирелигии, псевдорелигии, гражданские и секулярные религии, изобретенные религии и др. По отношению к этой сфере в целом некоторые исследователи предлагают термин "религиоподобные явления", то есть, те, которые "по ряду признаков – формальных или содержательных – подобны религии, но ей не являются, или не в полной мере являются" [6, с. 100]. Представляется всё же, что такой термин имеет слабый объяснительный потенциал: – некое подобие религиозности можно увидеть, например, в поведении фанатичных поклонников ка-

кой-нибудь "шоу-звезды" или футбольной команды и пр., то есть, явлениях сугубо светских и лишенных какой-либо апелляции к религиозной сфере. Более точным видится определение, которое дает этим явлениям Кэрол Кьюсак. Она называет их "изобретенными религиями", подчеркивая, с одной стороны, "матричное" использование элементов признанных религиозных систем, с другой – то, что они имеют в значительной мере фантазийный характер, выступая своеобразными "упражнениями творческого воображения" [13, р. 24].

Вместе с тем К. Кьюсак настаивает, что все подобные явления представляют собой именно развитие новых религиозных форм: "изобретенные религии выглядят как религии, функционируют как религии, имеют доктринальное и ритуальное содержание, которое представляется как религиозное, и поэтому их следует считать по-настоящему религиозными. Тот факт, что их содержание может показаться необычным или у них ненадлежащие обряды, не должен лишать их законной силы" [13, р. 148]. В подобном подходе под определение "изобретенные религии" подпадают все явления, альтернативные традиционному принятым формам религиозности, в том случае, если последователи переживают причастность к ним вполне всерьез. Но тогда в их число не могут входить пародийные религии, поскольку они основаны на комедийном, сатирическом травестировании религии и религиозности. Вместе с тем сама К. Кьюсак относит пародийные религии к "изобретенным", поскольку и они также имеют вполне "изобретенный" характер. Подобная двойственность порождает неопределенность и даже противоречивость оценок явления, когда, с одной стороны, пародийные религии видятся несерьезной "игрой в ре-

лигию", с другой – всё же отдельным видом альтернативной или нетрадиционной религиозности [1, с. 12, 8].

Чаще всего пародийные религии называют квазирелигиями или псевдорелигиями [См. напр.: 5, с. 193, 195, 196]. Однако это терминологически и смыслово не вполне правомерно. Часть "квази" обозначает нечто производное, в определенных свойствах схожее или аналогичное, подобное своему прототипу. Пауль Тиллих, который и ввел термин "квазирелигия" в научный оборот, отмечает, что квазирелигиям, как и

религии в истинном смысле, свойственно "состояние захваченности предельным интересом, который делает все остальные интересы предварительными и содержит в себе ответ на вопрос о смысле жизни" [11,

с. 398]. Поэтому квазирелигиозными являются только те секулярные феномены, которые "демонстрируют убедительные признаки собственно религий (the religions proper), хотя при этом они глубоко отличаются от них" [20, р. 4]. Отличие в том, что в квазирелигиях место Бога занимают мифологизированные образы секулярных объектов: народа, нации, жизненного успеха, культовых фигур из различных сфер (спорта, поп-культуры, пара-науки и пр.). Такие образы воспринимаются и переживаются последователями квазирелигий вполне искренне как подлинные ценности. Вместе с тем П. Тиллих настаивает на различии между "квазирелигией" и "псевдорелигией": "то, что я называю квазирелигиями, называют псевдорелигиями, но это столь же неточно, сколь и несправедливо. "Псевдо" указывает на предполагаемое, но обманчивое сходство; "квази" указывает на подлинное сходство – не предполагаемое, а основанное на идентичности некоторых сторон" [20, р. 5].

Поскольку пародийные религии по определению не идентичны подлинным, возникает соблазн отнести их к псевдорелигиозным явлениям. Однако и здесь необходимо уточнение. Отмеченное Тиллихом обманчивое сходство указывает на стремление псевдорелигии представить себя в качестве истинно религиозного феномена. Пародийные же религии не претендуют на такой статус, открыто демонстрируя свой игровой характер, когда "игра в религию" не выдается за аутентичные религиозные практики. Впрочем, мало что проясняет и отнесение этих явлений к "игровой религиозности". В этом случае пародийные религии представляются практиками гротескной имитации черт первичных религиозных явлений, в результате чего "игровая религиозность, будучи компонентом современной религиозности, в результате своей активности генерирует квазирелигиозные продукты" [5, с. 195]. Но такое утверждение содержит явное противоречие между "современной религиозностью" и "игрой в религию", то есть, между религией, пусть представленной не канонично, и ее имитацией. Подобное противоречие Е.О. Гаврилов предлагает снять, заявляя об игровой природе всей религиозной сферы: "любое религиозное действие воспроизводит характеристики игры, все религиозные практики могут рассматриваться как игровые практики" [5, с. 194]. Представляется, что налицо слишком произвольное расширение сферы феномена игры, поскольку, по точному суждению нидерландского исследователя Маркуса Дэвидсена, проводящего аналитическое различие между религией и игрой, "религиозная деятельность <...> может выглядеть как игра с точки зрения неверующего постороннего, но на самом деле они радикально различны" [14].

А вот пародийным религиям игровой характер бесспорно присущ в качестве сущностного основания. Они, по сути, строятся на фантазийном обыгрывании различных элементов собственно религиозных явлений. Вопрос в том, каков характер этой

игры? По утверждению американского религиоведа Джозефа Лайкока, пародийные религии "намеренно имитируют элементы устоявшихся религий и намеренно абсурдны" [18, р. 19], что делается в первую очередь в развлекательных целях. В то же время они функционально включены и в более серьезные социокультурные процессы. Как подчеркивает Скотт Симпсон, "шутливые религии являются своего рода ответом на конкретные социальные вопросы или потребности" [19, р. 105]. Подобная двойственность не может быть объяснена простой констатацией того, что в пародийных религиях размываются "границы между серьезностью и несерьезностью, как для внешнего наблюдателя, так и для непосредственных участников игры" [1, с. 12]. Во-первых, позиции наблюдателя и участника всякий раз статусно конкретны, поэтому ситуативный контекст порождает вполне определенные оценки "серьезности" или "несерьезности". Во-вторых, пародийные религии – это реальные социокультурные явления, обладающие, при всем разнообразии, относительной целостностью, типичностью содержания и особенностей функционирования. Следовательно, есть свойства, определяющие такую целостность и специфику ее проявлений.

Стоит обратить внимание на факторы, стимулирующие возникновение пародийных религий. Одним из основных является консервативность традиционных религиозных систем, иссякание их креативно-сакрализующей действенности, формализация внутриконфессиональных отношений. Вторым выступает "размножение" парарелигиозных явлений: квази- и псевдорелигиозных конструктов и порождаемых ими практик, что также делает ситуацию в религиозной сфере "пестрой" и снижает авторитет традиционных религиозных систем. Отметим, что пародийные религии воплощают трагические парафразы как "старых", так и "новых" религий, подчеркивая "нелепости как традиционной, так и нетрадиционной религиозности" [19, р. 105], тем самым выс-

тупая по отношению к ним своеобразной оппозицией. Однако при этом связь с религиозной сферой как контекстом сохраняется. Понятно, что при создании пародийного варианта используются элементы религиозного прототипа. Причем такие пародии создаются людьми, которые знают религию достаточно близко, чтобы иметь возможность пародировать их, и рассчитаны на аудиторию, которая знает это достаточно хорошо, чтобы оценить комизм созданного [19, р. 93]. Но связь пародийных и "истинных" религиозных явлений носит более глубокий культурно-исторический характер. В этом смысле утверждения о том, что конструирование пародийной религиозности возникает за счет духа эпохи постмодерна, благодаря которому появляется сама возможность "религии против религии" [1, с. 13], представляются неточными.

Примеры "изобретения" пародийных религиозных образов известны еще со времен Древнего мира. Так, С. Симпсон обращается к сюжету комедии Аристофана "Птицы" (414 г. до н. э.). В ней, помимо комически обыгранных фигур традиционных божеств, драматург выводит Трибалла, бога варварских племен, спотыкающегося о собственный плащ и говорящего на совершенно бессмысленном языке [19, р. 99]. Настоящий расцвет пародийная религиозность обретает в эпоху Средневековья, когда "комический потенциал оказывался заложен в самой "официальной религии", что указывает на сложный синтез "серьезного" и "карнавального" начала в культуре" [7, с. 78]. Не случайно именно в контексте феномена карнавальности рассматривает явления пародийной религиозности М.М. Бахтин. Он отмечает, что "почти каждый церковный праздник имел свою, тоже освященную традицией, народно-площадную смеховую сторону" [3, с. 9]. Помимо празднично-карнавальной традиции пародийная религиозность включала широчайший спектр других проявлений. Как подчеркивает М.М. Бахтин, "пародийные дублеты"

охватывали буквально все аспекты церковного культа и вероучения, воплощаясь в пародийных литургиях, пародиях на евангельские чтения, молитвы, литании, проповеди, церковные гимны, псалмы, церковные декреты и постановления соборов, папские буллы и послания, житийные легенды и даже евангелия, в травестиях евангельских изречений и др. [3, с. 20]. Казалось бы, налицо тот самый сплав "карнавального" и "серьезного", который "порождает" "квазисакральные" семантические комплексы" [7, с. 72]. Однако М.М. Бахтин совершенно определенно настаивает: "Все карнавальные формы последовательно внецерковны и вне-религиозны. Они принадлежат к совершенно иной сфере бытия" [3, с. 11].

Это положение представляется принципиально важным. Для прояснения того, к какой сфере принадлежат пародийные религии, стоит учесть позицию С. Симпсона. Он отмечает, что "шутливые религии существуют на стыке двух более крупных групп явлений: религиозного юмора и выдуманных религий. Однако они более специфичны, чем просто пересечение этих двух сфер. У них есть особый стиль и набор тем" [19, р. 92]. Причем специфичность проявляется именно в карнавальных чертах этих явлений. При этом С. Симпсон прямо обращается к идеям М.М. Бахтина, справедливо утверждая, что пародийные религии "восходят к действительному юмору средневекового карнавала" [19, р. 102]. В любом случае в этих явлениях отчетливо воплощается пародийность именно карнавального типа, построенная на фантазийной игре в гротесковое "перевертывание" элементов религиозных систем. В то же время такая игра "выступает средством социального моделирования и эксперимента, нацеленных на решение актуальных общественных проблем" [5, с. 195]. Но и в этом случае карнавальная пародийность не исчезает. Не случайно "религо-мейкеры", как их называет М.В. Федорова, чаще всего воспринимают свое участие в конструировании травестино-религиозных

артефактов "как своего рода игру, увлекательную провокацию, троллинг" [12, с. 350]

Вполне отчетливо подобные противоречивые сочетания можно видеть на примере пастафарианства. Поводом для возникновения этой пародийной религии в 2005 г. послужило предложение властей штата Канзас о введении креационизма, то есть, учения о разумном замысле создания мира, в программу образования взамен дарвинистской теории его естественного происхождения. В ответ американский физик Бобби Хендерсон распространил открытое письмо, в котором на тех же основаниях предлагал включить в образовательную программу созданную им концепцию Летающего Макаронного Монстра, внешне представляющего собой клубок макаронин с тефтелями, в качестве божественного Создателя. Сам Б. Хендерсон расценивал свой жест как шутку, однако довольно быстро его "реплика" получила развитие и обогатилась "религиозными" аксессуарами. Так, в 2006 г. вышло написанное Б. Хендерсоном "Евангелие летающего спагетти-монстра", включавшее, помимо пародийных парафразов, вполне здравые сентенции: "Лучше бы ты не оправдывал Моим именем угнетение, порабощение, шинкование или экономическую эксплуатацию других, ну и/или, знаешь ли, злое отношение к другим", "Лучше бы ты не тратил уйму денег на постройку церквей, храмов, мечетей, усыпальниц во имя прославления Моей макаронной благодати, ведь эти деньги лучше потратить – выбери, на что: на прекращение бедности; на излечение болезней; на мирную жизнь..." и т. д. [16, р. 78].

Пастафарианство обрело обширную иконографию, выполненную в самой разнообразной стилистике: от имитации "классической" иконной манеры и парафраза сцены с Богом и Адамом в росписи Микеланджело в Сикстинской капелле до авангардных стилей. Пожалуй, наиболее наглядно карнавальность пастафарианства проявилась в его "религиозных" празднествах. К ним, в том

числе, относится Пастовер – иронический парафраз еврейского Песаха, а также христианской Пасхи. Празднуя, пастафарианцы должны вкушать макароны, которые готовят "по Его образу" члены семьи, одетые как Пираты (важные персонажи учения). Пастовер знаменует время, когда Летающий Спагетти-Монстр впервые начал касаться людей Своими Макаронинами. Истинно верующие также проводят ритуал "Прощание с глазом", в котором каждый по очереди одевает повязку на глаз и говорит о счастье приобщения к "божеству". Пастафарианцы апроприировали и Хэллоуин, добавив к его исходной карнавальности свои черты: во время Хэллоуина они, почитая время, когда Пираты свободно бродили по земле, одеваются в костюмы Пиратов и раздают конфеты детям [16, р. 123-124]. Относительно аналогично обстоит ситуация и с "Церковью Невидимого Розового Единорога" [4].

Следует обратить внимание на одну из существенных черт пародийных религий: достаточно произвольное творческое комбинирование элементов исходных явлений. В результате возникает эффект бриколажа – конструирования артефакта из любых материалов, независимо от их первоначальной принадлежности. Причем то, что пародийные явления связаны с религиозной сферой, отнюдь не ограничивает используемые материалы только ее рамками. О бриколаже верований и практик в "изобретенных религиях" говорит Кэрл Кьюсак [13, р. 17], гетерогенность содержания "шутливых религий" отмечает Скотт Симпсон. Авторитетный религиовед Даниэлла Кирби считает религиозно-духовный бриколаж общей чертой современной религиозности, будь то мейнстрим или альтернатива [17, р. 39]. Однако можно утверждать, что бриколажность в определяющей мере присуща именно пародийным религиям, более того, выступает одним из их специфических свойств. Не случайно сама Д. Кирби отмечает в этих явлениях эклектическую смесь теорий заговора, уфологии, онтологического терро-

ризма, религиозного ремикса, западного оккультизма, заимствований из огромного количества культур, сочетающихся с политическими и социальными комментариями [17, р. 48-50]. Это в полной мере соответствует вариативной коллажности карнавальной стихии, поскольку, по мысли М.М. Бахтина, "карнавализация постоянно помогала разрушению всяких барьеров между жанрами, между замкнутыми системами мыслей, между различными стилями и т. п., она уничтожала всякую замкнутость" [2, с. 151].

Вместе с тем карнавальная бриколажность пародийных религий симптоматична: она указывает на социокультурный контекст их появления. Речь идет о том, что эти явления в подавляющем большинстве возникают спонтанно, так сказать, "снизу". Анализируя движение "држедаизма", основанного на образах киноэпопеи Дж. Лукаса "Звездные войны", Маркус Дэвидсен заостряет внимание на особенностях его возникновения. В качестве создателей он выделяет активных акторов, "текстовых браконьеров", участвующих в "культурном бриколаже", посредством которого они фрагментируют тексты и собирают осколки в соответствии с их собственным проектом. Эти бриколеры "используют популярную культуру как ресурс для создания собственной народной культуры или фольклора" [15, с. 7]. В ходе этого возникает квазирелигиозное движение, которое М. Дэвидсен квалифицирует в качестве явления "независимой народной культуры со своей собственной внутренней логикой" [15, с. 37]. Таким образом, религиозный "двойниковый" парафраз возникает через самостоятельное бриколажное творчество неспециализированных субъектов, использующих и преобразующих как черты собственно религиозных систем, так и материалы масскульта. Культуру, выступа-

ющую контекстом и порождающей средой таких процессов, М. Дэвидсен называет "народной" или "фольклорной". Под популярной культурой он имеет в виду массовую культуру, что встречается нередко.

Однако в этом отношении следует сделать уточнение: массовая и популярная культуры – суть разные социокультурные типы. Как, в частности, замечает Кэрл Кьюсак, "позитивная оценка состоит в том, что популярную культуру можно отличить от массовой культуры", учитывая то, что "'простые люди" избирательны в том, какие культурные продукты они производят самостоятельно" [13, р. 19]. В отличие от массовой культуры, вариативной, но мало креативной и производимой специализированными институтами, популярная культура представляет сферу спонтанной самостоятельной активности современного "простонародья", то есть, деятелей внеинституционального культуротворчества, производимого ситуативно возникающими субъектами [10, с. 32-43]. По сути, это то, что М. Дэвидсен называет "народной", "фольклорной" культурой, усматривая, впрочем, ее производность только от масскульта. На наш взгляд, это неправомерное сужение масштаба популярной культуры, способной использовать проекции материалов, стилей и образов, исходящих из любых культурных пластов [10, с. 49]. При этом заимствованное из традиционных или актуальных сфер обретает в контексте популярной культуры "превращенные формы", существенно изменяясь формально и функционально [10, с. 88]. Артефакты популярной культуры, часто формируемые по принципу бриколажа, "явно "фантазийны" и вместе с тем парадоксальным образом объясняют и трактуют ситуацию, их породившую", к тому же во многом выполняя

ПО МЫСЛИ М.М. БАХТИНА,
"КАРНАВАЛИЗАЦИЯ ПОСТОЯННО
ПОМОГАЛА РАЗРУШЕНИЮ ВСЯКИХ
БАРЬЕРОВ МЕЖДУ ЖАНРАМИ, МЕЖДУ
ЗАМКНУТЫМИ СИСТЕМАМИ МЫСЛЕЙ,
МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ
И Т. П., ОНА УНИЧТОЖАЛА ВСЯКУЮ
ЗАМКНУТОСТЬ"

"функции, которые были ранее присущи аутентичным формам фольклора" [10, с. 45]. Эти свойства популярной культуры позволяют объяснить, почему появление пародийных религий именно в ее пространстве вполне органично.

Вместе с тем важно отметить еще одну особенность популярной культуры. Ее артефакты чаще всего возникают в проблемных ситуациях, в которых не срабатывают традиционные механизмы и клише и оказываются неэффективными институциональные системы [10, с. 44]. Такие обстоятельства порождают коллизии, нередко вызывающие ироническое, комическое осмысление ситуации и соответствующие формы активности. Не случайно теолог, магистр богословия А.А. Сергеев, оценивая пародийные религии, пишет: "о них можно говорить как о продуктах протеста, иронии, популярной культуры, игры в религию" [9, с. 66]. В этом случае оптимальной и органичной формой, отвечающей такому сложному и специфичному сочетанию факторов, является карнавальная образность, дающая, по выражению С. Симпсона, "карнавальное переживание как высоких, так и низких элементов жизни" [19, р. 113]. Воплощая ее черты, пародийные религии наследуют традициям карнавально-смеховой культуры прошлого. В этих явлениях современной популярной культуры отчетливо видна обозначенная М.М. Бахтиным "существенная связь смеха с неофициальной народной правдой" [3, с. 104]. Он же отмечает спонтанно-стихийный характер "простонародного" недоверия к серьезному тону и веры в правду смеха, присущих карнавальной культуре [3, с. 109].

Если в таком контексте учесть развитие процесса постепенной деградации смеха и карнавального мироощущения [3, с. 115, 147], можно утверждать, что порождаемые популярной культурой пародийные религии выполняют в том числе функцию определенной компенсации в условиях иссякания аутентичного карнавального смеха. В этом смысле вряд ли можно согласиться с заяв-

лениями о том, что "практически весь социокультурный контекст, сопровождающий существование современной цивилизации, приобретает все более выраженный карнавальный характер", из чего следует "инспирированный извне распад и реструктуризация всей внутренней архитектоники общественного организма" [8, с. 32]. При этом цитируемая Р.Э. Лильеберг сводит карнавализацию к исходящей откуда-то извне, сверху, манипулятивной стратегии с целью сделать каждого человека подобным образчику, поставляемому масскультом. Неудивительно, что понимаемая так карнавальная культура оборачивается "карнавальным масскультом" и полностью лишает человека права на свой собственный выбор [8, с. 35].

В том, что масскульт эксплуатирует потенциал карнавальной культуры, нет ничего удивительного – масскульт по определению "всеяден". Однако стоит отличать имитирующие карнавальность поделки масскульту от ее реальных проявлений, для которых популярная культура предстает сферой более аутентичных возможностей. В ней именно собственный выбор дает первоначальный импульс, в том числе, к фантазийному, бриколажному культуротворчеству, примером которого и выступают пародийные религии. В этом смысле очень точным представляется высказывание Д. Кирби, отделяющей популярную культуру от массовой: "они (участники пародийных религий) являются акторами популярной культуры, творцами и потребителями, аудиторией и исполнителями" [17, р. 56].

Вместе с тем пародийные религии представляются динамичными явлениями, способными к смысловой и функциональной трансформации. В ходе развития и распространения они могут обретать черты, присущие собственно религиозным течениям. В процессе этого снижается доля и значение карнавально-пародийных мотивов, а участники проникаются "серьезными" смыслами учения и испытывают пережива-

ния, которые можно квалифицировать как квазирелигиозные, но воспринимаемые участниками в качестве подлинных. Так, К. Кьюсак, включая пародийные религии в разряд "изобретенных", указывает, что их основатели благодаря успешному опыту и общению с единомышленниками "могут постепенно убеждаться в их ценности, реальности или истинности" [13, р. 23]. Это обстоятельство порождает проекции и во внешнюю среду. Дж. Лайкок отмечает, что "участники пародийных религий время от времени требуют, чтобы к ним относились серьезно, ссылаясь на законные права и привилегии, которые предоставляются традиционным религиям" [18, р. 19], а обозначение этих явлений в качестве "пародийных" способно вызвать протесты со стороны их участников [13, р. 2].

Таким образом, можно констатировать: пародийные религии, возникающие в современном культурном пространстве, представляют собой карнавализованные формы спонтанного культуротворчества, пародийно обыгрывающие элементы реальных религиозных систем. Выступая явлениями светского характера, пародийные религии тем не менее сохраняют ассоциативную связь с религиозными прототипами. В силу этого они потенциально способны трансформироваться в квазирелигиозные движения, несущие определенные черты собственно религиозного свойства, утрачивая при этом карнавальные и пародийные аспекты. Органичной порождающей средой для пародийных религий является популярная культура как сфера самостоятельной культурной активности ситуативно возникающих акторов, своего рода "простонародья" современности. Поэтому пародийные религии включают проявления карнавальности, наиболее близкие к аутентичным и дающие возможность свободного социокультурного творчества. В то же время феномен пародийных религий может эксплуатироваться массовой культурой и иными институциями. Важно отметить, что явление пародийных религий глу-

боко симптоматично в контексте состояний современной религиозности и духовности в целом. В этом смысле представляются верными слова С. Симпсона: "нет никаких оснований предполагать, что пародийные религии исчезнут в обозримое время" [19, р. 116].

Литература:

1. Ахметшина Р.А., Фазлеева Р.Р. Попытки определения и культурно-философские предпосылки возникновения пародийной религиозности // Religion – science – society: problems and prospects of interaction: materials of the IX international scientific conference. Prague : Vedecko vydavatelske centrum "Sociosfera-CZ", 2019. – С. 8-14.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970 гг. // Собр. соч.: В 7 т. – Т. 6. – М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – 798 с.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М. : Художественная литература, 1990. – 541 с.
4. Веретенников А. Пародийные религии [Электронный ресурс] // Научный атеизм. – URL: http://www.atheism.ru/library/vereten_1.phtml (Дата обращения: 04.11.2020)
5. Гаврилов Е.О. Игровая религиозность как репрезентант современных тенденций социального развития // Вестник КемГУ. – 2015. – №2-4 (62). – С. 193-198.
6. Колкунова К.А. Российские религиоведы о концепциях религиоподобных явлений в западном религиоведении // Религиоведение на постсоветском пространстве / под общ. ред. П.Н. Костылева. – М. : Алькор Паблшерс, 2011. – С. 100-104.
7. Кучина Т.Г., Ахапкина Д.Н. Поэтика комического в *parodia sacra* (на материале "Богослужения игроков" и "Всеппянейшей литургии") // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – №2(21). – С. 71-79.
8. Лилъеберг Р.Э. Феномен "детей карнавала" как результат межпоколенной трансляции и воспроизводства карнавальных форм массовой культуры // Философская школа. – 2019. – № 7. – С. 30-47.
9. Сергеев А.А. Religious innovation: применение альтернативной терминологии в изучении феноменов современной религиозности // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2019. – Вып. 9. – С. 65-72.
10. Соколов С.С. Популярная культура: аспекты исследования : монография. – Челябинск : ЧГИК, 2014. – 206 с.
11. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М. : Юрист, 1995. – 479 с.

12. Федорова М.В., Ротанова М.Б. Смеховая культура и новая религиозность в киберпространстве // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Междунар. науч.-теор. конф. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХПРЕСС, 2019. – С. 348-351.
13. Cusack C.M. *Invented Religions: Imagination, Fiction and Faith*. Surrey, England: Ashgate, 2010. 179 + viii pp.
14. Davidsen M.A. Fiction-based religion: Conceptualizing a new category against historybased religion and fandom [Электронный ресурс] // Universiteit Leiden. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/48123> (Дата обращения: 04.11.2020)
15. Davidsen M.A. The Jedi Community: History and Folklore of a Fiction-based Religion, *New Directions in Folklore*. 2017. Vol. 15. No. 1/2. pp. 7-49.
16. Henderson B. *The Gospel of the Flying Spaghetti Monster*. Villard Books Publishing. New York. 2006. 192 p.
17. Kirby D.L. Occultural Bricolage and Popular Culture: Remix and Art in Discordianism, the Church of the SubGenius, and the Temple of Psychick Youth. In *The Handbook of Hyper-Real Religions*, edited by Adam Possamai. Leiden-London: Brill. 2012. pp. 39-57.
18. Laycock, J. Laughing Matters: "Parody Religions" and the Command to Compare. *Bulletin for the Study of Religion*. 2013. No. 42(3). pp. 19-26.
19. Simpson S. Joke Religions: Make-Believe in the Sandbox of the Gods. *Ex Nihilo*. 2011. № 2(6). pp. 91-118.
20. Tillich P. *Christianity and the Encounter of the World Religions*. New York, London. 1963. 97 p.

ANTIQUÉ COSMOCENTRISM, DEARTH AND DEVELOPMENT OF BEING-EXISTENCE

Ginzburg Boris Lvovich, PhD of Historical sciences, Associate Professor

Grishin Vadim Vasilievich, PhD of Philosophical sciences, Associate Professor

Department of History and Social Sciences, Nizhny Novgorod Institute of Education Development, Nizhny Novgorod

Shilovskaya Natalia Stanislavovna, PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Methodology, History and Philosophy of science, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod

The article is devoted to the ancient "twists and turns" of being. In its a dramatic context the boundary situation of death of the person is considered. The proposed excursion to the antique philosophical thinking allows us to consider a number of fundamental ontological and anthropological ideas in the context of the problems of death, immortality, renewal of being and the possibility of the existence of nothingness, the position of man in relation to a changing being. Following to ancient and modern philosophers we fix the antique totality and centrality of fuses (the nature of existence-cosmos) and human being as its harmonious part of it. They develop from birth to death. The phenomenon of death in antiquity has an ontological content. The death "belongs" to being, it is not the special identity of the subject and the border situation experiences and comprehension of human existence.

Keywords: cosmocentrism; being; existence; death; human being.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.6

АНТИЧНЫЙ КОСМОЦЕНТРИЗМ, СМЕРТЬ И ДВИЖЕНИЕ БЫТИЯ-СУЩЕГО

Статья посвящена античным "перипетиям" бытия, в драматичном контексте которых рассмотрена пограничная ситуация смерти человека. Предложенный экскурс в античное философское мышление позволяет обсудить ряд фундаментальных онтологических и антропологических философских идей в контексте проблем смерти, бессмертия, обновления и развития бытия и возможности существования небытия, положения человека по отношению к изменяющемуся бытию-миру. В соразмышлении с древними античными и современными философами фиксируются античная тотальность и центральность фюсис (природы-бытия-космоса) и человека как ее гармоничной части. Они пульсируют от рождения к смерти. Феномен смерти в античности имеет онтологическое содержание: смерть "принадлежит" бытию, она не является особой принадлежностью субъекта и пограничной ситуацией переживания и осмысления человеческого бытия.

Ключевые слова: космоцентризм; сущее; бытие; смерть; человек.

Истоки философской рефлексии имеют онтологическую основу: ни укоренены в бытии в том смысле, что потребность в философствовании возникла из удивления человека перед бытием ("...ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать" [6, 10], – говорит Аристотель) и, соответственно, из стремления ответить на вопрос, в чем тайна бытия, частью которого он себя ощущал, раскрыть потаенное, увидеть его первоисточник, первопричину, сущность. Однако бытие каждый раз новое, и вместе с тем неизменное в своих основаниях, текущее и постоянное, оно и изменчивая вода и стойкий лед. Так античная философия в самом начале своего существования зашла в тупик апорийного мышления. Драматическую коллизию текучести и постоянности бытия разрешил Сократ и его ученики – Платон и Аристотель: невозможно раскрыть тайну бытия, обой-

УДК 141.32

ВАК 24.00.01

© Гинзбург Б.Л., 2021

© Гришин В.В., 2021

© Шиловская Н.С., 2021

ГИНЗБУРГ Борис Львович, кандидат исторических наук, доцент

ГРИШИН Вадим Васильевич, кандидат философских наук, доцент

кафедра Истории и обществоведческих дисциплин, Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород
ШИЛОВСКАЯ Наталья Станиславовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра Методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород

дя и не раскрыв тайну человека. Следовательно, слово о бытии есть всегда слово о человеке, и наоборот, слово о человеке есть всегда слово о бытии. Человек объясняет не только наличное бытие, данное, и его исходное начало, основание, сущность, его метафизическую определенность, но и себя как бытие и как часть бытия, он смотрит на бытие сквозь призму самого себя, раскрывая бытие в себе самом. Поэтому осмысление бытия есть в некотором роде акт самосознания человека, его самоотличения от живого и животного (как животного вообще, так и животного в себе), выделения, с одной стороны, из мира наличного, а с другой – его взаимосвязи с бытием.

Философствуя о себе самом человек, прежде всего, сталкивается лицом к лицу с собственной конечностью: "Философствовать – значит учиться умирать", – сказал еще Сократ. Здесь звучит и ужас человека перед смертью, а философия приучает, готовит человека к смерти, и фиксация начала философствования – только осознав себя смертным, обреченным на смерть, человек стал открытым философской рефлексии и открыл философскую рефлексию.

Вместе с тем благодаря смерти в природе рождается человек, то есть в некотором смысле смерть рождает человека. Во-первых, потому что, осознав себя смертным, человек возвышается над животным, перестает быть животным, оставляя и сохраняя только смертный животный субстрат в себе, и, осмысляя конечность животного в себе самом, становится собственно человеком, и, во-вторых, условие человеческой смертности есть условие обновления бытия, его развития, изменения – через смену поколений и появление нового человека.

Смерть – это своего рода "пограничная ситуация" от бытия к небытию и от небытия к бытию, это связь между бытием и небытием, бытием и инобытием. Небытие здесь выступает как часть бытия, то есть смерть есть неотъемлемая часть жизни, между которыми тем самым натянута нить

трагизма – нить осознания человеком собственной конечности. Именно трагический раскол бытия и небытия обуславливает вектор направленности энергии человека: либо только на бытие, которое человек воспринимает как единственное что есть, стремясь и веря в победу над смертью-небытием, либо на инобытие (иное бытие по отношению к данному бытию, отличное от здесь-бытия, то бытие, начало которому, согласно Библии, кладет смерть человека или Второе пришествие Христа, и его инаковость заключается в вечности, отсутствии смерти-небытия), устремляясь в мир вечности, то есть бытие есть только шаг к желанному инобытию. Суть трагизма амбивалентна: трагизм может возвысить человека или, напротив, привести его к аморальности, или к ницшеанскому сверхчеловеку, поставленному по ту сторону добра и зла.

Следовательно, представления человека и человечества о смерти так или иначе разрываются между постоянным искушением бессмертием и пониманием, что собственная смертность, вернее, ее мыслимость и принятие, возможность без страха смотреть смерти в лицо и даже добровольный выбор смерти есть акт человеческой свободы, превращение человека из чьего-то подопытного в Индивидуальность, Личность. Переход от первого варианта мышления ко второму и своего рода катарсис, очищение истиной смерти интенсивно переживается как героем, так и читателем в известной новелле Х.Л. Борхеса "Бессмертный". Страстное желание героя новеллы римского трибуна Марка Фламиния Руфа и не менее страстное желание читателя увидеть Город бессмертных сверхчеловеков, ослепление сказочными очертаниями Города переходят в ужас и отвращение, ощущение безобразности и глубокой бессмысленности. В планировке Города поражает отсутствие цели. А бессмертные оказываются не прекраснейшими сверхчеловеками и не даже не просто обычными людьми, а троглодитами, нагими, опустившимися, жалкими и ничтожными,

с серой кожей и неопрятными бородами, утратившими речь и способность мыслить. "Смерть (или память о смерти), – заключает Х.Л. Борхес, – наполняет людей возвышенными чувствами и делает жизнь ценной. Ощущая себя существами недолговечными, люди и ведут себя соответственно; каждое совершаемое деяние может оказаться последним; нет лица, чьи черты не сотрутся, подобно лицам, являющимся во сне. Все у смертных имеет ценность – невозвратимую и роковую" [7, 136-137].

Досократическая философия рассматривает мир на двух уровнях: физическом и онтологическом. Ее интересует как мир, находящийся в процессе становления, мир изменяющийся, пульсирующий от рождения к смерти – природа, или фюсис, так и постоянная, неизменная сущность этого мира – бытие, или субстанция. Попытку соединения этих двух моментов демонстрирует Анаксимандр из Милета. Его апейрон не есть некая конкретная часть чувственно воспринимаемого наличного бытия-сущего, в отличие от последнего, в нем фиксируется отрицание границ (апейрон есть беспредельное), но беспредельное порождает нечто другое – предельное, т.е. чувственно сущее, характеризующееся возникновением и гибелью (хотя как это происходит, Анаксимандр не объясняет). Беспредельное есть основание являющегося сущего: апейрон есть "некая бесконечная природа, из которой рождаются все небосводы и заключенные в них космосы. А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды в назначенный срок времени" [13, 127]. Иными словами, бесконечное неотделимо от конечного космоса (наличного бытия), между ними нет пустот, рождение конечного из бесконечного и гибель первого есть неизбежная участь.

Философская мысль Гераклита "существует" примерно в том же логическом поле: он также утверждает наличие вечного и

неизменного, которое есть Логос или Космос: "Слово существует вечно, всецело и всегда сущее" [13, 190], но под Космосом он подразумевает как субстанцию (именно в этом смысле Космос вечен: "этот Космос не создал никто из богов, никто из людей"), так и временную структуру ("рождается Космос из огня и снова сгорает до тла через определенные периоды" [13, 201]). Между Космосом как субстанцией и Космосом как бытием данным, здесь-бытием, есть взаимосвязь: вечность Космоса и его качественное обновление обеспечиваются цепочкой жизни-смерти телесного – "бессмертны смертные, смертны бессмертные, одни живут за счет смерти других, за счет жизни других умирают" [13, 215].

А теперь обратимся к Пармениду: вроде бы он близок Милетской философской школе и Гераклиту. В трактате "О природе" (по названию не отличается от гераклитовского сочинения) он мыслит мир и как постоянное, и как изменчивое, чему посвящены две части поэмы – "Истина" и "Мнение". Однако Парменид не сумел дать четкую аргументацию своих идей (или она оказалась утраченной вместе с несохранившимися фрагментами поэмы), поэтому в его системе мы находим противоречия, которые коренятся в парадоксальной двучастной структуре поэмы, где вторая часть является отрицанием первой: "Мы имеем странный, быть может, единственный в своем роде случай. Один и тот же мыслитель строит две системы, друг друга исключаящие, из которых одна ложна, другая истинна" [8, 410]. В результате, по Пармениду, получается, что постоянное не порождает изменчивое из самого себя, множественное наличное бытие исходя из него не возникает, ибо постоянное "бытие есть", и оно едино, однородно: основатель онтологии логически разводит бытие от чувственно воспринимаемого мира фюсис, единое бытие не присутствует в бытии множественном. Дело осложняется тем, что Парменид разводит не только бытие и фюсис, но и бытие и небытие: "ибо, –

утверждал философ, – никогда не может быть доказано, что несуществующее существует. Ибо бытие есть, небытия же нет" [8, 469]. Небытие нельзя мыслить, а немислимое нельзя высказать, в противном случае мы подменим небытие бытием – вердикт Парменида. Мир, взятый в физическом аспекте, есть мир кажущийся, о котором может быть высказано только мнение, гласящее, что этот мир, в отличие от бытия, предельно ограничен, конечен, подвержен возникновению и уничтожению, смерти. Напротив, в бытии "рождение погасло и смерть пропала без вести" [8, 398-399]. Безвременность и бездвигательность бытия, которое "не возникло и не подвержено гибели" [8, 462], отсутствие в нем изменения от возникновения к уничтожению фиксируется в парменидовском изречении, указанном выше – "бытие есть, небытия же нет". Здесь идет речь не только о невозможности существования небытия как противоположности бытию, так и о том, что нет небытия и как части бытия, или на физическом языке, нет смерти. Эту мысль развивает Эпикур: когда мы существуем, смерть не присутствует, а когда смерть присутствует, мы не существуем. Только у Эпикура, в отличие от Парменида, небытие есть, оно субстанциально и трансцендентно бытию.

Кроме того, в утверждении "бытие есть, небытия нет" имеется еще один смысл. Если Парменид логически не смог найти связь, с одной стороны, между бытием и фюсис, а с другой – между бытием и небытием, то фюсис, мир физический, хотел того сам Парменид или нет, неизбежно попадает в сферу небытия, вещи лишаются подлинной реальности (ведь множественное и изменчивое не есть бытие, следовательно, не существует), что отмечается в послепарменидовской философии: "первые философы – заключает, например, Аристотель, – в поисках истины и природы существующего... говорили, что ничто из существующего не возникает и не уничтожается, так как возникающему необходимо возникать или из

сущего, или из не-сущего, но ни то, ни другое невозможно: ведь сущее не возникает (ибо оно уже есть), а из не-сущего ничего не может возникнуть, ибо [при возникновении] что-нибудь да должно лежать в основе. Таким образом, последовательно умножая выводы, они стали утверждать, что многое не существует, а есть только само сущее" [4, 78].

Далее, Парменид также утверждает, что бытие и мышление абсолютно совпадают (позднее Декарт добавил, что если есть понятие, значит есть объект), следовательно, возникает вопрос, как могла в мышление, тождественное бытию, закрасться идея (сомнение, предположение) о возможности существования небытия? Возразить Пармениду можно, используя логический ход Ансельма Кентерберийского из "Прослогиона" [1, 128-129] (последний только применил его к доказательству бытия Бога, а не небытия): если нет объекта мысли, то значит небытия (напомним, что у Ансельма речь шла о Боге) нет в интеллекте человека, но если человек говорит и думает о небытии, значит, небытие есть в его интеллекте (как произведение рождается и существует в уме художника), а если небытия нет, как утверждал Парменид, следовательно, отрицается предмет мысли.

Разведение бытия и небытия как противоположностей и крайностей, невозможность опосредовать бытие-небытие привела досократическую философию к апорийному мышлению, поставившему (в случае с абсолютным элеатизмом) под сомнение движение бытия и иллюзорность являющегося сущего. Выход из драматической истории категорий бытия и небытия, с одной стороны, и соотношения наличного сущего и единого неизменного бытия, с другой – был намечен сократовско-платоновский дискурс, логическим итогом которого стала философская система Аристотеля, в конечном счете, разрешившего сложившуюся апорию. Онтология у Аристотеля, в отличие от Парменида, явилась фундаментом построе-

ния знания физического: открытие истины бытия есть открытие истины (сущности) природы – фюсис. Бытие, тождественное у Аристотеля сущему, определяет нечто (материю) как есть, как существующее, и лишается вместе с небытием парменидовского (и чуть позднее платоновского) статуса субстанциальности: бытие есть все, что существует, или, если перевести на язык физики (физиологии), это природный субстрат, который изменяется, балансирует от несуществования к существованию и от существования к несуществованию, от возникновения к уничтожению, который имеет границу, предел, то есть начало и конец своего существования, или рождение и смерть: чувственно сущее должно "подвергаться изменению... все изменяется из существующего в возможности в существующее в действительности" [3, 320]. Вышесказанное, как мы видим, относится к бытию вещи, к наличному бытию. Но характерное для большинства греческих философов понимание бытия как вечного, неизменного, неподвижного сохраняется у Стагирита, только устойчивое не оторвано от природного здесь-бытия, а присутствует в нем: "должны существовать три рода движения – со стороны качества, количества и места. А со стороны сущности вещь движению не подлежит" [3, 313]. Иными словами, если Анаксимандр и Гераклит не смогли объяснить как из беспредельного исходит предельное и как взаимосвязан Космос вечно угасающий и Космос вечный, то Аристотель выбирает золотую середину: "начинает искать то, что не изменяется в процессе изменения вещи, что сохраняется в процессе ее движения, и называет это "природой" [1, 453].

Соединив онтологию и физику, Аристотель разделил все сущее на фюсис и технэ, которые подразумевают не столько *что*, но,

прежде всего, как: сущность природных вещей состоит в том, что они имеют начало движения в самих себе как таковых [1, 111]. Это, с одной стороны, отличает природные вещи от тех, которые созданы человеком, а с другой – указывает на предел (границы) природы-бытия. Согласно Аристотелю, "предел... суть бытия для каждой вещи; ибо в этой последней предел для познания, а если для познания, то и для вещи; при этом предел... конечный пункт для каждого предмета, его цель; наконец, пределом вещей является как то, откуда они идут, так и то, куда они уходят, ведь и начало есть некоторый предел" [1, 169-170]. Вещь как конечная должна иметь рождение (не могла не родиться); но в самом факте вступления вещи в бытие уже потенциально содержится ее обязательная гибель. Технэ, в отличие от фюсис, по Аристотелю, есть в некотором смысле причина возникновения вещи, то есть движение находится не в том, что движется (как фюсис), а в другом, именно – в человеке, владеющим этим технэ, т.е. технэ и фюсис разделены движущей причиной. Согласно теории подобия Аристотеля, человек, создавая орудия и предметы, всего лишь копирует природу, актуализирует потенциально имеющееся в налично данном. Соответственно, нельзя создать нечто, чего нет потенциально в природе. След-

ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВАЯ ОРУДИЯ
И ПРЕДМЕТЫ, ВСЕГО ЛИШЬ
КОПИРУЕТ ПРИРОДУ,
АКТУАЛИЗИРУЕТ ПОТЕНЦИАЛЬНО
ИМЕЮЩЕЕСЯ В НАЛИЧНО ДАННОМ.
СООТВЕТСТВЕННО, НЕЛЬЗЯ СОЗДАТЬ
НЕЧТО, ЧЕГО НЕТ ПОТЕНЦИАЛЬНО В
ПРИРОДЕ.

довательно, искусственное изначально является потенциальной частью природы, и источником искусственного выступает естественное.

В контексте вышесказанного смерть есть предел нерасчлененного природы-бытия, предел материального и духовного, рожденного естественным образом и потенциально заложенного в природе, актуализируемого человеком. Иначе говоря, нерасчлененность естественного и искусственного, материального и духовного

отражена в античном понимании смерти: смерть есть также и феномен искусственного, поскольку искусственное на самом деле есть естественное (природа-бытие), возникшее в процессе человеческой деятельности. Античный *фюсис* обладает тотальной властью, он онтичен, онтологичен, поскольку помимо бытия он понимается и как сущность, и как закон сущего, вследствие чего растворяет в себе и искусственное, и смерть. Смерть есть атрибут природы-бытия, а значит, и созданного человеком, и самого человека как проявлений природы-бытия.

Если же на *технэ* и *фюсис* экстраполировать категории живого и неживого, то источник возникновения и развития в себе самом имеет как все живое, так и неживое, а в другом – только неживое. То есть человек не производит жизнь, он создает только неживое, но уже потенциально имеющееся в *фюсис*-природе. Следовательно, изменяется, движется от рождения к смерти, уничтожению как живое, так и неживое.

Ключом к пониманию сущности и взаимосвязи бытия и небытия, *технэ* и *фюсис*, жизни и смерти является космоцентричность мышления человека античной традиции. Античный человек, рассуждая, что есть бытие и небытие, жизнь и смерть, *фюсис* и *технэ*, раскрывал их изнутри, не отделяя и не противопоставляя себя миру: он сам есть существо чисто природное, или натуралистическое, в том смысле, что есть часть природы, имеющая в ней, как и все живое и неживое, определенное, строго закрепленное за ним место, тоπος. Для греческой философии "онтологическим средоточием, своего рода *Dasein* была скорее *фюсис* – осуществляющее свое бытие сущее, чем собственно человеческое бытие: *псюхе-душа* или *зоэ-жизнь*. У человека, как и у других существ, есть собственная *фюсис*, но каждая *фюсис* так или иначе есть *самооткровение бытия*" [10, 592]. Не человек сам по себе бытийствует, это мир бытийствует, а физическое бытие вещей этого мира конечно, предельно, ограничено рождением и смер-

тью. А вместе с миром бытийствует и человек, человек *есть*, обладает бытием, как элемент мира, как вещь мира наряду с другими вещами, и вследствие этого он конечен, предельно, ограничен рождением и смертью. Не человек мыслит о бытии, природе, смерти, отстраняясь от бытия, а "...все, что ни есть, в конечном счете, сводится к этому одному-единственному Бытию, вечно мыслящему самое себя в своей наличной целостности" [6, 665]. Не человек есть мыслящий субъект, а бытие мыслит само себя через человека, который своим умным зрением постигает всеобъемлющий Космос сущего и сущностей: античный космос формирует интеллектуально созерцающий его ум, микрокосм, отождествляющий себя с макрокосмом, и познающий последний.

Космоцентризм античной философской мысли уходит корнями в мысль народную, архаическую, обращает нас к еще гомеровским корням греческого мирозерцания, где "великая торжествующая жизнь Целого! – ради нее отрицается индивидуальная жизнь, ценность индивидуального счастья, индивидуального страдания", где "утверждался натуралистический *status quo*, великая космическая гармония, составленная из контрастов и диссонансов, из радостей и воплей скорби, могучая всеобъемлющая Жизнь, вся сотканная из цепи умираний и рождений, результат, равнодействующая не только жизни, но и смерти всех индивидуальных существований" [9, 68]. Иными словами, ощущение трагизма, связывающее бытие и небытие, индивидуальный страх человека, смотрящего в бездну небытия, который стал истоком философской рефлексии, родом из всеобъемлющего космоса архаического грека, оставившего человека один на один со страданием, смертью и скорбью, ибо так безрадостны мифологические кошмары загробной жизни, где люди лишь тени, лишённые личности и сознания, они есть жалкое подобие человека.

Таким образом, античная философская мысль приходит к идее движущегося кос-

моса, изменяющегося от рождения к смерти, космоса, обладающего бытием, и человека, обладающего бытием как части этого космоса. Человек есть такая же вещь, часть природы, как и все остальное, вещь смертная, конечная. Человек в античной картине мира тождественен природе именно в том смысле, что он не выделен из нее: античное понимание сущности природы-бытия тождественно пониманию сущности природы человека. Следовательно, рассматривая смерть как закон, атрибут природы, античные философы не разграничивали смерть физического тела и смерть человеческого тела в том смысле, что предельны и первое и второе. Античный человек, как и человек любой эпохи, боится смерти: "Знаешь, Сократ, – говорит Кефал, – когда кому-нибудь приходит мысль о смерти, на человека находит страх и охватывает его раздумье о том, что раньше ему на ум не приходило. Сказания, передаваемые об Аиде, – а именно, что там придется подвергнуться наказанию тому, кто здесь поступал несправедливо, – он до той поры осмеивал, а тут они переворачивают его душу: что если это правда?" [5, 82] Грек знает, что он смертен, пытается преодолеть ужас перед собственной конечностью, но не одинок перед лицом смерти, поскольку он умирает не столько сам по себе, сколько как часть безграничного вечного космоса, полиса. В некотором смысле смерть в античном мирозерцании не индивидуализирована, она есть граница определенного типа существо-

вания, бытия вещи и человека, но не бытия вообще и не индивидуального бытия человека. Здесь мертвые и живые соединены, а смерть есть символ перехода в другое состояние существования, которое не покидает границ бытия [11, 95].

Литература:

1. Ансельм Кентерберийский. Прослогион. – М. : Канон, 1995. – 400 с.
2. Арндт Х. Жизнь ума. – СПб. : Наука, 2013. – 517 с.
3. Аристотель. Метафизика. – М. : Эксмо, 2006. – 608 с.
4. Аристотель. Физика. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1981. – 613 с.
5. Арсеньев Н. Пессимизм и мистика в Древней Греции // Путь. – 1926. – № 4. – С. 22-35.
6. Ахутин А.В. Поворотные времена. – СПб. : Наука, 2005. – 743 с.
7. Борхес Х.Л. Бессмертный. – М. : ДИ-ДИК, 1994. – 654 с.
8. Досократики. – Минск : Харвест, 1999. – 784 с.
9. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. – СПб. : Наука, 2003. – 792 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. История как система. – М. : Весь Мир, 1997. – 704 с.
11. Подорога В. Выражение и смысл. Ландшафтные мифы философии: С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. – М. : Ad Marginem, 1995. – 427 с.
12. Слотердаик П., Хайнихс Г.-Ю. Солнце и смерть. – СПб. : Иван-Лимбах, 2015. – 608 с.
13. Фрагменты ранних греческих философов. – М. : Наука, 1989. – 576 с.
14. Хайдеггер М. Размышления II-VI (Черные тетради 1931-1938). – М. : Институт Гайдара, 2016. – 584 с.
15. Шиловская Н.С. Феномен смерти в диалектике естественного и искусственного. – Н. Новгород : ВГИПУ, 2006. – 151 с.

PROBLEMS OF VARIABILITY OF THE MUSICAL GENRE RENG IN THE MUGHAM PERFORMING ARTS OF YOUTH

Ildyrymly Fidan Rizvan, Senior Lecturer, Department of Musical Disciplines, Baku Choreographic Academy, Baku, Azerbaijan

Consideration of the variability of the musical genre of rang in mugam performing arts showed that ranks arose and developed in the art of mugam as a form of vocal-instrumental music. Their melodic structure is directly related to the sections of mugam. There are numerous varieties of this relationship. Based on the analysis of the musical notation of the ranks, it was determined that in practice of performing mugam the ranks are directly related to the vocal-instrumental mugam, and this is especially important for their compositional structure. In this regard, in almost every version of mugham destgahs there is a set of different ranks, including tesnifs. The analysis of various musical records of the ranks in the musical performing arts helps to identify the features of the manifestation of this form of folk music in mugam, as well as the further development of this musical genre and musical culture as a whole. We consider it appropriate to study, primarily, the vocal-instrumental interpretation of mugham when studying mugam destgyahs and the melodic interconnections of rangs and tesnifs with sections (shobe) of mugam. After analyzing various musical notations of mugam dastgahs, we were able to trace how rengi relate to mugam shobe. It can be noted that many rengi are used in the recordings of these works associated with various performances in relation to various shobe of mugams. This feature is inherent in various mugham dastgahs – "Shur", "Segah", "Chahargah", "Bayati-Shiraz", "Shushter", "Humayun", etc. All this can be traced in musical notations, as well as in live mugham singing and sound recordings, which helps to determine the numerous variants of rengs related to these mugams. Within the framework of each mugham, dozens of rengs were created and included in musical practice. Part of this rich musical heritage is captured and preserved in sound recordings and sheet music. We believe that it is advisable to study rengi, grouping them into mugham families in order to analyze their musical language and reveal their inherent variability.

Keywords: mugam; mugam genres; departments; steps; mugam elements; ranks; tesnifs; musical notes.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.7

УДК 78.05

БАК 17.00.02

ПРОБЛЕМЫ ВАРИАТИВНОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ЖАНРА РЕНГ В МУГАМНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МОЛОДЕЖИ

© Ильдырымлы Ф.Р., 2021

Рассмотрение проблемы вариативности музыкального жанра ренг в мугамном исполнительском искусстве молодежи показало, что ренги возникли и развивались в искусстве мугама как формы вокально-инструментальной музыки. Их мелодическая структура напрямую связаны с разделами мугама. Имеются многочисленные разновидности этой связи. На основе анализа нотной записи ренгов было определено, что в практике исполнения мугама ренги непосредственно связаны с вокально-инструментальными мугамами, и для их композиционной структуры это является особенно важным. В связи с этим практически в каждой версии мугамных дестяхов налицо набор различных ренгов, в том числе теснифов. Анализ различных нотных записей ренгов в музыкальном исполнительском искусстве молодежи способствует выявлению особенностей проявления этой формы народной музыки в мугаме, а также дальнейшему развитию этого музыкального жанра и музыкальной культуры в целом. Считаем целесообразным при изучении мугамных дестяхов и мелодических взаимосвязей ренгов и теснифов с разделами (шобе) мугама следовать, прежде всего, вокально-инструментальной интерпретации мугама.

Ключевые слова: мугам; жанры мугама; разделы; лады; элементы мугама; ренги; теснифы; нотные записи.

ИЛЬДЫРЫМЛЫ

Фидан Ризван,
старший преподаватель
кафедры Музыкальных
дисциплин, Бакинская
хореографическая акаде-
мия, Баку, Азербайджан

Введение. Мугамные дестяхи (логически организованная системная совокупность входящих в мугам всех его составных элементов – шобе, гуше, ренгов и теснифов) – это вокально-инструментальные композиции, сочетающие в себе последовательность мугамных шобе (мугамные разделы речитативно-декла-

мационного склада), входящие в них *теснифы* (песни-романсы) и *ренги* (инструментальные пьесы, исполняемые между мугамными шобе, то есть разделами; ренги бывают песенные, маршеобразные и танцевальные) [14]. Представленные здесь мугамные ренги, шобе и теснифы – это формы, связанные с вокально-инструментальной музыкой. Как известно, также широко распространен сольный инструментальный стиль мугама, но мы не рассматриваем его из-за отсутствия в них ренгов [2].

Композиция мугамных *дестгах* основана на том, что их структура охватывает практически все этапы его исполнения: от *майе* (основания) до самого верха, то есть *зил*. Исходя из этих ступеней развития мелодии, исполняются одно или несколько шобе, *гуше* (подотделы), ренги и теснифы. Общая структура мугама может быть разделена на три части. Первый раздел является вводным и ключевым. Этот раздел включает в себя шобе и *гуше* мугама, ренги и теснифы (они отличаются четкой метроритмической основой), установленные в пределах *дерамеда*, *бердашта* (здесь выражены мелодические, ритмические и ладовые особенности основных разделов мугама), а также *майе* и основного *майе* (начало) [3]. Второй раздел – это развивающийся, который построен на опорных ступенях в *мегаме* (ладе) вокруг его *майе* на расстоянии кварты-квинты, и в основном охватывает средний регистр. Этот раздел способствует развитию мелодического возвышения, обеспечивая переходы от одних мегамов-тональностей (ладов) к другим. Третий раздел – это кульминация и возврат к *майе* (началу) (реприза). В это время исполняются шобе и *гуше*, ренги и теснифы, а иногда *зерби-мугамы*, которые опираются на *зил-майе* (высокую тонику). В рамках всей этой структурной композиции наблюдается постепенный рост шобе мугама от *бэм* к *зил* (от низкого тона к более высокому) [3]. Поскольку нотная запись мугама, в том числе ренгов, стала вестись сравнительно недав-

но (около ста лет тому назад), системный анализ последовательного использования этого жанра народной музыки в мугаме, структурных характеристик используемых ренгов даст возможность проследить эволюцию данного важного жанра народной музыки в музыкально-исполнительском искусстве.

Целью данного исследования является определение вариативных возможностей применения ренгов в композиции мугама. Исходя из поставленной цели, мы рассмотрим нотную запись ренгов на протяжении определенного временного отрезка, определим особенности их исполнения в различных вариациях и сопровождениях (песенном и инструментальном).

Степень исследованности данной проблемы может быть определена как недостаточная, ввиду малочисленности научных работ данного раздела мугама, что, в свою очередь, связано со сравнительно недавним началом (в течение XX века) нотной записи этого музыкального жанра. Среди исследователей указанной проблемы можно отметить, прежде всего, композиторов (А. Бакиханов, А. Асадуллаев, Н. Мамедов, С. Рустамов, Р. Зохранов). Отдельные вопросы ренгов как музыкального мугамного жанра рассмотрены А. Керимовым и Ф. Челебиев; последний справедливо подчеркивает, что "в науке до сих пор существует путаница, связанная с ключевыми понятиями и терминами этого искусства: *мугам*, *дастгах*, *мае*, *шобе*, *гуше*. А без их правильного понимания трудно говорить о какой-либо значимости любого исследования" [15, с.7].

Новизна данного исследования заключается в последовательном анализе нотной записи ренгов и *дерамедов*, сделанной специалистами на протяжении последних нескольких десятилетий, их сравнение и выявление основных эволюционных процессов в записях нот, произведенных в различных регионах страны.

О ренгах в композиции мугама. Надо отметить важность ренгов и теснифов в ком-

позиции мугама. Теснифы обычно завершают основные этапы мугама. В то же время ренги играют важную роль в обеспечении связи между шобе, каждый раз завершая импровизацию мугама. В данном случае ренги и теснифы основываются на размещении и перемещении между ступенями мугама в соответствующем порядке [1]. Ренги и теснифы имеют интонационные связи с мугамными мелодиями. В зависимости от варианта исполняемого мугама, происходит изменение состава мугама, причем здесь используются разные ренги и теснифы [14].

Это можно проследить в опубликованной нотной записи мугам-дестгяха "Раст" композитора Наримана Мамедова, причем в двух версиях. Одна из них представляет запись мугама с вокально-инструментальными, а другая – с инструментальными шобе. Он записал вокально-инструментальную версию мугама "Раст" в исполнении ансамбля народных инструментов под руководством известного певца Гаджибабы Гусейнова и тариста Бахрама Мансурова. В этой записи представлены разные ренги и теснифы [8].

Инструментальная версия мугама "Раст" была записана по исполнительской версии видного тариста Ахмеда Бакиханова [7]. Здесь записаны инструментальные мугамные шобе, а также ренги и теснифы.

В указанных нотных записях видно, что в композиции мугама ренги расположены между разными шобе. В этом отношении интересно посмотреть на эти разделы в сравнительном плане, поскольку это позволит нам исследовать различные варианты исполнения и разные образцы ренгов.

Эти нотные записи нами выбраны потому, что вокально-инструментальные ноты мугама Раст, которые мы рассмотрели, являются единственными нотами, записанными в партитуре. Они представляют собой уникальный стиль исполнения в вокально-инструментальном ключе, который нигде больше не встречается. Другие записи содержат в себе различные варианты испол-

нения мугама "Раст", а также ренгов и теснифов.

Вокально-инструментальные разделы мугама "Раст" – это дерамед "Раст", Тесниф, Бардашт "Новруз Раванда", "Майе-Раст" и Тесниф, "Ушшак", Тесниф, "Гусейни", Тесниф, "Вилаяти", Тесниф, Ренг, "Шахназхара", "Курди", "Пахлави", "Ходжаста", Тесниф, Ренг, "Хаверан", Ренг, "Эраг", Ренг, "Пянджгях", "Рэхшэнде гезиши", Тесниф, Ренг, "Рэк", "Гераи", "Эмири", "Дахри" и другие подобные шобе и гуще, теснифы и ренги [8].

Есть еще такие инструментальные нотные записи Раст-мугама, как "Раст мугад-димасы" ("Вступление Раст"а), "Тесниф", "Бардашт", "Майеи-Раст", "Майеи-Раст-Ренги", "Ушшаг", "Гусейни", "Тесниф", "Вилаяти", "Вилаяти Ренг", "Курди", "Шикестеи-Фарс", "Мубаригге", "Тесниф", "Шикестеи-фарс ренги", "Ираг", "Тесниф", "Ираг ренги", "Ренджгях", "Тесниф", "Рак", "Гераи" [7].

Роль, которую ренги играют в композиции мугама, очевидна. Так, дерамед "Раст" является вводной частью, а другие ренги расположены на разных ступенях мугамного исполнения. Если рассмотреть мугамный дестгях с точки зрения лада, то будет видно, что на *первом этапе* после шобе "Майе" не было дано ни одного ренга. На *втором этапе* мы видим, что после шобе "Вилаяти" во время перехода в лад *Шур* и *Сегях* использовались ренги. Также и на *третьем этапе*, после раздела "Ираг", в кульминации использованы ренги.

Дерамеды, исполняемые во вступлении к дестгяху мугама, по своему музыкальному содержанию напрямую связаны с самим мугамом. В отличие от небольших ренгов, дерамед имеет свою уникальную структуру, которая в значительной степени сохраняется во всех интерпретациях мугама.

В соответствии с главным тональным мегамом (ладом) мугама "Раст Дерамеди", "соль" у майе (начало) строится в соответствии с ладом раст (один из дестгяхов муга-

ма). Начальная тема дерамеда в мугаме "Раст" отражает в себе его основную интонацию. Это мелодичная фраза, которая состоит из скачка кварты "ре-соль" в сторону майе и прохождения между этими звуками. Тема дерамеда начинается с кульминации, и "соль" первой октавы превращается в опорную ступень.

Вступительная часть теснифа "Раст" начинается с той же мелодической интонации, и через скачок "ре-соль" строится между этими звуками. В зависимости от того, как поэтический текст выражается в мелодии, "скачки" кварты повторяются несколько раз. Интонация кварты, возвышающейся относительно майе (тоники), и движения вокруг нее также характерны для мелодического построения таких шобе мугама "Раст", как "Бардашт", "Майе" и "Ираг".

Мы можем отметить те же особенности во второй нотной записи мугама "Раст", в "Раст мугеддимеси" (рис. 1).

Рисунок 1 – Нотная запись 1. Music notation 1

В данной нотной записи мелодия начинается со скачка кварты "ре-соль". Этот скачок, с одной стороны, демонстрирует исходные ступени мелодии, и в то же время становится стимулом развития и играет основную роль в построении структуры и раскрытии характера мелодии.

В целом мелодия, основанная на восходящей кварте, типична для многих музыкальных образцов, основанных на мугаме "Раст" и ладе "Раст". Мы также можем видеть это в нотных записях ряда дерамедов мугама "Раст", например, в мугеддиме (вступлении) "Раст" сборника Саида Рустамова "Азербайджанские народные ренги"

[12, № 1] и в мугеддиме "Раст" сборника Ахмеда Бакиханова "Азербайджанские ренги" [2, № 1].

Таким образом, первоначальное звучание мелодико-интонационной основы мугама "Раст" проявляется в мелодии дерамед, где ярко звучат основные опорные ступени. Эти особенности интонации также характерны для каденции Раст, и отражаются в концовке шобе мугама, а также в каденциях образцов ренга и теснифа.

После шобе "Майе" мугамного дестгяха звучит ренг. Если рассмотреть ренг в "Майе-и-раст" в нотной записи Н. Мамедова инструментального мугама "Раст", то увидим, что здесь ренг следует сразу после шобе "Майе-и-Раст" [9].

В начале шобе "Майе-и-Раст" опорные ступени расположены на одну октаву ниже малой октавы, активные пассажи развиваются тяжелым темпом в рамках квартового интервала, проявляя свой сдержанный характер в звучании вокруг майе (рис. 2).

Импровизационные мелодические фразы в шобе "Майе-и-Раст" движутся вокруг майе, завершаясь в нем, не уходя в верхние и нижние ступени. Линия движения вокруг майе также проявляется в тематике ренга. Отметим, что этот ренг, записанный Н. Мамедовым, является вариантом нотных записей Саида Рустамова "Майе-и-Раст" [13].

Рисунок 2 – Нотная запись 2. Music notation 2

В построении ренга "Майе-и-Раст" проявляются характерные особенности дерамеда. В пяти разделах ренга последовательно приводятся опорные ступени лада Раст – это майе, как тоника лада, затем квартовый тон, квинтовый тон, октавный тон майе и, наконец, развивается выступающая, как опорная

ступень мелодии майе, форма его завершенной структуры.

Два такта в начале ренга "Майеи-Раст" напоминают ритмические звуки ударных инструментов. Эти акцентные ноты, основанные на ступени майе, стимулируют их мелодическое движение, как акцентных нот (рис. 3).

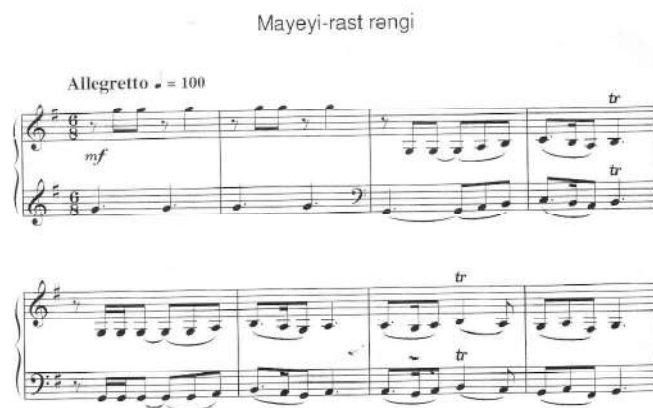

Рисунок 3 – Нотная запись 3. Music notation 3

В первый раздел входят две фразы по четыре шобе. Первая фраза имеет мелодическую структуру в верхней терции майе, а вторая фраза обладает дополнительной мелодической структурой (как вариант). Во втором разделе ренга мелодия основана на тональности кварты. Последовательное нисходящее движение секвенции, которая образует мелодическую линию, завершается, передавая движение майе. В следующем разделе квинтовый тон превращается в опорную ступень. Мелодия выстроена вокруг нее ступенеобразным движением и завершается нисходящими движениями к майе. Четвертый раздел майе образует кульминацию мелодии. Мелодия, относящаяся к октаве майе, основана на движении вокруг "соль" первой октавы. Последний раздел майе завершается пошаговыми продвижениями к майе, путем варьирования музыкальным материалом третьего раздела. В целом эта мелодия ренг широко развита и охватывает весь диапазон звучания звукоряда.

Наряду с ренгами в шобе "Майеи-Раст", есть также ренги для шобе "Ушшаг" и "Гу-

сейни" [2]. Эти ренги соответственно основываются на опорных ступенях и мелодических особенностях их соответствующих шобе. Все это доказывает, насколько универсально применение ренгов в составе различных мугамов.

В мугаме "Раст" шобе "Вилаяти" формирует новую ступень развития. Шобе "Вилаяти" строится от майе "Раста" на квинту выше, на основе тона квинты ("ре") лада "Раст". На этом этапе возможны переходы от Раста к Шуру и сегяху. Напряжение, проявляющее себя в мелодии в начале шобе "Вилаяти", направлено на изменение основы мегамы (лада). "Вилаяти" отражает в себе переход в лад шур. Изменение положения четко видно по ренгу. Переход к мегаму шур в ренге "Вилаяти" усиливается, а ренг исходит из положения "ре" в майе шур. Ренг "Вилаяти" усиливает роль шура в мегамно-интонационной структуре мугама "Раст".

После этого звучат основанные на шуре шобе, такие как "Шахназ-хара" и "Кюрди".

Следующее шобе в мугаме "Раст" – это "Ходжаста", а в некоторых исполнительских вариантах есть схожее шобе "Шикестей-Фарс". Раздел мугама "Раст", на который мы ссылаемся, является шобе, основанный на шобе сегях, и включение этого шобе создает в мугаме "Раст" переход к сегяху. "Ходжаста" близка к шобе "Шикестейи-Фарс", как в плане опорных ступеней, так и в плане мелодических особенностей.

Мелодия отдела "Ходжаста" основана на ладе сегяха с майе "си". Переход между мугамом "Раст" к мегаму сегях проявляется в рамках большой терции, которая характеризует традиционную модуляцию между ладами раст-сегяха. Ренг "си" задан после шобе "Ходжаста", и основан на мегаме сегях. Мелодичное движение происходит вокруг ступеней мегамов и заканчивается в майе. В вариантах исполнения играют те же ренги, что и в "Шикестейи-фарс", что отражено в нотных записях Н. Мамедова [7] (рис. 4).

Рисунок 4 – Нотная запись 4. Music notation 4

После шобе "Ходжаста" переход от сегя-ха в раст дается в шобе "Хаверан". Этот раздел характеризуется как подготовка к фазе кульминации и переходу к шобе "Ираг". Мелодическая импровизация в разделе "Хаверан" основана на октаве майе и, с точки зрения мелодической структуры, близка к разделу "Ираг"; она начинается со скачка, основанного на кварте в сторону майе, после чего следует продвижение вокруг этой опорной ступени. Майе, указанный после шобе "Хаверан", основан на том же шаге, что и исходный, и схож с ним своей мелодической структурой. Но диапазон мелодий ренг шире. На ступени майе, нисходящим и восходящим движением по пути к ней же, дается каденция [4].

Мелодическая структура шобе "Ираг", которая формирует кульминационную стадию в развитии мугама, опирается на октаву майе, звук "соль" первой октавы. Здесь движение вверх и вниз вокруг октавы майе отражает бурный характер мелодии.

Наращение динамики в кульминации мугама влияет на характер ренга "Ираг". Как таковые, ренги, используемые в кульминации, обычно имеют маршевый характер. В ренгах, в особенности основанных на размере 2/4, явственно проявляют себя маршевые особенности. Тот факт, что ритмически точно структурированная мелодия повторяется вокруг одной и той же опорной ступени, и опорная ступень неоднократно повторяется, подтверждает это.

Мелодия этого ренга в мугаме также используется и в теснифе. Следует отметить, что в нотных записях ренга, при звукозаписи мугама, а также в вариантах живого исполнения используются разные мелодии

теснифа "Ираг", причем на разные темы, однако большинству из них характерен маршевый темп, и они основаны на размерности 2/4 или 4/4.

На стадии кульминации мугама "Раст" шобе октавного регистра исполняется "Ираг", за которыми следуют "Рак" и "Пянджгях". Эти шобе охватывает опорную ступень "ре" II-й октавы, и имеет более широкий диапазон, чем у октавы майе. Ренг шобе "Пянджгях" имеет те же особенности, начиная со звука "ре" второй октавы и постепенно перемещаясь, посредством секвенций, перемещается вниз к первой октаве "соль" – октаве майе. Для мелодии ренг характерно завершение ее относительно майе, что обеспечивает завершение всего шобе мугама [6].

Как видно, развитие по ступеням дестгяха мугама осуществляется постепенно, и тесно связано с опорными ступенями мегамы (лада). В последовательном, поэтапном построении мугама дестгях изменение опорных ступеней ладов также проявляет себя в ренгах. На характер ренгов влияют и изменения в регистре. Мелодии ренга, построенные на нижнем регистре вокруг майе, имеют сдержанный, лирический характер, а ренги, построенные на верхнем регистре и основанные на октаве майе, отличаются маршеобразным и танцевальным характером.

Заключение. Таким образом, проанализировав различные нотные записи мугамных дестгяхов, мы смогли проследить, как ренги соотносятся с мугамными шобе. Можно заметить, что в записях этих произведений, связанных с различными исполнениями, применительно к различным шобе мугамов, используются многие ренги. Эта черта присуща различным мугамным дестгяхам – "Шур", "Сегях", "Чахаргях", "Баяты-Шираз", "Шуштер", "Хумаюн", и т.д. Все это можно проследить в нотных записях, а также в живом мугамном пении и звукозаписях, что помогает определить многочисленные варианты ренгов, относящихся к этим мугамам.

В рамках каждого мугама были созданы и включены в музыкальную практику десятки ренгов. Часть этого богатого музыкального наследия запечатлена и сохранена в звуковых записях и нотах. Мы считаем, что целесообразно изучать ренги, группируя их в семьи мугамов, чтобы анализировать их музыкальный язык и выявить присущую им вариативность.

Как известно, мугамные семьи – это собрание мугамов и жанров, связанных с мугамом. Мугамные семьи "Раст", "Шур" и "Сегах" объединяют классические варианты мугамов – мугамные дестгяхи, мугамы малой формы, зерб-мугамы, теснифы и ренги. В то же время существуют отдельные мугамы "Чахаргях", "Баяти-шираз", "Шуштер" и "Хумаюн", каждый из которых сочетает в себе множество ренгов и теснифов. Учитывая все это, несложно представить вариативность ренгов в музыкальной практике.

Отметим, что в большинстве из них проявляется вариативность также и структур. В целом в традиционной музыке мелодическая вариация играет важную роль. Это есть одно из основных качеств устного традиционного музыкального творчества, и оно проистекает из особенностей исполнения. С этой точки зрения, существуют многочис-

ленные варианты исполнения каждого мугама и жанров, связанных с ними.

Примечания:

1. Асадуллаев А. Ренги Ахсана Дадашова: учебное пособие. – Баку : Аддилоглу, 2011. – 30 с.
2. Бакиханов А. Азербайджанские ренги. (ред. Ф. Амиров и С. Алескеров). – Баку : Азернешр, 1964. – 73 с.
3. Бакиханов А. Азербайджанские ритмические мугамы. – Баку, 1968. – 47 с.
4. Зохранов Р. Азербайджанские мугамы. – Баку : Тахсил, 2013. – 336 с.
5. Зохранов Р. Зарби-мугамы (музыкально-теоретическое исследование). – Баку, 2004. – 404 с.
6. Мамедли А. Азербайджанские мугамы. – Баку, 2010. – 328 с.
7. Мамедов Н. Азербайджанские мугамы "Раст" и "Шахназ". – Баку, 1963.
8. Мамедов Н. Азербайджанский мугам "Раст". – М., 1978. – 85 с.
9. Мамедов Н. Азербайджанский мугам "Чахаргях". – М., 1970. – 78 с.
10. Мансуров Э. Азербайджанские дерамеды и ренги. – Баку : Ишыг, 1984. – 74 с.
11. Мансуров Э., Керимов А.А. Азербайджанские диринги и ренги. – Баку : Ишыг, 1986. – 70 с.
12. Рустамов С. Азербайджанские народные ренги. Том I. – Баку : Ишыг, 1954. – 59 с.
13. Рустамов С. Азербайджанские народные ренги. Том II. – Баку : Ишыг, 1956. – 58 с.
14. Челебиев Ф.И. Азербайджанские ренги: проблемы музыкальной формы: автореф. канд. дис. – СПб., 1999. – 19 с.
15. Челебиев Ф.И. Морфология дастгяха: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – СПб., 2009. – 47 с.

EVOLUTION OF BAYAN PERFORMANCE IN HISTORICAL RETROSPECTIVE: FROM IMPROVISATION TO ACADEMIZATION

Grigoriev Anatoly Fedorovich, DSc of Culturology, PhD of Pedagogical science, Professor of Cultural Studies of the International Academy of Sciences (San Marino), Full Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Art Worker of the Chechen Republic, Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Professor, Head of the Department music and social and art education, Stavropol State Pedagogical Institute, Editor of "Kant" magazine, Stavropol

The article traces the evolution of button accordion performance in interaction with constructive changes in instrumentation and the repertoire approach to performance. In order to identify a holistic picture of the evolution of button accordion performance, a scientific review of this issue in a historical retrospective is carried out: a historiographic review of the history of the creation and development of the button accordion, the tendencies of compositional creativity in the development of the button accordion repertoire.

Keywords: evolution of bayan performance; timbre, intonation-modal and harmonic aspects of modern music; the development of the bayan repertoire; from improvisation to academization; professionalization of music education and button accordion performance.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.8

ЭВОЛЮЦИЯ БАЯННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ОТ ИМПРОВИЗАЦИИ К АКАДЕМИЗАЦИИ

УДК 780.6
БАК 17.00.02

© Григорьев А.Ф., 2021

В статье прослеживается эволюция баянного исполнительства во взаимодействии с конструктивными изменениями инструментария и репертуарным подходом в исполнительстве. С целью выявления целостной картины эволюции баянного исполнительства осуществляется научный обзор данной проблематики в исторической ретроспективе: историографический обзор истории создания и развития баяна, тенденции композиторского творчества в развитии баянного репертуара.

Ключевые слова: эволюция баянного исполнительства; тембровые, интонационно-ладовые и гармонические аспекты современной музыки; развитие баянного репертуара; от импровизации к академизации; профессионализация музыкального образования и баянного исполнительства.

Самобытная музыкальная культура славян, складывающаяся многие века под влиянием различных исторических, экономических, социально-культурных факторов, явилась той духовной основой, которая стала истоком дальнейшего развития всех видов музыкального народного художественного творчества, и, безусловно, заложила основы развития баянного исполнительства. В последнее время наблюдается активизация научной мысли о баянном исполнительстве, о современном облике этого инструмента, о качественном изменении и росте баянного репертуара. Баян по праву занимает достойное место в музыкальном исполнительстве как сольный и ансамблевый инструмент. [20] Неслучайно А.Я. Сташевский назвал современный концертный баян с точки зрения самобытности и разнообразия индивидуальных художественно-выразительных возможностей одним из наиболее прогрессивных аналогов в семье акустических музыкальных инструментов. [22] Л.А. Мищенко в своей статье предпринимает попытку осмыслить баян как феномен музыкальной культуры в отражении социальной действительности, как

ГРИГОРЬЕВ

Анатолий

Федорович, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор культурологии Международной Академии наук (Сан-Марино), действительный член (академик) Российской академии Естественных наук, заслуженный деятель искусств Чеченской Республики, член Союза композиторов Российской Федерации, профессор, заведующий кафедрой Музыки и социально-художественного образования, Ставропольский государственный педагогический институт, главный редактор журнала "Kant", Ставрополь

целостное явление музыкальной культуры. Автор отмечает, в частности: "Совокупность ценностей, созданных человеком в результате творческой деятельности, и факторы, с помощью которых эти ценности создаются, определили ценностный и деятельный подход в исследовании баяна в социокультурном пространстве России" [12].

Баянная культура в современной действительности, безусловно, представляет собой уникальную систему художественно-эстетических ценностей. Ее интенсивное развитие на современном этапе предопределено закономерным процессом эволюции. [1] Исследуя историю и динамику развития баянного исполнительства, искусствоведы оценивают ее самые различные аспекты, подчеркивая качественные изменения в становлении и развитии баянной исполнительской школы, многогранность колоссальных технологических, динамических возможностей инструмента, тембровые, интонационно-ладовые и гармонические аспекты современной музыки для баяна, качественный рост баянного репертуара, интерпретации музыкальных сочинений в области баянного исполнительства, функционирование баяна на современном этапе.

На наш взгляд, научный обзор данных аспектов и сведение их в совокупность позволит составить наиболее целостную картину эволюции баянного исполнительства, что и определяет задачи данной публикации.

Проследив эволюцию баянного исполнительства во взаимодействии с конструктивными изменениями инструментария и репертуарных подходов в исполнительстве, мы не можем не обратиться к истории развития гармоник и баянного исполнительства, которая достаточно основательно изучена и представлена в трудах искусствоведов. К истории инструмента, проблемам исполнительства на баяне обращались в своих работах А. Аверин, В. Бычков, Д. Варламов, М. Имханицкий, Ф. Липс, А. Мирек, и др. В разное время проблемы развития оригинального

баянно-аккордеонного репертуара обращались В. Бычков, А. Мирек, О. Спешилова, В. Чабан и др.

В статье О.А. Немцевой анализируются предпосылки развития популярной музыки для баяна и аккордеона в различных странах, определяются факторы, оказавшие весомое влияние на формирование оригинального репертуара, а также рассматриваются некоторые вопросы истории создания баяна и аккордеона и развития баянно-аккордеонного исполнительского искусства в сфере популярной музыки. [13] Автор обращается к истокам баянно-аккордеонного исполнительства и истории создания инструментов.

История баянного исполнительства прослеживается с момента изобретения "аккордиона" – непосредственного предшественника современных баяна и аккордеона, который изначально был задуман как прикладной инструмент для проведения досуга: "басо-аккордовые чередования голосов левой клавиатуры позволяли создавать на редкость четкую пульсацию метра" [8, С. 24]. Известно, что особенность всех фольклорных гармоник была в том, что они были диатоническими, с простейшим набором басо-аккордового аккомпанемента и конструктивно, неизменно приспособлялись в том или ином регионе к особенностям местного музыкального фольклора. Конструктивная простота и в то же время диатоническая система звукоряда гармоник была ориентирована исключительно на исполнение народной музыки по слуху, при этом доминировали варьирование и импровизация, что являлось показателем исполнительского мастерства гармониста. Здесь необходимо вспомнить, что синкретизм и традиционность, характерные для народного художественного творчества, определили и важнейшую специфическую черту для музыкально-инструментального творчества: вариативность, импровизационность и устную передачу традиций. Ядром русской музыкально-инструментальной жанровой системы явились главным образом

плясовые и частушечные наигрыши, которые берут свое начало еще в недрах языческой древнерусской культуры. Устная традиция в передаче музыкального опыта и легла в основу музыкально-инструментального творчества народных умельцев, владеющих различными музыкальными инструментами.

Напомним, что варьирование и импровизация были основной формой в музыкально-инструментальном творчестве скоморохов. Именно в процессе устного импровизационного творчества скоморохов в течение многих веков формировалась самобытность русской поликомпонентной музыкально-инструментальной и песенной культуры. В процессе бесписьменной импровизации народные музыканты в пении и игре на музыкальных инструментах осваивали и познавали секреты музыки. Народные музыканты-гармонисты славились своим искусством традиционной народной импровизации и варьирования, используя его как основной исполнительский принцип. Однако диатоническая гармонь из-за отсутствия полного хроматического звукоряда оставалась примитивным музыкальным инструментом, не позволявшим расширить исполнителям-гармонистам традиционный репертуар популярными произведениями классической музыки.

Дальнейшее развитие гармоники связано с необходимостью усовершенствования ее игровых качеств, что привело русских мастеров к изобретению двухрядной гармонии, которая распространяется не только в русской этнической среде, но получает необычайную популярность у многих народов России и становится инструментом всероссийским. Появляются различные национальные виды гармоней, приспособленных к особенностям национальных звукорядов; "тальянка", получившая большое распространение как среди русских, так и среди татар, башкир, чувашей, марийцев, грузин, осетин и т.д. По справедливому замечанию Т.А. Будановой, "...вживание в интонационную нацио-

нальную сферу привело к формированию социального представления о нем как о национальном инструменте" [1], он становится средством удовлетворения художественных потребностей массово-бытовой культурной среды.

Такому массовому распространению способствовала конструктивная простота, низкая цена гармоник и ее мобильность. М.И. Имханицкий отмечает, что главной сферой распространения гармоник стали разнообразные проявления музыкального досуга, что влекло за собой все более активное развитие гармонного промысла. [8] Таким образом, фольклорная русская гармоника, мало рассчитанная на профессиональное исполнительство в концертном зале, была ориентирована на традиционное народное исполнительство, основанное на варьировании и импровизации. Ручная гармоника, завезенная из Европы в XIX в., пройдя период адаптации и получив повсеместное распространение во всех областях России, становится средством удовлетворения художественных потребностей массово-бытовой культурной среды.

Следующий период развития исполнительства связан с именем Н.И. Белобородова, который создал первую хроматическую гармонику и организовал "Оркестр кружка любителей игры на хроматических гармониках". Для него были заказаны специальные гармони: флейта-пикколо, прима, секунда, альт, виолончель, бас и контрабас, отличающиеся друг от друга размерами, диапазоном и тембром. Репертуар оркестра включал кроме обработок народных песен, несложные миниатюры музыкальной классики, что положило начало выхода гармоник на концертную эстраду как сольного и ансамблевого инструмента.

Формулируя промежуточный тезис, можно отметить, что весь процесс, связанный с зарождением гармоник в России и последующим развитием исполнительства показывает, что интерес к гармонике был

обусловлен ее востребованностью и популярностью среди широких слоев и развитием в этот период любительского творчества, основанного на вовлечении широких слоев крестьянского и городского населения. Сравнительно за короткий срок гармоника прошла эволюционный путь от диатонических однорядных гармоник до двухрядных хроматических, при этом гармонный промысел в силу широкой востребованности получил развитие в различных российских губерниях. Изначально исполнительство на гармонике было основано на игре по слуху, варьировании и импровизации любителей-слухачей.

Безусловно, профессионализация баянного исполнительства и становление инструмента в академическом искусстве была подготовлена любительским творчеством гармонистов-слухачей, затем появлением в конце XIX в. хроматических гармоник, созданием оригинального репертуара в классических жанрах, и наконец, становлением системы профессионального образования.

Профессионализация музыкального образования и баянного исполнительства и вопрос его необходимости встал с первых же послеоктябрьских лет. Уже в 1918 году в Петрограде были созданы курсы для инструкторов по народному музыкальному образованию, а в 1921 году утверждены Положения о музыкальных техникумах, в которых большое место отводилось подготовке музыкантов-народников. С особой остротой встала необходимость создания разветвленной сети профессионального обучения на народных инструментах, что положило начало профессионализации исполнительства на народных инструментах. Методика обучения опиралась на опыт "классических" специальностей – фортепи-

ано, скрипки, виолончели и др. Б.П. Потеряев, исследуя процесс становления и оформления баянной педагогики как самостоятельной ветви музыкальной педагогики, подчеркивает: "... очень важно понять глубокую связь баянной педагогики с органной, фортепианной и струнно-смычковой, определить их базовое сходство и принципиальные отличия..." [17].

С середины 1920-х годов при консерваториях Ленинградской, Московской, Киевской, Одесской – открываются факультеты, на базе которых организовано обучение игры на народных инструментах на высоком профессиональном уровне, а с 1926 года значительно увеличился выпуск нотных изданий, наметился рост тиражей. В этот же период открываются отделения народных инструментов в средних учебных заведениях Ленинграда, Москвы, Нижнем Новгороде, Ростове. Особенно важной явилась организация подготовки специалистов высшей квалификации на базах музыкальных вузов,

СРАВНИТЕЛЬНО ЗА КОРОТКИЙ СРОК
ГАРМОНИКА ПРОШЛА
ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ОТ
ДИАТОНИЧЕСКИХ ОДНОРЯДНЫХ
ГАРМОНИК ДО ДВУХРЯДНЫХ
ХРОМАТИЧЕСКИХ, ПРИ ЭТОМ
ГАРМОННЫЙ ПРОМЫСЕЛ В СИЛУ
ШИРОКОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ
ПОЛУЧИЛ РАЗВИТИЕ В РАЗЛИЧНЫХ
РОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЯХ.

целью которых был выпуск педагогов, исполнителей, оркестрантов, дирижеров профессиональных народных оркестров. Активизация учебного процесса способствовала появлению талантливых молодых исполнителей и педагогов, получивших профес-

сиональную подготовку во вновь созданных музыкальных учебных заведениях страны.

Становление профессионального образования дало новые импульсы для развития как сольного, так и коллективного исполнительства. Основу концертных программ для баянистов составляли произведения музыкальной классики, преобладали уже транскрипции, переложения или же аранжировки фортепианной музыки.

В 20-40-е годы активно развивается музыкально-инструментальная деятельность

народно-инструментальных коллективов: оркестр гармоник под управлением украинского композитора А.Я. Штогаренко, оркестра народных инструментов при Хоре им. Пятницкого под руководством В.В. Хватова, основной задачей которого была пропаганда на концертной основе фольклорной манеры исполнительства, подразумевавшая особую зрелищность игры, со слиянием пения, пляски и инструментализма в единое красочное представление. Аналогичные просветительские задачи выполняют в 1920 – 30-е годы и разнообразные профессиональные ансамбли народных инструментов, ансамбли баянистов: трио баянистов в составе Я. Орланского-Титаренко, К. Литвиченко и Т. Кукушкина, трио баянистов братьев Бесфамильных ("Трио Бах"), квартет баянистов И.Е. Онегина в Красноярске, квартет Черных, трио баянистов во главе с В.Л. Жереховым и многие другие.

В 1929 году талантливейший изобретатель Стерлигов конструирует левую клавиатуру с переключением готовых аккордов на выборный звукоряд. Таким образом, всего за четверть века своего развития баян прошел путь от бытовой гармоники с несовершенными схемами клавиатур и ограниченным готовым аккомпанементом до концертного готово-выборного инструмента, получившего весьма перспективные конструктивные решения.

Появление выборного баяна заметно расширяет репертуарные рамки, и в сольном исполнительстве 1920-30-х годов явно обнаруживается тенденция академизации баянного исполнительства. П.А. Гвоздев включал в свои концертные программы множество разнообразных транскрипций музыкальной классики. Он впервые утвердил баян в качестве полноценного представителя академической сцены и смог в полной мере убедить музыкальную общественность, как писала пресса, "в полном праве инструмента на равноценное положение с другими, давно признанными сольными инструментами концертной эстрады". В его исполне-

нии впервые прозвучали: Чакона d- moll И.С. Баха – Ф. Бузони, увертюра к опере "Свадьба Фигаро" В.А. Моцарта, пассакалия Г.Ф. Генделя, произведения П.И. Чайковского, А.П. Бородина, Ф. Шопена и других выдающихся композиторов.

Важнейшее значение в развитии сольного академического баянного исполнительства сыграла деятельность Владимира Васильевича Павлючука (1906 – 1986), замечательного исполнителя, педагога, конструктора баянов, который обучался в конце 20-х – начале 30-х годов в Ставропольском музыкальном техникуме по классу фортепиано. С первых шагов профессиональной работы он стал горячим сторонником выборного баяна. В 1934 году баянист впервые дает концерт на этом инструменте в Ставрополе, исполнив увертюру "Эгмонт" Л. Бетховена, Венгерские рапсодии (№№ 2 и 6) Ф. Листа, вальсы Ф. Шопена.

Огромное значение для развития исполнительства сыграли, организованные по всей стране конкурсы исполнителей на народных инструментах. Только за 1926 – 1929 годы состоялось 2,5 тысячи таких конкурсов, в которых приняли участие более 30 тысяч человек. Проводимые конкурсы и олимпиады были ориентированы на развитие как сольного, так и коллективного исполнительства. Благодаря проведению конкурсов и олимпиад совсем иным становится репертуар, включающий произведения композиторов-классиков. Кроме того, выход народных инструментов на концертную сцену потребовал налаживания конвейерного производства народного инструментария, а также приведение всех инструментов к нормам хроматически темперированного двенадцатиступенного звукоряда.

После конкурсов тяга широких масс к игре на баяне многократно увеличилась, к концу 20-х годов в стране началась активная организация фабрик по производству гармоней и баянов. Конкурсы выявили множество талантливых участников, ставших впоследствии профессиональными испол-

нителями и педагогами, среди них: И.И. Гладков – на московском (1926 г.), И.Я. Паницкий и В.М. Бесфамильнов – на саратовском (1927 г.), И.И. Маланин – на томском Всесибирском и Дальневосточном конкурсе (1927 г.) и т.д.

С началом Великой Отечественной войны процессы, происходящие в народно-инструментальном исполнительстве, значительно изменились. Во фронтовых условиях наиболее подходящими для досуга солдат стали гитара и гармоника. Вне зоны боевых действий, где происходило соединение лучших исполнительских сил талантливых композиторов, активизируется работа в области народно-инструментальной музыки. Баянное исполнительство, пользовавшееся горячим признанием слушателей, имело существенное значение для подъема морального духа народа. Несмотря на сложную фронтовую обстановку, не прекращают работу оркестры и ансамбли всех фронтов. Выдающиеся баянисты Н.И. Ризоль, Ю.И. Казаков, А.А. Шалаев и Н.А. Крылов с первых дней войны были мобилизованы на фронт, приняли активное участие в создании ансамблей и развернули большую концертную работу на различных фронтах.

Характеризуя традиции баянного исполнительства этого периода, В.В. Бычков и Ю.Б. Тарасова в своей статье подчеркивают тесную взаимосвязь и преемственность отечественных композиторов-баянистов фольклорному наследию, что способствовало развитию обработок народных песен, обеспечивающих возможность баянистам-исполнителям выступать в составе фронтовых бригад, поддерживая дух бойцов Красной армии любимыми в народе мелодиями. В.В. Бычков, Ю.Б. Тарасова, М.И. Имханицкий и другие исследователи в этой связи вспоминают имена участников Первого народного трио баянистов А. Кузнецова, Я. Попкова и А. Данилова, которые создавали оригинальные обработки, творчество Ю. Казакова – патриарха отечественного баянного искусства, а в годы войны – солиста и концертмейстера

Ансамбля песни и пляски Северного флота ВМФ СССР. [3; 8]

Необходимо подчеркнуть, что значительную часть репертуара известных баянистов того времени – Л. Рахолло, Д. Стрыгина, И. Паницкого, П. Гвоздева, И. Маланина, И. Марьина, В. Жерехова – также составляли концертные обработки танцевальной музыки, однако способы развития и осмысление музыкального материала находили преломление в направлении академической и народной традиции. [13]

В лучших традициях народного варьирования и импровизации развивалось баянное исполнительство середины XX столетия. Ярким образцом подлинно народного репертуара для баяна являются обработки народных мелодий В. Мотова, А. Кузнецова, А.А. Шалаева, Н.И. Ризоля, концертные фантазии и транскрипции для баяна И.Я. Паницкого, которые буквально пропитаны народным духом.

М. Быстряков и Л. Хорошайлова, характеризуя творчество И.Я. Паницкого, живописно и образно отмечают его исключительно своеобразный баянный язык: "...это как бы пересказ народных песенных мелодий языком баяна, но пересказ яркий, красочный, словно бы заново открывающий для слушателей известную мелодию. Его переложения отличаются глубиной проникновения в характер народного творчества, богатством гармонии, ясности. Как никто из других баянистов, он мастерски применяет аккордовое исполнение и полифонические эффекты. Отдельные его переложения и аранжировки нередко насыщены диссонансами, но в них нет ничего крикливого, неясного". Авторы, оценивая вклад И.Я. Паницкого в развитие баянного исполнительства, отметили: "Он необычайно расширил круг гармонических возможностей русского баяна, оказал огромное влияние на его дальнейшее развитие и усовершенствование". Исследователи подчеркивают новаторские находки И.Я. Паницкого как композитора и исполнителя в меховедении, звуковедении

баяна, сочетании кантилены и оркестровости, расширения фактурного изложения. В частности отмечается: "С особым интересом Иван Яковлевич пользуется мехами баяна. Недаром он сравнивает мехи баяна со скрипичным смычком или голосом певца. Движением мехов можно выразить свое настроение, мысль. Его аранжировки так же своеобразны и оригинальны, как и сами его произведения. Для каждого произведения Иван Яковлевич находит, свои средства выразительности, свою систему переработок. В русских народных песнях он находит свой оркестровый жанр, тяготеющий к конкретности изображаемого, интересный по своим тембровым оттенкам. И. Я. Паницкий – один из лучших среди баянистов исполнитель русских народных песен с их прекрасными вариациями, лично им разработанными. Интерпретации Паницкого народных мелодий совершенны, исполнение их глубоко, правдиво" [2].

Очевидно, что в период с 1930-1950-е годы развития баянного искусства, по справедливому замечанию В.В. Бычкова и Ю.Б. Тарасовой, "...фольклорные истоки баянной музыки обнаруживались еще достаточно отчетливо... связь между фольклорными традициями и авторским творчеством была более основательной..., вектор творчества композиторов был направлен на историческое прошлое народа, на сохранение фольклорного наследия" [3].

Авторами подчеркивается, что "...большинство музыкальных произведений разных форм были построены на прямом цитировании фольклорного материала, а также на характерной для народной музыки вариационности... с сохранением его ладовой, ритмической основы" [3], где доминирующим методом стал метод цитирования фольклорного первоисточника" [3]. Таким образом, в 1950-е годы музыкальное фольклорное наследие оставалось значимым фактором для развития отечественного композиторского творчества.

В 50-е годы в развитии баянного исполнительства наступает новый этап, связанный с созданием в 1951 году московскими мастерами Ф. Фигановым и Н. Селезевым по заказу Ю. Казакова первого многотембрового четырехголосного готово-выборного баяна. В 1964 году Ф. Фигановым совместно с А. Пастуховым был изготовлен усовершенствованный вариант этого инструмента, который был оснащен 10-ю регистрами, причем регистр "пикколо" мог быть свободно подключен к любому другому. [2]

Появление многотембрового готово-выборного баяна марки "Юпитер" открывает новую страницу в развитии баянной исполнительской школы. Весь послевоенный период развития баянного исполнительства характеризуется его активным развитием в направлении конструктивных изменений, поисков и расширения репертуара как за счет транскрипций и переложений классической нотной литературы, так и за счет оригинальных произведений для баяна. А.В. Солянкин в своей публикации отмечает: "Совершенствование технологических параметров баяна в XX веке позволило возвести его в ранг академического концертного инструмента с огромным потенциалом темброво-выразительных возможностей" [20].

Появление новых возможностей концертного баяна и расширение репертуара баянистов-исполнителей как за счет переложений классического репертуара, так и специального для баяна, предопределило выход инструмента на широкую академическую сцену. В связи с чем С.М. Платонова замечает "...с конца 1950-х годов начался переломный момент в развитии отечественной баянной музыки, оторвавший баян от традиции и переведший его в сферу академического искусства" [15, С. 175-176]. Баянная литература обогащается оригинальными произведениями для баяна композиторов Н.Я. Чайкина, А.Н. Холминова, Г.Г. Шендерева, В.Я. Подгорнова, что выводит баянное исполнительство на новый уровень музыкального искусства.

Академизация баяна как естественный процесс развития исполнительства на баяне стал необратимым явлением. Он перестал быть только народным инструментом, вместе с этим постепенно уходит традиционная форма игры по слуху, варьирования и импровизации.

Огромное значение в развитии баянного исполнительства сыграло становление и развитие баянной педагогики и главным событием в ее становлении начала 1970-х гг. следует считать "рождение" сборника статей "Баян и баянисты" трибуны педагогов института им. Гнесиных (Вып. 1-7, 1970-1987), который издается под редакцией Ю.Т. Акимова. Среди постоянных авторов следует назвать Б. Егорова, П. Гвоздева, В. Семенова, Л. Колесова, Ф. Липса и др. [17] Т.А. Буданова в своей публикации, анализируя выстроенную в России трехступенчатую систему музыкального образования, модификацию самого инструмента, создание высокохудожественного репертуара, появление баянистов-исполнителей, представляющих яркие индивидуальные исполнительские концепции, справедливо называет баянную культуру системой "с характерными для нее принципами целостности, структурности, иерархичности и взаимозависимости всех входящих в нее элементов" [1].

Исследователи, обращающиеся к проблематике функционирования баяна на современном этапе, подчеркивают его многогранность, как с точки зрения его колоссальных технологических возможностей, так и связанной с ними репертуарной политикой. В этой связи представляет интерес некоторый обзор научной литературы данного аспекта.

С.В. Пташенко выявляет этапы эволюции оригинальной литературы композиторов-баянистов советского периода и современ-

ных авторов России и Украины на примере танцевальных жанров, используя исторический, сравнительно-аналитический, системный и герменевтический методы. Автором рассматривается проблема становления и развития танцевальных жанров в баянном творчестве украинских и российских композиторов. Аналитическому, историческому и исполнительскому анализу подвергнуты малоизвестные и часто исполняемые опусы обозначенных жанров в современном профессиональном баянном репертуаре. Оценивая уровень композиторского мастерства, средства художественной выразительности произведений, автор определяет их место в

современной исполнительской практике, направленность на определенные слушательские группы. [18] Формирование системы танцевальных жанров автор разделяет на три периода: "первый – 1945-1975 гг., второй – 1976-1991 гг. и третий – с 1992 г.

и по настоящее время. Приоритетными в первый период оказались изданные произведения в жанрах польки, кадрили, мазурки и вальса А. Данилова, И. Паницкого, А. Шалаева, В. Мотова, А. Дмитриева (РСФСР), К. Мяскова, Н. Ризоля, И. Яшкевича, В. Власова (УССР). [18] В одной из публикаций А.В. Солянкин, прослеживая эволюцию баянного исполнительства, подчеркивает: "Если на первом этапе баянного искусства (1897-1920 гг.) в репертуаре преобладали сочинения фольклорной направленности, имевшие истоки в гармошечной традиции, а именно, частушечные наигрыши, песенно-танцевальные жанры, то начиная со второго (1920-1935 гг.), продолжаясь в третьем (1935-1970 гг.) и, кульминируя в четвертом (1970-2000 гг.), происходит мощное развитие жанрово-содержательной области баянного репертуара" [20]. Характеризуя диа-

АКАДЕМИЗАЦИЯ БАЯНА КАК
ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ
ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА НА БАЯНЕ СТАЛ
НЕОБРАТИМЫМ ЯВЛЕНИЕМ.
ОН ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ТОЛЬКО
НАРОДНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ, ВМЕСТЕ
С ЭТИМ ПОСТЕПЕННО УХОДИТ
ТРАДИЦИОННАЯ ФОРМА ИГРЫ ПО
СЛУХУ, ВАРЬИРОВАНИЯ
И ИМПРОВИЗАЦИИ.

пазон композиторских решений для баяна последней трети XX века, автор подчеркивает не только многоликость музыкальной жанровостилистической палитрой, где на равных правах существуют сочинения фольклорного, академического и эстрадного направлений, но, что наиболее показательно, он отличается "концепционной глубиной авторских решений, избравших именно этот инструмент для воплощения сложнейших замыслов" [20].

Народно-инструментальное исполнительство второй половины XX – начала XXI веков отмечается стремлением композиторов и музыкантов к поиску новых средств художественного выражения и исполнительских концепций. Профессиональное творчество любого композитора, так или иначе базируется на фольклорных истоках, которые и определяют национальный или региональный его стиль. Рядом с существованием традиционных музыкальных явлений, которые в полной мере выполняют "культуро-защитную функцию" (И. Коханик), актуальными становятся новые средства музыкальной выразительности и исполнительские формы выражения, сосредоточенные на фольклоре.

Исследуя тенденции развития баянного исполнительства, В.В. Бычков и Ю.Б. Тарасова рассматривают проблему использования фольклора в музыке для баяна в нескольких аспектах: "тематизм народных наигрышей, песен и танцев, методы и средства его преломления в академической баянно-аккордеонной литературе; технико-исполнительские средства, свойственные народному музицированию, и их модификация в жанрах концерта, сюиты, сонаты; колористическая сфера народного инструментария и ее "воссоздание" средствами классических инструментов, включая симфонический оркестр" [3].

Фольклорная тематика, безусловно, повлияла на формирование индивидуального стиля многих композиторов-баянистов. Анализируя варианты обращения к фольклор-

ному наследию в отечественной баянной музыке XX века, В.В. Бычков и Ю.Б. Тарасова выделяют два этапа развития баянного искусства. Первый охватывает 1930-1950-е годы, для которого характерна непосредственная связь между фольклорным источником и современным авторским творчеством, а второй этап они определяют границами 1960-1980-х годов, когда "...разрабатываются и крупные музыкальные формы, имеющие связь с народной культурой (к примеру, рапсодия).... данный этап характеризуется постепенным отходом от фольклорных истоков, креном в сторону академической музыки" [3]. По замечанию авторов, "на этом этапе созревают исторические предпосылки для "отпочкования" академического исполнительства от традиционного, его отделения и реорганизации в самостоятельный вид искусства. Результатом этого сложного процесса стало появление нового направления академической музыки, написанной для баяна (В. Подгорный, А. Тимошенко, Г. Шендерёв, В. Семенов, В. Бонаков, К. Волков), и модификация функционирования баяна, вышедшего на концертную эстраду, ставшего профессиональным национальным инструментом. [3]

Анализ тенденций академизации баяна и баянной музыки на втором этапе позволяет говорить о том, что в конце 1960 – начале 1970-х годов "композиторы начинают искать новые, не свойственные баянной музыке предыдущих десятилетий формы воплощения народных интонаций" [3]. Для отечественной музыки 1960-1980-х годов характерно использование многообразных пластов народного творчества, воплощаемых в различных жанрах и формах оригинальной музыки. Большой интерес вызывает национальный фольклор стран Восточной и Западной Европы: болгар, словаков, испанцев, греков, цыган (В. Семенов, В. Бонаков, Вл. Золотарев, А. Дудник, В. Подгорный, Ю. Шишаков, В. Довгань). Большое распространение получает рапсодия как жанр, изначально предполагающий обращение к

народно-песенному материалу (В. Золотарев, А. Дудник, В. Подгорный, В. Семенов, А. Григорьев). Народно-жанровые традиции получили свое продолжение в жанрах сюиты, частушки, концертов (Г. Шендерёв, А. Тимошенко, К. Мясков, В. Зубицкий, В. Власов, П. Лондонов, Н. Чайкин, В. Семенов, В. Бонаков, А. Дудник). Региональный музыкальный фольклор Поволжья, Сибири, Урала казачества Дона, Кубани, Терека получил развитие практически у всех композиторов-баянистов.

В. Подгорный стал одним из первых, кто предал фольклору новые черты выразительности, созвучные с современностью. Ю.И. Дякунчак и А.И. Душный, характеризуя музыку подгорного, отмечают: "Новизна его музыки заключается в драматизации первоисточника, отображения тонких душевных нюансов, использования новых сложных композиционных приемов, форм, различных по своей природе выразительных средств. Все это привело к появлению нового для баянной литературы жанра

"концертной фантазии на народные темы" [6]. Характеризуя главные признаки музыкального языка, А. Семешко называет наиболее устойчивые стилистические черты творческой манеры В. Подгорного: яркое национальное своеобразие; симфонизм; свободные вариационные формообразующие схемы – вступление-тема-развитие-заключение; изящное гармоничное чувство; пульсирующий органнй пункт; сложные и насыщенные фактурные образования. [19]

Современные искусствоведы Н. Давыдов, И. Ергиев, Я. Олексив, А. Семешко, А. Сташевский, А. Черноиваненко справедливо отмечают, что современная оригинальная музыка меняет представление природы как аккордеона, так и баяна, их звуковыразительных возможностей, тембровых ресурсов, семантических связей. Творческие контак-

СОВРЕМЕННАЯ ОРИГИНАЛЬНАЯ
МУЗЫКА МЕНЯЕТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ПРИРОДЫ КАК АККОРДЕОНА, ТАК И
БАЯНА, ИХ ЗВУКОВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ, ТЕМБРОВЫХ
РЕСУРСОВ, СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ.

ты исполнителей с современными композиторами академического направления В. Власовым, В. Зубицким, А. Кусяковым, В. Семеновым, В. Золотаревым и др. активизировали появление произведений с новой трактовкой этих инструментов в сочетании со скрипкой, виолончелью, фортепиано, камерным и симфоническим оркестрами.

В частности, творчеству основоположника оригинального репертуара для многотембрового готово-выборного баяна, новатора в области баянного искусства второй половины XX в. Владислава Золотарёва посвящена статья А.С. Малкуш. [10] Автор отмечает: "Композитор сознательно стремился возвести излюбленный инструмент на уровень академических инструментов и поэтому значительно расширил круг образно-интонационных сфер. В сочинениях Золотарёва проявляются семантически устойчивые сфе-

ры "Возвышенного" и "Трагического", объединяющие как музыкальные, так и литературные описания" [10, С. 105]. Другой важной гранью творчества Золотарёва, по мысли

автора, "стала сфера игры и юмора, воплощенная преимущественно в сочинениях малых форм, в циклах миниатюр. Игровое начало проявилось на разных уровнях баянных сочинений Золотарёва: на фоническом, интонационном и на композиционно-драматургическом" [10, С. 105]. Достаточно ярко представлены в сочинениях композитора различные жанровые начала: токкатность, фанфарность, скерцозность, хоральность, декламационность, пластика движения (полета, парения), колокольность. Применяя различные виды жанрового синтеза (вертикального и горизонтального), В. Золотарёв преодолел одномерность первичных жанров, создал глубокие по содержанию произведения. Использование техники жанрового синтеза было обусловлено определенными художественными задачами и нередко связано с

претворением образной и драматургической многоплановости. [10] Золотарёв ввел многие специфические приемы игры на многотембровом баяне (рикошет, глиссандо кластера, вибрато, одинарное вибрато), к которым в дальнейшем прибегали другие композиторы, создававшие музыку для баяна: А. Кусяков, К. Волков, А. Нагаев, В. Зубицкий, В. Семёнов, А. Григорьев, С. Губайдулина, Э. Денисов, С. Беринский, Г. Банщиков, О. Проститов, В. Сенегин и др.

Анализируя роль сакральной тематики в современной музыке, О.П. Васильев отводит особое место сочинениям для баяна, в которых, по его мнению, изначально "народный инструмент" заиграл новыми красками. В произведениях периода рубежа XIX – XX веков, пишет автор, "воплощаются сюжеты Нового и Ветхого Заветов Библии, обнаруживается интерес к православной традиции и зороастризму. Жанровый диапазон простирается от традиционных Ave Maria и Miserere до апокалиптической симфонии" [4, С. 837]. Л.А. Мищенко, исследуя историко-стилевые вехи, отмечает: "Баян стал своеобразным мостом между прошлым и будущим. Теперь на этом инструменте исполняются произведения далекого европейского Средневековья, эпохи Просвещения, музыка Барокко, Классицизма, Романтизма. На баяне исполняются произведения крупных форм и миниатюры, музыка разных стилей и жанров" [12, С. 43].

А. Е. Лебедев, исследуя жанр концерта для баяна с оркестром в контексте романтических традиций отечественной музыки XX века, отмечает: "Широкое отражение в баянном концерте находит вариационность, свойственная всей баянной музыке с самого начала любительского творчества" [9, С. 164]. Автор отмечает далее, что "на волне романтических тенденций в баянном концерте укореняется импровизационность как одна из ключевых идей концертного жанра" [9, С. 164]. В статье А.В. Солянкина рассматривается функционирование музыкальной баллады в современном баянном

репертуаре. Опираясь на методологию жанрового анализа, представленную в современных музыковедческих работах, и эмпирические данные о технологическом развитии инструмента, автор показывает все многообразие "стилевой палитры" балладного жанра в баянном искусстве XX века, что, безусловно, нашло отражение в композиторском творчестве баянистов-композиторов. [20]

Еще одним фактором, который значительно повлиял на модернизацию музыкального языка в произведениях современных композиторов-баянистов, становится явление жанровой трансформации баянно-акордеонной музыки в жанре сюиты. [23] А.Я. Сташевский прослеживает тенденцию изменения традиционных признаков в направлении сонатно-симфонического цикла в произведениях В. Власова ("Сюита-симфония"), В. Зубицкого (Сюита № 2 "Карпатская"), А. Билошицкого (Сюита № 2 "Романтическая") и др. Новыми особенностями трансформации жанра, по мысли автора, становятся "драматургическая целостность всего цикла; непосредственная связь частей; наличие динамических частей; минимизация количества частей (3-4 части); тяготение к сонатно-симфоническим принципам развертывания материала; расширение образной сферы". Все эти и другие признаки А. Я. Сташевский называет "симфонизированной сюитой" [23, С. 92-98].

Сосуществование консервативной и модернистической тенденций намечает появление нового направления в искусстве, которое начинает влиять на развитие музыки нашего века. Неофольклоризм как новая фольклорная волна представляется сегодня инициативным и одновременно более локально-точным использованием фольклорной и, шире – древненациональной традицией. В. Зубицкого справедливо называют ярким представителем неофольклоризма и классиком современной баянной музыки в Украине. Его творчество, по замечанию украинских музыковедов, аккумулирует в себе

пласты фольклорных источников разных народов и разных культур. [24] Многие его произведения представляют собой широкий спектр межнационального фольклорного синтеза, сочетающих интонации украинского фольклора с молдавскими, румынскими. В творчестве В. Зубицкого народно-жанровая основа произведений насыщена танцевальными мелодиями, ритмоинтонациями, где гармонично сочетаются архаичные пласты украинского фольклора с его характерными признаками строя, имитацией наигрышей народных инструментов.

Новаторские находки отечественных и зарубежных музыкантов относительно природы баяна аккордеона способствуют преодолению определенной заштампованности и стандартности в формировании его звукового образа.

Ю.И. Дякунчак и А.И. Душный исследуют в своей статье проблему влияния фольклорных истоков в сочетании с джазовыми ритмами, порождающих "возникновение новых художественных направлений в развитии жанровых и стилевых систем". Они называют такой синтез "одним из путей появления неофольклоризма как стилевого направления музыки второй половины XX века, ярко представленного в баянно-аккордеонном творчестве украинских композиторов: А. Билошицкого, В. Власова, А. Гайденка, В. Зубицкого, К. Мяскова, В. Подгорного, В. Рунчака, А. Сташевского, Ю. Шамо, Г. Шендерёва и других, где нашли свое отражение ведущие тематические линии "новой музыки" [6]. Авторы справедливо заметили, что "использование современных систем европейского инструментализма, обогатило арсенал выразительных средств (звукоподражание колоколам, трембит, свирелей, цимбал, лиры, народных ударных инструментов), стимулировало новаторские поиски авторов в жанре эстрадно-джазовой музыки. [6] На примере композиторского творчества украинские музыковеды прослеживают неофольклористические черты в нескольких уровнях: частичного (цитатно-

го) использования фольклорного материала (В. Власов. "Парафраз на народную тему"); творческого переосмысления фольклора (А. Тимошенко. "Полесская рапсодия"); сочетание музыкальных национальных диалектов с современным художественным мышлением, в частности ритмами джазовой музыки (В. Зубицкий. "Концертная партия № 2"); переосмысления полистилевых образований (А. Сташевский. "Каприччио в джазовом стиле"); сочетание традиционных приемов письма с современным, в частности: кластерной техникой, сонористикой, ограниченной алеаторикой, использованием человеческого голоса ("Праздник в горах", "Троицкие музыки" с Болгарской тетради, "Карпатская сюита" В. Зубицкого, Сюита Ю. Шамо). [6]

А.Я. Сташевский в своей работе осуществил глубокий анализ современных выразительных средств баяна и выявил специфику тембровой драматургии баянных сочинений, которые наиболее часто проявляются в таких формах, как: "...двойное крещендо тембра, диминуэндо тембра, волновой принцип тембровой драматургии, контраст тембра, соотношение усиления и послабления тембровой активности с усилением и уменьшением звуковой динамики, насыщением и рассредоточением фактуры музыкальной ткани" [22]. Для интонационно-ладовой системы современной баянной музыки, помимо традиционной диатоники и хроматики, автор отмечает "использование целого ряда иных ладовых комбинаций, среди которых пентатоника, различные лады народной музыки, синтетические лады и лады ограниченной транспозиции, ладовые образования с серийной неповторимостью звуков (в том числе и с 12-и ступенной додекафонией), блюзовая гамма и звукоряды современной джазовой традиции и т.п." [22]. Для гармонической сферы современных баянных сочинений А.Я. Сташевским выделяются следующие закономерности: "существенное усложнение аккордики как важнейшей составляющей фактурно-гармо-

нического комплекса музыкальных произведений; расширение гармонического спектра аккордики традиционной терцовой структуры через увеличение количества звуков по вертикали, вкрапления в аккордовую структуру отдельных дополнительных тонов, преимущественно с диссонантной нагрузкой; широкое использование аккордики, сформированной на основе нетерцовых построений, прежде всего, квартовых и секундовых аккордов; использование разных видов кластерной гармонии, полиинтервальной аккордики, полиаккордики суперполигармонии, а также сонористической колористичной сонорно окрашенной, сонорной) и полифонической гармонии" [22].

На основе стилизации элементов ладо-гармонической основы, ритма, фактуры, тематизма, различных исполнительских приемов, взаимопроникновения направлений фольклорный – эстрадно-джазовый – камерно-академический в баянной музыке появляется новое джазово-академическое направление.

Поиск нетрадиционных средств музыкального выражения осуществляется, по мысли Ю.И. Дякунчак и А.И. Душного, "за счет внедрения различных постмодернистических техник композиции" и подчиняется идеи нового мировоззрения, глубине философского восприятия, что можно считать художественным феноменом мировой музыкальной культуры. [6]

Научный обзор эволюции баянного исполнительства в совокупности различных аспектов позволяет сформулировать следующие обобщенные выводы.

Эволюция баянного исполнительства всего лишь за столетнюю историю показала

стремительную динамику развития колоссальных технологических, динамических возможностей инструмента от примитивной диатонической гармонии до многотембрового готово-выборного баяна, демонстрируя качественные изменения в становлении и развитии баянной исполнительской школы, качественный рост баянного репертуара от фольклорных обработок до оригинального репертуара во всем жанрово-стилевом многообразии произведений композиторского творчества. Проследив эволюцию баянного исполнительства, музыковеды в оценке ее бурного динамического развития называют несколько этапов развития от импровизации до академизации. Если на первом этапе баянного искусства (1897-1920 гг.) в репертуаре преобладали сочинения фольклорной направленности, опирающиеся на гармоническую традицию, когда в исполнительстве доминировали варьирование и импровизация, то начиная со второго (1920-1935 гг.), продолжаясь в третьем (1935-1970 гг.) и кульминируя в четвертом (1970-2000 гг.), происходит мощное развитие баянной исполнительской школы, баянное исполнительство постепенно обретает свой оригинальный академический репертуар.

Аналитический обзор проблемы жанрово-стилевых тенденций и направлений на примере композиторского творчества позволяет отметить, что баянный репертуар за весь период эволюции баянного исполнительства динамично развивается в

тенденции от чистого фольклора до академического. Если в начале большинство музыкальных произведений были построены на прямом цитировании фольклорного материала, а также на характерной для народной музыки вариационности с сохранением

НА ОСНОВЕ СТИЛИЗАЦИИ
ЭЛЕМЕНТОВ ЛАДОГАРМОНИЧЕСКОЙ
ОСНОВЫ, РИТМА, ФАКТУРЫ,
ТЕМАТИЗМА, РАЗЛИЧНЫХ
ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ПРИЕМОВ,
ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ
НАПРАВЛЕНИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ –
ЭСТРАДНО-ДЖАЗОВЫЙ – КАМЕРНО-
АКАДЕМИЧЕСКИЙ В БАЯННОЙ
МУЗЫКЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ НОВОЕ
ДЖАЗОВО-АКАДЕМИЧЕСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ.

его ладовой, ритмической основы, то в конце 1960 – начале 1970-х годов композиторы начинают поиски новых, не свойственных баянной музыке предыдущих десятилетий, форм воплощения народных интонаций. Данный этап характеризуется постепенным отходом от прямого цитирования фольклорного материала, креном в сторону академической музыки, именно на этом этапе созревают, по выражению В.В. Бычкова, "исторические предпосылки для "отпочкования" академического исполнительства от традиционного, его отделения и реорганизации в самостоятельный вид искусства" [3]. Безусловно, на модернизацию музыкального языка в произведениях баянной музыки повлияли, прежде всего, кардинальные конструктивные изменения и преобразования баяна, модификация его функционирования, обеспечившие новые технические возможности современного баяна, развитие исполнительской баянной школы, что создало почву для композиторского творчества в их стремлении к поиску новых звуковыразительных, технологических средств, жанровому многообразию в опоре на фольклорные истоки.

Репертуарные наработки конца XX до начала XXI веков базируются на фольклорной основе с использованием современных приемов игры и интерпретации музыки самим композитором и исполнителем. Своеобразный музыкальный язык в творчестве композиторов-баянистов сосредоточен на глубинных интонациях песенно-танцевального фольклора во взаимодействии с современными средствами выразительности. Композиторы обращаются к источникам календарно-обрядового фольклора, лирико-эпической элегии, романса и шутильной песни, танцевальных мелодий и народного музицирования, а также к культурам других народов, интерпретируя их, исходя из собственных художественно-творческих позиций.

Современный баян, пройдя эволюционный путь трансформации от чисто народного музыкального инструмента до полноценно академического, сохранил тем не

менее многогранное полифункциональное свое предназначение. Завоевав прочное место на концертной академической эстраде, он не потерял свою огромную популярность и актуальность как незаменимый аккомпанирующий инструмент в любительской среде, художественной самодеятельности, а также на концертной эстраде в составе ансамблей, оркестров, сохраняя связь с народной музыкой.

Пройдя путь от народной импровизации, традиционной для музыкально-инструментального творчества любителей до академизации как профессиональной исполнительской деятельности, баянное исполнительство, к сожалению, утратило сегодня варьирование и импровизацию как методы обучения и музыкального развития. Очевидно, что музыкальная практика инструментальной импровизации благотворно сказывается как на развитии музыкальных способностей, так и личности в целом. Однако, несмотря на попытки отдельных педагогов внедрять инновационные курсы, современная система музыкального образования в целом ориентирована на традиционно нотное обучение. [7] Сегодня владение импровизацией является одной из форм фольклорного музицирования, а навыки варьирования и импровизации не только не потеряли значимости, но стали особенно востребованы в практической деятельности баяниста.

Литература:

1. Буданова Т.А. Современная баянная культура: трансформация образа инструмента в историко-культурном контексте // Труды СПбГИК. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-bayannaya-kultura-transformatsiya-obraza-instrumenta-v-istoriko-kulturnom-kontekste> (дата обращения: 04.01.2021).
2. Быстряков М.С., Хорошайлова Л. Баянист Иван Паницкий. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1976. – 104 с. : ил., нот. ил. https://aleo7.ru/music/notes/song/bayan/bayanisty/bip3_3.htm
3. Бычков В.В., Тарасова Ю.Б. Фольклорное наследие в отечественной баянной музыке 1930-1980-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – №45-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornoe-nasledie-v-otechestvennoy-bayannoy-muzyke>

muzyke-1930-1980-h-godov (дата обращения: 04.01.2021).

4. Васильев О.П. Баян и сакральная тематика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2010. – № 5 (3). – Т.12. – С. 837-839.

5. Длуговольский В. Баянное исполнительское искусство XX века: вопросы интерпретации музыкальных сочинений (обзор специальной литературы). – Магнитогорск, 2013. – № 19. – С. 94-101.

6. Дякунчак Ю.И., Душний А.И. Творчество для баяна-аккордеона композиторов Украины конца XX начале XXI веков: стилевые особенности // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – №4(12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-dlya-bayana-akkordeona-kompozitorov-ukrainy-kontsa-hh-nachale-xxi-vekov-stilevy-osobennosti> (дата обращения: 02.01.2021).

7. Григорьев А.Ф. Практический курс варьирования и импровизации баяниста. – Ставрополь : Ставролит, 2020. – 192 с.

8. Имханицкий М.И. Музыка зарубежных композиторов для баяна и аккордеона: учеб. пособие для музыкальных вузов и училищ / М.И. Имханицкий. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2004. – 376 с.

9. Лебедев А.Е. Жанр концерта для баяна с оркестром в контексте романтических традиций отечественной музыки XX века // Музыкальный стиль и жанр. – 2010. – №2(7). – С. 163-166. https://elibrary.ru/download/elibrary_15566810_86879250.pdf

10. Малкуш А.С. Новаторства Владислава Золотарёва в области баянного искусства // Научное мнение. – 2015. – №5-1. – С. 104-106. <http://elibrary.ru/item.asp?id=23728346>

11. Михайлова А.А. Фольклорные и неофольклорные стилевые тенденции в музыке отечественных композиторов для баяна. – М. : Композитор, 2010. – 162 с.

12. Мищенко Л.А. Баян как феномен музыкальной культуры в отражении социальной действительности // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – №3(7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bayan-kak-fenomen-muzykalnoy-kultury-v-otrazhenii-sotsialnoy-deystvitelnosti> (дата обращения: 04.01.2021).

13. Немцева О. А. Предпосылки развития популярной музыки для баяна и аккордеона // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-razvitiya-populyarnoy-muzyki-dlya-bayana-i-akkordeona> (дата обращения: 04.01.2021).

14. Оскирко И. В. К проблеме оригинального репертуара в баянной музыке Беларуси // Музыкальная культура и образование: инновационные пути развития : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. 21-22 апр. 2016 года / науч. ред. О. В. Бочка-

рева. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 127-129.

15. Платонова С. М. Перелом в развитии отечественной баянной музыки // Проблемы современной музыки : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. – Пермь : Перм. гос. ин-т искусств и культуры, 2012. – С. 175-186.

16. Показанник Е. В. Баянная музыка в творчестве ростовских композиторов // Творческие союзы на постсоветском пространстве и композиторская деятельность : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Ростов-н/Д. : Ростов. гос. консерватория им. С. В. Рахманинова, 2015. – С. 196-202.

17. Потеряев Б. П. О становлении баянной педагогики // Вестник ЧГАКИ. – 2008. – №2 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-bayannoy-pedagogiki> (дата обращения: 04.01.2021).

18. Птащенко С.В. Танцевальные жанры в баянном творчестве отечественных композиторов // Вестник ЧГАКИ. – 2013. – №2 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tantsevalnye-zhanry-v-bayannom-tvorchestve-otechestvennyh-kompozitorov> (дата обращения: 04.01.2021).

19. Семешко А. Методичні основи формування виконавської майстерності баяніста : нав.-метод. посіб. [для вищих навч. закладів культури і мистецтв I-IV рівнів акредитації]. – Київ : ДМЦНЗКІМУ, 2003. – 144 с.

20. Солянкин А.В. "Жанровый портрет" баллады в сочинениях для баяна // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2016. – №2(57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyy-portret-ballady-v-sochineniyah-dlya-bayana> (дата обращения: 04.01.2021).

21. Сташевский А.Я. Синтез жанровых форм как тенденция жанрообразования в современной баянной музыке украинских композиторов // Журн. науч. публикаций аспирантов и докторантов. – 2014. – № 2(92). – С. 222-224.

22. Сташевский А.Я. Тембровые, интонационно-ладовые и гармонические аспекты современной музыки для баяна (на примере творчества украинских композиторов) // Наука. Искусство. Культура. – 2013. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tembrovye-intonatsionno-ladovye-i-garmonicheskie-aspekty-sovremennoy-muzyki-dlya-bayana-na-primere-tvorchestva-ukrainskih-kompozitorov> (дата обращения: 02.01.2021).

23. Сташевський А. Тенденції розвитку жанру своїти в українській музиці для баяна // Актуальні питання баянно-акордеонного виконавства та педагогіки в музичних навчальних закладах: зб. стат. і доп. за мат. I та II міжнар. наук.-практ. конф. – Луганськ, 2005. – Вип. 1. – С. 92-98.

24. Черепанин М., Булда М. Естрадний олімп акордеона : монографія. – Івано-Франківськ : ЛілеяНВ, 2008. – 256 с.

TO THE HISTORY OF TOLERANCE FORMATION AS AN INTEGRAL ELEMENT OF THE MODERN WAY OF LIFE

Mehdieva Madina Arif, Postgraduate student, Department of Sociology, Baku State University, Baku, Azerbaijan

Tolerance has been the most important moral characteristic and social value of a person since the inception of human society. Tolerance, which is defined as a spiritual phenomenon, manifests itself in various forms in all areas of life and determines the nature of communication in human behavior. Among them we can show everything, from the most primitive ancient forms of consciousness to forms of artistic and rational thinking. The essence of each of these forms of self-expression is mutual understanding, understanding and empathy. As human knowledge deepened, thoughts and ideas around this problem expanded. The history of the development of tolerance shows that today this moral and legal category is an integral part of the modern way of life.

Keywords: lifestyle; stages of the formation of society; tolerance in various social spheres.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5-9

УДК 316.342
БАК 22.00.04

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СОСТАВНОГО ЭЛЕМЕНТА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

© Мехдиева М.А., 2021

Толерантность является важнейшей моральной характеристикой и социальной ценностью человека с момента зарождения человеческого общества. Толерантность, которая определяется как духовное явление, проявляется в различных формах во всех сферах жизни и определяет характер общения в человеческом поведении. Среди них мы можем показать все, от самых примитивных древних форм сознания до форм художественного и рационального мышления. Суть каждой из этих форм самовыражения - взаимопонимание, осмысление и сочувствие. По мере того, как углублялось человеческое познание, мысли и идеи вокруг этой проблемы расширялись. История становления толерантности показывает, что сегодня эта нравственно-правовая категория является неотъемлемой частью современного образа жизни.

Ключевые слова: образ жизни; этапы становления общества; толерантность в различных общественных сферах.

Толерантность "означает уважение, принятие и правильное понимание разнообразных культур нашего мира, различных форм самовыражения и проявления человеческой личности" [1]. Если древние напрямую связывали свое существование с развитием мира, его величием, вечностью и контролем сверхъестественных сил, то в более поздние времена человек пытался объяснить смысл жизни непосредственно на основе ее сущности и собственного самосознания. Из-за низкого уровня развития индивидуального сознания у древних людей у них формировалось чувство страха и послушания, а не терпимости, и на них легко могли влиять другие [2]. Поскольку сферы сознательной жизни еще не были отделены друг от друга, здесь религия, искусство и мифотворчество составляли единство.

Толерантность в основном выражала дух коллективизма, привычку к совместным действиям, движение к новым формам общественной жизни. Это прослеживается в легендах, в различных изображениях социальной жизни на наскальных плитах, в декоре предметов быта, во многих видах прикладного искусства [3]. Такие чувства и ценности, возможно, были более четко

МЕХДИЕВА Мадина Ариф кызы, диссертант, кафедра Социологии, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
ORCID 0000-0003-2485-0977

выражены в религиозных и моральных представлениях. В древних религиях, таких как зороастризм, многие метафизические идеи и реальные знания воспроизводились в художественно-мифологическом и практическом плане. Не случайно зороастризм ценится как источник дофилософских знаний. Зороастризм, оказавший огромное влияние на интеллектуальное развитие народов Ближнего и Среднего Востока, нашел свое отражение и во многих других религиозно-идеалистических течениях [4]. В целом сформировавшееся в то время геокультурное пространство включало в себя как Ближний Восток, так и Евразию. Сформированные здесь религиозные и философские идеи объединяли в себе верования, обряды и объекты поклонения и определяли отношение человека к своей судьбе и своей жизни.

В целом мировые религии, оказывая решающее воздействие на формирующуюся культуру, создавали условия для продвижения человечества к общечеловеческим ценностям. В зороастризме, а также в других религиозно-духовных учениях, построенных на идеях зороастризма, нравственные проблемы занимали значительное место. На этой основе определялся характер межличностных отношений, формировались представления о смысле жизни, делаая их более осмысленными и действенными. Можно сказать, что идеи о человеческом существовании, дошедшие с древних времен до сегодняшнего дня, и сегодня играют для нас назидательную роль, выполняя в современном мире роль нравственной опоры.

В учении зороастризма каждый человек призывался быть чистым и безупречным в своих помыслах, делах и словах, быть высоконравственным. Человек должен в своей жизни уметь различать добро и зло, чтобы заслужить все высоконравственные качества как в этой, так и в будущей жизни. Путь к

ПУТЬ К ТОЛЕРАНТНОСТИ СОСТОЯЛ
ИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
САМОВЫРАЖЕНИЯ, СВОЕВРЕМЕННОГО
ИСПРАВЛЕНИЯ ИСКАЖЕННЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.

толерантности состоял из использования возможности самовыражения, своевременного исправления каких-либо искаженных представлений, которые, возможно, зреют у человека в сознании, что давало возможность раскрытия творческого потенциала и задатков. В результате формирования совершенной человеческой личности дальнейшее развитие получали и человек, и общество.

Следует отметить, что история развития человеческого общества была исключительно сложной и противоречивой. Людей сплавляли, объединяли в различные социальные группы территория, религиозно-мифологические представления и постепенное становление этнического самосознания. Сформировавшаяся в результате

социального развития исключительно сложная этносоциальная и этнолингвистическая картина, естественно, оказывала существенное влияние

на взаимоотношения людей в обществе [5]. Население, проживающее в каждом регионе мира, на протяжении веков формировало для себя различные культурно-социальные ценности и на их основе институты как следствие миграции, торговли, прочих естественных и социальных процессов, обогатив тем самым свою духовную жизнь. Сформировавшееся в результате этого развития богатое культурное наследие оказало свое влияние на общение людей, стиль их поведения. Древние восточные культуры (Шумеро-Аккадская, Ассирийско-Вавилонская, Хетто-Митанская, Урартская, Мидийско-Иранская, Средневековая византийская, Арабо-мусульманская) открыли путь к освоению нравственных ценностей, среди которых немаловажную роль играла толерантность. Сам процесс формирования этих культур способствовал систематизации, регулированию человеческой жизни, формированию и систематизации новых духовных ценностей, определяя прин-

ципы общения между человеческими общностями [6]. Различение культур есть практически различение самих цивилизаций. Как закономерное следствие каждого периода социального развития, формируется совокупность социальных норм и ценностей, в итоге составляющая культуру этого периода. Люди, живущие в соответствующем периоде, строят на основе этих норм и ценностей свои взаимоотношения, определяя тем самым свое отношение к жизни [7].

Здесь существенную роль также играли и этногенетические процессы. С древних пор до сегодняшнего дня, наряду с политическими процессами (военные походы, колониальная политика, политика депортации, массовые истребления и сражения), шло развитие также и социально-экономической и духовных сфер, что отражалось на жизни каждого народа, его укладе, образе жизни, языке, семье, быте, художественном мышлении, причем люди стремились приспосабливаться к новым жизненным требованиям и условиям [8].

В Европе, после смены Средневековья эпохой Возрождения и Новым временем, в социальных процессах постепенно стали преобладать тенденции антропоцентризма. Историческое развитие шло в определенном направлении. К примеру, в эпоху Возрождения культурно-нравственное развитие пошло в несколько этапов: гуманизм, реформация, стремительное развитие естественных наук и философии. Сильнейшее влияние античного наследия в духовной жизни проявилось в развитии искусства, литературы, права, философии. Основательным образом нравственно-правовые ценности прошли через сито нового мышления, будучи оценены с позиции гуманизма. Оживление научной жизни было непосредственным следствием расширяющихся географических открытий, новых торговых и культурных связей.

В Европе, прежде всего, в Италии, идеи гуманизма получили самое широкое распространение, оказав большое влияние на ста-

новление в межличностных отношениях новых духовных ценностей. Ученые, писатели, правоведы, люди искусства показывали преимущества гуманистического подхода взамен схоластических методов. Объясняя какой-либо исторический факт или событие своего временного периода, они пытались выделить главные события человеческой жизни, используя исторические, филологические и критические методы. Не будем забывать, что в то время в Европе велись широкие религиозные споры, были столкновения конфликтующих позиций. Исследователи пришли к необходимости как можно скорее отойти от средневековых догм, создать в жизни человека условия, отвечающие его правам и потребностям, и работали над их реализацией [9]. Здесь главными шагами были достижение справедливой жизни, справедливого осуществления естественных и гражданских прав.

Изменение отношения к человеку и его жизненным позициям отразилось и на развитии политической мысли. Постепенное распространение демократических идей, республиканского метода правления привело к становлению новых политических идей, тенденций и идеалов в общественных отношениях [10]. Выдающиеся ученые и исследователи истории (Никколо Макиавелли) показали, что преемственные отношения в методах управления могут быть только на пользу дальнейшему развитию. На ранних этапах формирования общества люди в процессе общения научились различать добро и зло, праведное и неправедное. Это однозначно вызывало гнев против любого, кто мог причинить вред обществу и людям. Правосудие основано именно на таких отношениях [11].

Когда властимущие действовали несправедливо, их ненавидели, свержали и заменяли другими правителями. Однако народный, демократичный способ управления также не мог обеспечить справедливой жизни. Очень скоро здесь возникал хаос и разброд. По мере развития и смены способов

политического управления движение к прогрессу приводило к большей справедливости в общественных отношениях.

Чтобы создать более прочный фундамент цивилизации и культуры, необходимо добиться свободы внутри общества и равных позиций в разрешении внутренних противоречий. Общественное благо должно соблюдаться на высшем уровне как в экономическо-политической, так и в моральной сферах. Выделить и поощрять можно только тот народ и его лидеров, которые будут способны регулировать ситуацию нормальным, прогрессивным образом. Есть еще один важный момент. В управление государством должно быть вовлечено как можно больше людей. Речь идет о массовой замене авторитаризма толерантностью через коллективное мнение и основанный на нем порядок на каждом этапе общественного управления [12]. Общество, основанное на уважении к закону, может достичь справедливости, мира и высоких моральных ценностей, выступая за справедливость в любой сфере общественной жизни.

Методы управления обществом также влияют на формы хозяйствования и основанные на них социально-моральные сферы. Если в государстве соблюдается закон, если у людей достаточно свобод, то принятые здесь морально-нравственные ценности развиваются в соответствии с этими жизненными принципами. Поскольку главной идеей Возрождения был гуманизм, то здесь мыслители обстоятельно обосновывали творческие возможности, составлявшие великий потенциал человека. Человеческое достоинство здесь основывалось на таких качествах человека, которые требовало явного отхода от безразличия и равнодушия в своих действиях, однозначно оценивая свою судьбу и предназначение, и движении к активному созиданию своего собственного образа жизни. Путь к толерантности может идти по двум направлениям – расширение демократии и, наоборот, ее ограничение.

С наступлением Нового времени в обществе, в системе политического управления,

которое играет важную роль в человеческих отношениях, наряду с наукой, промышленностью, искусством, образованием на этом культурном этапе западной цивилизации, появилось новое, более сложное определение концепции суверенитета, главной характеристики государства. Суверенитет – это власть законного правительства, основа независимых действий. Государство под эгидой единого суверенного правительства объединяет и утверждает законы, объявляет или прекращает войну, назначает должностных лиц, осуществляет судебную власть и имеет право помиловать (Жак Боден). Осуществляя власть, должностные лица при этом создают для каждого гражданина условия для проявления политической воли в рамках закона [13]. В целом возможности для толерантности расширяются: в обществе, действующем на основе единых законов, для каждого человека создаются условия и возможности для удовлетворения своих законных потребностей, независимо от социального статуса, возраста, пола, расы, религии. То есть законы внутреннего порядка и управления, правила играют роль основы толерантности. Если в осуществление власти в государстве вовлечено достаточное количество граждан, тогда появляется широкое поле для правосудия.

Главный признак суверенитета – это справедливость и равенство в реальной жизни. Если человека справедливо наказывают, если кого-то хвалят, если каждому дано право, то можно говорить о равенстве в этом обществе или государстве. Справедливость в целом также предполагает терпимость. В результате постепенного развития принципов справедливости и равенства или в результате регулируемой ситуации толерантность стала находить свое выражение в поведении и отношении к жизни [14]. Сейчас мы видим это во взаимоотношениях, складывающихся между народами, регионами, религиями, государствами в современном обществе, в государственной политике многих стран. Мы уже видим проявления

терпимости в социальной структуре средневековья, к примеру, в возможности браков между бедными и богатыми, аристократией и крестьянством вместо браков, основанных на социальной стратификации.

Проявления толерантности в любой ситуации или обстоятельствах, в научных дебатах, судебных процессах, при урегулировании психологических аспектов внутригрупповых конфликтов напрямую связаны с социальной политикой, проводимой государством, его решениями по обеспечению прав и обязанностей каждого гражданина. В результате общего согласия, взаимного уважения и ожидания справедливости в каждом случае это формирует у людей общую принципиальную позицию, тенденцию и направление, так что он может принимать решения и действовать, только проявляя терпимость в своем поведении. Для того, чтобы этот процесс прошел достаточно гладко, следует

выдвинуть на первый план идеалы античности (нравственные, эстетические), вспомнить и правильно оценить негативное отношение средневековья

к природе человека (греховность, необходимость смыть грехи и т.д.), выдвинуть на первый план поклонение природе против христианской морали, обеспечить действенность законов, проводить необходимую работу по формированию нравственных норм [15].

Уже в Европе, в XVIII веке сверхъестественная мораль схоластов была заменена естественной моралью. Были исследователи, которые жили, творили и внесли большой вклад в мировую культуру и ее моральные основы, и пытались сделать это, не выходя из рамок естественного права (Г. Гроций). Можно сказать, что естественное право соприкасается с моралью, и его корни следует искать в человеческой природе. В целом зарождающийся новый мир, новая цивилизация пытались изучить, анализировать

МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО
ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО
СОПРИКАСАЕТСЯ С МОРАЛЬЮ, И ЕГО
КОРНИ СЛЕДУЕТ ИСКАТЬ В
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ.

моральные качества человека на новом уровне с точки зрения естественного права. Прежде всего, формирование новых нравственных подходов основывалось на идее нового, всеобъемлющего человеческого идеала середины указанного периода [16]. Теперь человек стоял лицом к лицу с природой, и, как неотъемлемая часть природы, он должен был быть готовым требовать и защищать свои естественные права. Человек должен был добиться реализации в обществе как исторического, так и естественного закона, ведь естественный закон основан на естественных потребностях человека. Общество – это собрание именно таких свободных людей.

Основываясь на принципах естественного права, исследователи считают, что они однозначно отражаются на развитии и характере общественных отношений. Естественное право регулирует жизнь людей и

влияет на традиции и образ жизни. То есть здесь выражены как нормы и правила природы, так и обычаи и нормы, в соответствии с этими правилами. В

результате влияние этих правил отражается на отношении людей к миру. Ясно, что естественное право не гарантирует, что толерантное отношение проявится с полной объективностью. К этому надо добавить цивилизные, то есть гражданские права, чтобы устранить последствия природного неравенства [17].

Теологи также выражают свое отношение к природному праву, отмечая, что человек вынужден искать милости у Бога, поскольку является греховным существом. Заповеди, записанные в проповедях Моисея, как раз и составили основу такого естественного права. Естественные и гражданские права создают условия для терпимости людей в общении и взаимодействии, формируя возможность сохранять и пользоваться справедливостью и достоинством, которые

являются их естественными потребностями в обществе. Согласно религиозным представлениям Нового времени, здесь различались божественные права и человеческие (гуманистические) права. Божественный закон касается жизни человека в этом мире. Люди объединяются в обществе, чтобы реализовать свои естественные права, и проявляют взаимную терпимость. И естественные, и гражданские права регулируют политическую систему, управляют здесь суверенитетом, определяют свободу людей и их волю. Некоторые теологи, которые пытались объяснять и разрешать конфликты на основе свободной воли и предвидения или неизбежности того, что должно произойти, привели к раздроблению религиозных конфессий, демонстрируя различные позиции в религиозных спорах.

Все эти процессы в конечном итоге привели к формированию новой политической, правовой и моральной основы человеческих отношений в обществе. В результате человечество все больше освобождается от религиозных, политических и моральных догм. Моральные и религиозные идеи, которые веками доминировали в религиозном сознании, постепенно заменялись новыми идеями, имеющими общечеловеческую основу. Хотя религиозные противоречия и конфликты не стихали, реформы религиозных институтов были неизбежны, отношение людей к основным принципам религии и святости начало меняться. На передний план человек выдвигает свои навыки, способности, желания и стремления. Это стало придавать ему уверенности в своей уникальности и неповторимости. В новой духовной и культурной среде современной Европы отношение к человеческой жизни, смыслу жизни и ценным здесь нравственным нормам стало естественным и носить индивидуалистический характер.

Важную роль здесь сыграли зарождающееся естествознание, а также богословские дискуссии, имевшие место в результате Реформации [18]. Центральное место занима-

ет механистическое объяснение происхождения и развития мира (движение, сила, фигура, измерение) (Галилей). Обстоятельства, связанные с человеческими чувствами и мыслями (вкус, запах, цвет, температура), толкуются как субъективные. Новые мыслители, в том числе Т. Гоббс, пытались применить новые идеи о природе для объяснения духовной и общественной жизни. В основе каждого события лежит движение и развитие. Человек не может родиться хорошим. Единственная причина, по которой люди объединяются в обществе, – это поиск выгоды. Человек хочет себя больше, чем другие, то есть на самом деле он эгоистичен. Чтобы приносить пользу, нужно управлять людьми, а не объединяться с ними. Что-то должно удерживать людей от желания править. Если есть фактор, который может этому помешать, то это страх.

Поскольку страх взаимен, это может быть основной причиной формирования общества. По естественному праву более сильный человек может причинить боль и убить более слабого. Причина тому – желание защитить себя. Это естественное следствие, что когда человек видит множество опасностей со стороны других людей, он начинает искать способы защитить себя. Право на самооборону – основа естественного права. Здесь можно использовать любые инструменты. Однако естественное право никому не приносит пользы. Здесь идет война. В результате становится ясно, что сама человеческая природа требует прекращения войны и достижения мира при определенных условиях. Основным естественным законом является сохранение мира и развитие общества (Томас Гоббс) [19].

Отсюда можно сделать вывод, что в эпоху человеческой жестокости, при полной реализации естественного права, не может быть и речи о человеческих отношениях, основанных на терпимости. На самом деле терпимость возникает с того момента, когда человек создает общество, отказываясь от некоторых своих естественных прав. Когда

человечество создавало общество, оно также создало множество законов и правил, чтобы сохранить черты и характеристики сообщества и единства. В результате у людей развивается ряд социальных качеств, не столь характерных для них раньше. К этим качествам относятся смирение, терпение, законность, запрет на антиобщественное поведение, и т.д.

Основной принцип – это невозможность применять к другим то, что не считается справедливым по отношению к себе (Гоббс) [19]. Соблюдая закон, люди должны не только прислушиваться к своему внутреннему суждению и совести, но и соблюдать закон и прочие договоренности ради справедливости. Если человеческая воля определяет их действия, сама воля управляется надеждой и страхом. Следовательно, если люди нарушают закон и находят способ извлечь из этого выгоду, они нарушают закон. Мир важен для всех, но поскольку есть разные способы достижения мира, могут возникать споры и противоречия по поводу средств. Единая воля представлена государством.

Стабильные и долгосрочные отношения формируют цивилизацию и укрепляют основы культуры. Помимо законов, регулирующих деятельность людей, гражданское общество также играет важную роль в становлении и развитии общества. Полнота свободы измеряется взаимной выгодой, возникающей в отношениях между гражданином и государством (Локк) [20]. Здесь можно говорить об индивидуализме, который является одной из отличительных черт капитализма. Если в средние века индивидуальность и независимость подавлялись внешним влиянием, то в новую эпоху рационализм стал выдвигать на первый план индивидуальную независимость. Таким образом, индивид осознает свою важность как индивидуального социального существа и извлекает из этого пользу на практике.

В результате всех этих процессов в формировании и развитии государств (совершенствование политической и правовой

базы, развитие капиталистических производственных отношений, влияние человеческого фактора на развитие национальных культур, т.е. появление новой личности, постепенная роль научного познания в мировоззрении и т.д.) начал появляться новый подход. Социально-политические процессы (Реформация, Великая французская буржуазная революция, расширение научных связей, глобализация мира), результаты экономического развития привели к тому, что люди стали действовать на новых основах в своих отношениях друг к другу [21]. Быстро меняющиеся формы социальной жизни предъявляют новые требования к людям. Природа расширяющихся социальных отношений побуждает людей учитывать реалии своего поведения, искать стабильную и устойчивую основу для общения.

Одним из ведущих аспектов развития Нового времени было развитие среди гуманитарных наук истории, а также права. Одним из положений, выдвинутых гуманитарным мышлением, была новая историческая хронология. Дж. Вико первым охарактеризовал периоды исторического развития. Божественная, теократическая эпоха героев и человеческая, или гражданская эпоха нашли свое выражение во всех сферах человеческой жизни. Толерантность, как способ строительства человеческих взаимоотношений, не была представлена одинаково в каждый из названных периодов. В божественный или теократический период поклонение божественному и святому строилось на основе послушания, страха и терпимости, заставляя человеческое отступать на задний план. Во времена героев, поскольку сильные люди (полководцы, вельможи, старейшины) были в обществе важнее, в котором они жили, человеческие отношения строились не на законе, а на послушании, авторитете и в некоторой степени страхе. Нельзя сказать, чтобы другие моральные ценности не влияли на этот процесс (семья, община, религия и т.д.). Однако ведущей стороной была система ценнос-

тей, основанная на социально-политических и экономических отношениях. В целом отношения, складывающиеся между народами, общностями, этносами, строились на общих ценностях, в соответствии с периодом их проживания [22].

Наряду с естественными правами человека гражданские права играли ведущую роль в отношениях, сложившихся в период существования человека или гражданства (человеческая воля, его свобода, права и т.д.). Также следует отметить, что универсальные, общегуманистические принципы выражались по-разному в каждый период. Это можно больше увидеть в отношениях, устанавливавшихся между племенами, родами и государствами. Например, с точки зрения преимуществ брака, заключение его с девушкой из соседнего племени или другой страны, способа установления экономических, прежде всего торговых отношений, и так далее [23].

Дж. Вико видит базовую основу таких отношений в необходимости совместной деятельности людей. То есть понятно, что если люди вместе сильнее, то на многие вещи надо закрывать глаза и проявлять выдержку. Люди также действуют в зависимости от режима, навязанного государством. Здесь взаимодействие напрямую связано с социально-историческими факторами (Монтескье) [24].

Выводы. Идея толерантности проявлялась на всех этапах развития цивилизации. В древних культурах степень взаимной терпимости между людьми измерялась, прежде всего, авторитетом. Авторитет как особый вид дисциплины влиял на взаимоотношения и общение между людьми через воздействие и влияние. Здесь влияние направлено как на отдельных лиц, так и на их организованное объединение. Влиятельные люди (дворяне, главы родов, старейшины, полководцы и т.д.) обладают особой способностью влиять на остальное общество. Здесь тоже важна сфера деятельности. Формы влияния (авторитета) развивались по мере становле-

ния дальнейших общественных этапов. Политический авторитет мог возникнуть только в рамках политической организации общества. До этого управление регулировалось особыми правилами (обычаями и традициями, религиозными правилами и т.д.). Авторитет выдвигает в систему управления различных индивидов, сообщества, социальные группы [25]. В государстве власть его социальных институтов регулируется законом. Отношения, складывающиеся между людьми, зависят от реальности этого авторитета. Здесь толерантные отношения могут быть основаны на ценностях и чувствах, таких как послушание, страх, чувство долга, а также на высоких ценностях, связанных с чувством патриотизма, приверженности идеям. В истории были люди с экстраординарными способностями и талантами, влияние которых изменило ход развития общества, что стало поворотным моментом в истории.

Несомненно, авторитет, реализуемый на различных уровнях, по-разному влияет на деятельность человека. Если в первобытном обществе принуждение осуществлялось силой влияния авторитета (личного, индивидуального), в классовом обществе оно может быть реализовано силой политического и правового принуждения. Это можно увидеть в межкультурных отношениях, сформированных на основе разных цивилизаций в глобальном масштабе. Древние деспотии, гигантские империи и территории, охваченные мировыми религиями, пытались влиять на другие части мира и осуществлять свою власть через слово, меч и духовные идеалы.

Это в последующем определяло степень терпимости и возможности самовыражения между этими учреждениями. В истории и в нашей сегодняшней жизни есть множество тому примеров. Это особенно проявляется в отношении конфликтов между религиозными конфессиями и внутри них (самые последние – между Православными Церквями Украины и России, Македонии и Сербии) и т.д.

Примечания:

1. Dözümlülük prinsiplərinin bəyannaməsi. YUNESKO Baş Konfransının 16 noyabr 1995-ci il tarixli 5.61 qərarı ilə qəbul edilmişdir // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
2. Леви-Брюль Люсьен. Первобытный менталитет / перевод с французского Е. Калыдикова. – СПб. : Европейский Дом, 2002. – 400 с.
3. Пайгунова Ю.В. Развитие толерантности в онтогенезе личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – Том 2. – Вып. 1(5). – С. 20-26.
4. Радугин А.А. Толерантность как духовно-нравственное основание реализации принципа свободы совести в современном обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – Вып. 2. – С. 42-48.
5. Domínguez Juan Pablo. Introduction: Religious toleration in the Age of Enlightenment // *History of European Ideas*, Volume 43, 2017. Pages 273-287
6. Lichtheim, Miriam. Moral Values in Ancient Egypt. Zurich Open Repository and Archive // <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/1>
7. Xəlilov S.S. Sivilizasiyalararası dialoq. Bakı : “Adiloğlu” nəşriyyatı, 2009. – 258 s.
8. Berridge G.R. Machiavelli: Human Nature, Good Faith, and Diplomacy // *Review of International Studies* Vol. 27, No. 4 (Oct., 2001), pp. 539-556
9. Tao Huang, Yang Shu, Yu-Dong. Genetic differences among ethnic groups // *BMC Genomics*. 2015
9. Днепров Т.П. Эволюция смысла толерантности в истории философско-педагогической мысли // *Сибирский педагогический журнал*. – 2009. – С. 175-182.
10. Гнатенко П.И., Павленко В.Н. 1999. Идентичность: философский и психологический анализ. – Киев : Арт пресс. – 466 с.
11. Berridge G.R. Machiavelli: Human Nature, Good Faith, and Diplomacy // *Review of International Studies* Vol. 27, No. 4 (Oct., 2001), pp. 539-556
12. Tao Huang, Yang Shu, Yu-Dong. Genetic differences among ethnic groups // *BMC Genomics*. 2015
12. Государь; Размышления над первой декадой Тита Ливия / Никколо Макиавелли; пер. с итал. К. А. Тананушко. – Минск : Харвест, 2004. – 703 с.
13. Бобкова М.С. Исторический метод Бодена как способ теоретического осмысления прошлого // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. – М., 1999. – Вып. 1. – С. 184-201.
14. Гугняк В.Я. Жан Боден (1530-1596) как представитель раннего меркантилизма // *Вопросы экономики и права*. – 2015. – № 15. – С. 80-85.
15. Золотухин В.М. Терпимость и толерантность: сходство и различие // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. – 2003. – № 33. – С. 94-100.
16. Коркунов Н.М. История философии права : пособие к лекциям / [Соч.] Н.М. Коркунова. – Изд. 3-е (без перемен). – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 431 с.
17. Гуляихин В. Н. Правовая социализация человека [Электронный ресурс] : монография / В.Н. Гуляихин. – М. : Юстицинформ, 2014. – 283 с.
18. Большаков В.П., Завершинский К.Ф. Своеобразие культуры Нового времени в ее развитии от Ренессанса до наших дней : учебное пособие / под ред. В. П. Большакова. – Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2001. – 144 с., ил.
19. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1989. – 622 с. – (Филос. насл. Т. 107.) – С. 507-573.
20. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / под ред. И.С. Нарского. – М. : Мысль, 1985. – 623 с.
21. Круглова Н.В. Этапы становления толерантности как социокультурной нормы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2011, август. – № 4(29). – С. 109-112.
22. Пайгунова Ю.В. Развитие толерантности в онтогенезе личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – Том 2. – Вып. 1(5). – С. 20-26.
23. Mikael Hjerm, Maureen A. Eger, Andrea Bohman & Filip Fors Connolly. A New Approach to the Study of Tolerance: Conceptualizing and Measuring Acceptance, Respect, and Appreciation of Difference // *Social Indicators Research*, volume 147, pages 897-919 (2020)
24. Монтескье Ш. О духе законов / перевод А. Матешука. – М. : Мысль, 1999. – 674 с.
25. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Гражданское общество в древности // *ВДИ*. – 1998. – № 1. – С. 22-29.

INTERNATIONAL RELATIONS: DISCOURSE AND DISSONANCE OF LGBT PERCEPTION

Botasheva Asiyat Kaziyeвна, DSc of Political science, Associate Professor, Professor, Department of Journalism, Media Communications and Public Relations Chair, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

International relations shape the image of the modern world and its structure, which at this stage is sometimes characterized by very unique networks of human relationships, a variety of features of the development of peoples. In this regard, the attitude of international organizations towards sexual minorities, organizations that participate in the recognition or denial of gays and lesbians, and same-sex married couples is very remarkable. This review study proves that there is some dissonance in international relations caused by the fact that not all international organizations and States respond equally to the Declaration of the rights of representatives of sexual minorities that protect the institution of LGBT and same-sex marriage.

Keywords: international non-governmental organizations; sexual minorities; United Nations; Russian Orthodox Church; European Union; same-sex marriage; world Council of churches; LGBT.

DOI 10.24923/2305-8757.2021-5.10

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ДИСКУРС И ДИССОНАНС ВОСПРИЯТИЯ ЛГБТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

УДК 327.3
БАК 23.00.04

© Боташева А.К., 2021

Международные отношения формируют облик современного мира и его устройства, которым на данном этапе порой характерны весьма уникальные сети человеческих взаимоотношений, разнообразие особенностей развития народов. В этом плане весьма примечательным выглядит отношение международных организаций к сексуальным меньшинствам, организаций, которые участвуют в признании или отрицании геев и лесбиянок, однополых супружеских пар. В данном обзорном исследовании доказывается, что в международные отношения внесен некоторый диссонанс, вызванный тем, что не все международные организации и государства одинаково реагируют на декларацию прав представителей сексуальных меньшинств, защищающих институт ЛГБТ и однополых браков.

Ключевые слова: международные неправительственные организации; сексуальные меньшинства; Организация Объединенных Наций; Российская православная церковь; Европейский Союз; однополые браки; Всемирный совет церквей; ЛГБТ.

Последний год в России прошел под эгидой поправок в текст действующей Конституции, среди которых особый интерес россиян вызвала дискуссия относительно однополых браков. Понятно, что единства по поводу рассматриваемой проблемы не было. В целом мировое сообщество делится на государства, поддерживающие права сексуальных меньшинств (законодательно гарантируя брачный союз и возможность иметь паре ребенка) и государства, законодательно отвергающие такую возможность. Неоднозначно отношение к проблемам сексуальных меньшинств и со стороны международных организаций. Среди них самая крупнейшая и авторитетная – это ООН, которая на сегодняшний день остается единственным и беспрецедентным носителем "универсального кодекса поведения" всех государств, утверждает значимость основных прав человека, утверждает веру людей в достоинство и ценность каждой человеческой личности. Достигаются эти благородные цели в том числе и посред-

БОТАШЕВА Асият Казиевна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью, Пятигорский государственный университет, Пятигорск

ством тесного сотрудничества ООН с международными правительственными и неправительственными организациями различной направленности, так как взаимодействие с международными организациями всегда находится в центре внимания деятельности ООН. Также весьма значим масштаб влияния на международные отношения экуменистической организации ВСЦ, в котором экуменизм как практика межконфессионального диалога, ратующая за сближение и объединение различных христианских церквей (конфессий), является эффективным механизмом сближения христиан.

Теоретико-методологическую базу исследования составили ряд общенаучных методов исследования, в частности: исторический, который позволил рассмотреть изменения в законодательстве стран относительно однополых браков в историческом и бихевиористском разрезе; системный анализ, который позволил выявить основные тезисы ООН, ВСЦ и Еврокомиссара по вопросам равенства в отношении ЛГБТ и однополых браков; логические процедуры (анализ и синтез), которые позволили рассмотреть элементы противостояния курсу защиты прав ЛГБТ, действующему в Евросоюзе, со стороны Польши и Венгрии. С опорой на научный принцип диалектики был выявлен переход смыслов в новый качественный формат в поправках к действующей Конституции РФ.

Основная часть исследования.

Однополые браки относятся к уголовно-наказуемым преступлениям в 72 странах мира [13, 23]. В основном это страны Азии и Африки, а также Российская Федерация, где однополые браки запрещены на законодательном уровне. Напротив, на политической карте мира есть множество других государств, официально разрешающих однополые браки. Это Нидерланды, где однополый союз был впервые закреплен законодательно в 2001 году, Бельгия (2003 г.), Испания (2005 г.), Канада (2005 г.), ЮАР (2006 г.), Норвегия (2009 г.), Швеция (2009 г.), Пор-

тугалия (2010 г.), Исландия (2010 г.), Аргентина (2010 г.), Франция (2013 г.), Великобритания (2013 г.), США (2015 г.), Ирландия (2015 г.), Финляндия (2017 г.), Германия (2017 г.). Другая крупная держава, Китай, официально запрещает браки между геями и лесбиянками, допускает подобные союзы, если они заключены по традиционным обычаям.

Гомосексуальный образ жизни всегда вызывал неоднозначное отношение со стороны общества [15, 213-232]. Традиционно особенно активно выражала неприятие гомосексуализма Церковь. Но несмотря на то, что в официальной позиции Русской православной церкви, Римско-католической, большинства Протестантских церквей, Дальневосточных церквей, Церкви адвентистов седьмого дня и ряда других однополые отношения рассматриваются как грех, многолетние действия различных ветвей и лояльность Всемирного совета церквей (ВСЦ) привели к тому, что данный вопрос стал оказывать серьезное влияние на международные неправительственные организации религиозного направления. Так, начиная с 1999 года Всемирный совет церквей посвятил ряд основных заседаний обсуждению вопросов содомии и сексуальной ориентации, а так же проблемам однополых браков, и результатом активного давления сторонников полигамии на ВСЦ стало решение руководства Совета принять в свой состав Небесную церковь Христа в 1999 году [12].

Состоявшийся в 2014 году европейский форум ЛГБТ-христиан во Всемирном совете церквей был сопровожден ЛГБТ-служением, который подтвердил незыблемость лозунга: "Каждый имеет право исповедовать любую религию независимо от своей сексуальной ориентации и гендерной принадлежности" [8]. Так же ВСЦ лояльно относится к женскому епископату, который официально признан в трех Церквях: в США, Канаде и Новой Зеландии и Полинезии. К списку прибавилась Церковь Англии, где в ноябре 2014 года официально приняли за-

кон о женском епископате, после чего большой приход графства КЕНТ – община протестантов – пожелала перейти в католицизм из-за нежелания подчиняться женщине-епископу [3]. Большой международный резонанс получили слова англиканского епископа, пожелавшему перейти в католичество, в связи с тем, что генеральный синод Церкви Англии "ведет себя по-фашистски", не позволяя создать "параллельный" епископат для общин, не желающих подчиняться епископам-женщинам [1].

Таким образом, трансформации религиозного пространства, вызванные деятельностью ВСЦ в качестве международной неправительственной организации, воздействуют на международные отношения, вызывая политические отклики различной интенсивности. Так, Российская Федерация негативно реагирует на давление со стороны ряда политиков западных стран и различных МНПО религиозной направленности, обеспокоенных трансгендерным равенством в России, так как в 2009 году в Украине уже было проведено специальное исследование, посвященное социальным аспектам жизни трансгендерных людей, общественной организацией "Инсайт" при финансовой поддержке фонда "Astraea Lesbian Foundation for Justice" и ILGA-Europe в рамках программы "Human Rights Violations Documentation Fund", после которого европейскими специалистами был сделан вывод о необходимости расширения в Украине деятельности образовательных и информационных кампаний, которые будут на страже прав человека [10].

Через призму либеральных протестантских церквей проходит внешняя политика США, которая легализовала однополые браки в июне 2015 года, и в последнее десятилетие в США все больше настроены на популяризацию гендерной толерантности в мировом масштабе, поскольку либеральные протестантские церкви основывают свою точку зрения изучением Библии, где, на их взгляд, нет запрета на гомосексуальное по-

ведение. Отныне в части американских церквей и церквей западной Европы и Скандинавии, где сильны позиции либерального протестантизма, прихожане, открыто провозглашающие свою гомосексуальность, допускаются к священническому служению, так же имеются прецеденты рукоположения гомосексуалов в епископы. Учитывая, что именно эти церкви являются основными финансовыми донорами ВСЦ, надо ждать, что их позиция и практика в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ) будет распространяться и далее.

Влияние политической элиты США в вопросе защиты прав ЛГБТ, основанное в немалой мере на поддержке МНПО религиозной направленности, находит отклик даже в мусульманской среде США, где некоторые активисты и ученые задалась целью сделать ислам толерантным по отношению к ЛГБТ. Появились движения "Мусульмане за прогрессивные ценности" (Muslims for Progressive Values) (2007 год), которое выступает за равенство прав для ЛГБТ, женщин, межрелигиозное сотрудничество, толерантность и другие прогрессивные идеи, "Союз мусульман за сексуальное и гендерное разнообразие" (Muslim Alliance for Sexual and Gender Diversity) (2009 год), чья деятельность заключается в поддержке, укреплении и объединении ЛГБТ- мусульман, "Прогрессивные мусульмане Долины Пайонер" (2010 год). Сейчас они добиваются получения статуса консультанта в ООН, чтобы иметь возможность защиты прав ЛГБТ на международном уровне. Организации так же планируют создать свои филиалы на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Одновременно в Палестине был организован Иерусалимский Центр за сексуальное и гендерное разнообразие "Аль Коз" (Al Qaws), и создан мультимедийный проект под названием "Гимн Сексуальности" (Singing Sexuality), с использованием музыки, видеоматериалов и других видов искусства для привлечения внимания международной общественности к проблемам

ЛГБТ [16].

Другая крупная международная организация – ООН – посредством проведения встреч, консультаций, конференций, круглых столов, семинаров, диалоговых площадок, выявить и воплотить в практику уникальные посреднические функции, связанные с общими усилиями на пути к устойчивому развитию. Через сотрудничество с различными площадками общественного мнения ООН выполняется качественно новое политическое планирование на всех уровнях, проводится мысль об общей ответственности, связанной с мировыми политическими процессами и международными отношениями. Характерной чертой последнего времени стало то, что в ООН стали поднимать вопросы, ранее не специфические для обсуждения в формате организации. Это проблемы распространения заразных болезней, домашнего насилия, репродуктивного здоровья, калечащих здоровье женщины операций по религиозным мотивам, детских браков, стигматизации, дискриминации однополых браков и т.д. Перечисленное говорит о качественном изменении действительности, определенное спецификой деятельности ООН.

Данный курс приобретает специфическое направление, если обратиться к решению бывшего Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, который в 2014 году под влиянием Всемирного совета церквей, поддержавшего однополые браки, ввел новый порядок предоставления социальных льгот членам семей сотрудников ООН, учитывающий любой тип отношений, в том числе и однополый союз [11]. Так же, когда парламент Уганды одобрил закон, предусматривающий наказание в виде 14 лет лишения свободы за однополые отношения, – последовала жесткая реакция ООН, под натиском которой закон был отменен. Индия так же оказалась в числе критикуемых, когда во время официального визита в Дели Пан Ги Мун заявил, что твердо выступает за равноправие всех людей [4]. По мнению россий-

ской стороны, решение Пан Ги Муна "идет вразрез с суверенными правами стран-членов определять юридическую структуру жизни своих граждан" [4].

Исходя из этого, ООН, секулярная по своей природе и образу действий межгосударственная структура, демонстрирует заметно растущее стремление использовать потенциал взаимодействия МНПО религиозной направленности по спектру отношения к меньшинствам и однополым бракам. Целью является сосредоточить общие усилия для принятия политически значимых решений, сообща участвовать в становлении мировой повестки дня. Можем даже сказать, что сотрудничество ООН и МНПО является ярким подтверждением осознания мировой дипломатией важности и неизбежности делегирования в международных отношениях части жизненного пространства политики умеренным течениям основных мировых религий. Придерживаясь данной магистральной линии, нынешний генсек ООН Антониу Гутерреш продолжил линию поддержки гомосексуальных браков и в октябре 2020 г. в Нью-Йорке выступил с обращением, в котором поддержал призыв папы римского Франциска разрешить однополые браки [6].

В странах Европейского Союза зреют разногласия по поводу однополых браков, как следствие впервые разработанной в истории Евросоюза стратегии по борьбе с дискриминацией ЛГБТ в странах объединения. Документ был представлен общественности 12 ноября 2020 г. В новой стратегии Еврокомиссар по вопросам равенства Хелена Далли настаивает на внесение в очередной семилетний бюджет ЕС санкции в отношении тех членов Евросоюза, которые откажутся признавать права ЛГБТ. Под угрозой штрафных и иных санкций в первую очередь находятся Венгрия и Польша. В Венгрии лидирующая партия "Фидес" создала законопроект, который не разрешает усыновление детей однополыми браками. В Польше тоже выступают против преподава-

ния в школах такого предмета, как права гомосексуалов, считая это приемом агрессивного сексуализирования детей. Эти страны признаны странами, дискриминирующими права меньшинств. В частности, в сентябре 2020 г. послы 50 стран написали открытое письмо руководству Польши с призывом прекратить дискриминационные действия в отношении гей-сообществ. Доклад Еврокомиссии содержит следующие данные: в 2019 г. в Европе 43% представителей сексуальных меньшинств ощущали дискриминации, поскольку "мы все еще далеки от полного включения и признания, которого заслуживают ЛГБТ" [7].

Немецкая международная общественная телерадиокомпания Deutsche Welle предоставила слово польским правозащитникам, которые уверены в том, что одно лишение Польши доли финансирования как страны, дискриминирующей права ЛГБТ, недостаточно. Правозащитники настаивают на более карательных мерах – а именно "запуск в отношении Польши процедуры в соответствии со статьей 7 Договора о Европейском союзе – она предполагает приостановление отдельных прав государства на уровне ЕС, включая возможность голосования в его Совете" [7]. Дополнительно польские правозащитники считают, что эффективной мерой стало бы прекращение финансирования Польши.

Ранее легализация в 2013 году во Франции однополых браков вызвала широкий резонанс у французской общественности. Что касается Европы в целом, то единство в данном вопросе отсутствует, но в большинстве стран такие союзы либо разрешены полностью, либо существуют в виде различного рода "регистрируемых партнерств". Тем не менее, если в Бельгии, например, с июня 2015 года геям

разрешено быть священниками [2], и однополые браки разрешены, то в Германии однополые браки были разрешены в октябре 2017 г. Германская статистика показывает, что за первые три месяца после вступления закона в силу было зарегистрировано около 6000 мужских пар и около 5000 женских. На сегодняшний день каждый четырнадцатый брак в Германии является однополым [14].

Исследовательский интерес вызывает тот факт, что часть стран-членов Евросоюза (страны Восточной Европы) упрекают в том, что они сделали кампанию против ЛГБТ центральной частью своей идеологии, объявляя территории населенных пунктов "зонами, идеологически свободными от ЛГБТ". В свою очередь, депутат от правящей партии в Польше "Право и справедливость", тоже упрекает сторонников ЛГБТ в создании стройной идеологии, которая "выросла из тех же корней, что и гитлеровский национал-социализм". По мнению партийных лидеров, ЛГБТ – "это опасная идеология", которая стремится к монополизации влияния на граждан, хотя представители сексуальных меньшинств "никогда не исключались из общества" [7].

Выводы исследования. На сегодняшний день в международные отношения внесен некоторый диссонанс, вызванный

тем, что не все государства и не все международные организации одинаково реагируют на давление со стороны представителей сексуальных меньшинств и сторонников однополых браков.

Россия как полноправный член международных отношений имеет свою, не совпадающую с позицией таких крупных и влиятельных международной организаций, как ООН и Всемирный совет церквей, точ-

СЛЕДУЕТ ОЖИДАТЬ, ЧТО
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ
НА ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ,
ОДНОПОЛЫЕ БРАКИ И ВОЗМОЖНОСТЬ
ИМЕТЬ ОДНОПОЛЫМ ПАРАМ РЕБЕНКА
БУДЕТ ЕЩЕ НЕ РАЗ
ПЕРЕСМАТРИВАТЬСЯ В УСЛОВИЯХ
САМЫХ КОНСЕРВАТИВНЫХ В ЭТОМ
ОТНОШЕНИИ СТРАН.

ку зрения. С целью сформировать своего рода иммунитет к пропаганде гомосексуализма, в России был принят закон о запрете гей-пропаганды среди детей. Этот закон послужил поводом генеральному секретарю ООН для осуждения дискриминации гомосексуалов во время выступления на сессии Международного олимпийского комитета в Сочи, и было это сделано в нарушение Олимпийской Хартии, которая запрещает политические дебаты во время игр [7]. Позже в предлагаемых в 2020 г. поправках в текст Конституции РФ прошла линия противления официальному заключению однополых браков и в результате статья 72 Конституции обогатилась пунктом, который указывает, "что в совместном ведении РФ и ее субъектов находится защита института брака как союза мужчины и женщины" [5].

Рабочей группой по внесению поправок в текст Конституции было предложено идею о невозможности официально зарегистрировать однополый брак закрепить законодательно, без внесения соответствующих поправок в главный закон страны. По мнению части аналитиков, происходящее есть закрепление нетолерантного отношения российского общества к сексуальным меньшинствам, гомофобией, которая закреплена конституционно [5]. Особого научно-общественного дискурса не последовало, так как в мировоззренческой культуре россиян прочно укрепился критерий неприятия как самого феномена, так и его обсуждения.

Заключение. В прошлом веке в США и Европе за пропаганду гомосексуализма грозило пожизненное заключение в психиатрической клинике [9], а XXI век ознаменовался продвижением законодательства о возможности быть родителями ребенка не только двум однополым, а сразу четырем разным людям. Учитывая такой "прогресс", следует ожидать, что законодательные взгляды на гомосексуальные связи, однополые браки и возможность иметь однополым парам ребенка будет еще не раз пересматриваться в условиях самых консервативных в этом отношении стран.

Литература:

1. Англиканский епископ объявил о переходе в католичество. URL: <http://www.katolik.ru/pododnim-nebom/106488-2010-10-18-15-45> (Дата обращения 26.10.2020)
2. Бельгийские протестанты разрешили геям быть священниками. URL: invictory.com (Дата обращения 05.11.2020)
3. В Британии англиканский приход переходит в католичество из-за несогласия с женским епископством. URL: <http://www.stepantsov.info/wp/?p=4293> (Дата обращения 26.10.2020)
4. В ООН скандал. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1510138/> (Дата обращения 06.09.2020)
5. Гавришев А. Что говорит Конституция об однополых браках. URL: https://ng.ru/s/kartblansh/2020-03-18/3_7820_kartblansh.html (Дата обращения 05.11.2020)
6. Генсек ООН поддержал призыв Ватикана разрешить гей-браки. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3095892.html> (Дата обращения 16.10.2020)
7. "Заставить подчиниться": Еврокомиссия предлагает наказывать страны ЕС за гомофобию. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/12_a_13358815.shtml (Дата обращения 16.10.2020)
8. ЛГБТ-СЛУЖЕНИЕ "NUNTIARE ET RECREARE". URL: <http://www.nuntiare.org/?p=3604> (Дата обращения 26.10.2020)
9. "Под это что угодно можно подвести". Как в России и мире боролись с гомосексуализмом и его пропагандой. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/01/28/notfriendly/>
10. Проблема перехода в желаемый гендер. URL: <http://levoradikal.ru/archives/11000> (Дата обращения 26.10.2020)
11. РФ в ООН не удалось отменить льготы для однополых семей сотрудников организации. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1851931> (Дата обращения 26.10.2020)
12. Справка: Девять Генеральных ассамблей Всемирного Совета Церквей: 1948 – 2006. URL: <https://credo.press/63609/>
13. Царапкина О.К. Однополые браки. Аргументы "за" и "против" // Наука. Общество. Государство. 2019. Том 7. № 1 (25). С. 23-29.
14. Шевченко С. Однополые браки в Германии. URL: <https://aussiedlerbote.de/2020/04/odnopolye-braki-v-germanii/> (Дата обращения 05.11.2020)
15. Alexander D. Gay Genes?: Genetics and Sexual Orientation. In *Genes, Determinism and God*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 213-232. DOI:10.1017/9781316493366.011
16. LGBT Muslims Make Progress on the Path to Acceptance. URL: <https://www.advocate.com/politics/religion/2013/09/23/lgbt-muslims-make-progress-path-acceptance>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" (ISSN 2305-8757) – научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа в РИНЦ выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований. Издание предназначено для ученых, докторантов и аспирантов. Публикуется за счет средств издательства. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи по различным областям социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" издается по следующим отраслям наук: 10.00.00 Филологические науки; 17.00.00 Искусствоведение; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политические науки; 24.00.00 Культурология

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии со следующими требованиями.

- **Текстовый редактор** – Microsoft Word.
- **Формат** – А4.
- **Поля** – 2 см со всех сторон.
- **Шрифт** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).
- **Размер шрифта** – 14.
- **Межстрочный интервал** – 1,5.
- **Абзацный отступ** – 1,25.
- **Ориентация** – книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.
- **Редактор формул** – пакет Microsoft Office (MathType).
- **Графики, таблицы и рисунки** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.
- **УДК** (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udk-codes.net/>).
- **Соответствие Научному направлению.**
- **Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по те-

матике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков.

• **Ключевые слова и фразы на русском и английском языках** (не менее 7–10).

• **Фамилия, имя, отчество автора(ов)** (жирным шрифтом), **полное название представляемой организации (вуза), e-mail** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• **Название статьи** – по центру, без отступа, прописными буквами.

• **Текст статьи** – выравнивание по ширине.

• **Список использованной литературы**, оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• **Рекомендуемый объем материалов** 2–3,2 печ. л. (16–25 полных страниц без учета библиографических ссылок).

1.2. Оформление сносок:

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147-158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАСУ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Статьи и сопровождающие материалы принимаются по электронной почте (адрес редакции: info@stavrolit.ru). Именем файла является фамилия автора кириллицей или латиницей (например: Иванов.docx, Petrov.doc).

1.12. Статьи принимаются на e-mail Редакции (с квитанцией об оплате после утверждения статьи к публикации): info@stavrolit.ru; igla_fatal@mail.ru.

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегияу журнала.

2.2. Статьи публикуются в журнале на основе рецензирования. Авторы предоставляют отзывы от лиц, имеющих ученую степень кандидата / доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому подана статья) – внешнее рецензирование.

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (далее – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутреннее рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*
- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходи

мости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

2.12. Стоимость печатного экземпляра с учетом почтовой пересылки по РФ (по запросу автора) – 1600 руб./1 экз.

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

4.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:

- 1.1. Фамилия, имя, отчество _____
- 1.2. Ученая степень (при наличии) _____
- 1.3. Ученое звание (при наличии) _____
- 1.4. Место работы _____
- 1.5. Занимаемая должность _____
- 1.6. Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала) _____
- 1.7. Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации) _____
- 1.8. Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов) _____
- 1.9. Название статьи _____

4.2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

4.3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Title of the article in English

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD / DSc of Sociological science, Professor, Department of Sociology, Moscow State University, Moscow

The abstract should reflect the purpose of the research, the main content and novelty of the article in comparison with others related in subject and purpose, as well as the results obtained. The recommended average annotation size is 600 characters.

Keywords: words and phrases in the number of at least eight must be separated from each other by the sign [;].

Иванов Иван Иванович, кандидат / доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии, Московский государственный университет, Москва

ivanov@mail.ru (для сотрудника редакции)

Тел.: +7928-000-00-00 (для сотрудника редакции)

Почтовый адрес для пересылки авторского экз.: 000000, г. Москва, ул. Ленина, д. 145, кв. 15. (для сотрудника редакции)

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты. Рекомендуемый средний объем аннотации – 600 печатных знаков.

Ключевые слова: слова и обороты в количестве не менее восьми должны быть отделены друг от друга знаком [;].

Социологические науки

УДК 316.74

ВАК 22.00.00

Иванов И.И., 2020

Название статьи на русском языке

108

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

- 1.
- 2.